

Академия наук СССР
Институт русского языка

Русская речь

4 ИЮЛЬ
АВГУСТ
1990

Научно-популярный журнал

Издается с января 1967 г.
Выходит 6 раз в год

МОСКВА "НАУКА"

В НОМЕРЕ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 3 *М. И. Исаев.* Об актуальных проблемах языковой ситуации в нашей стране ©

К КОНГРЕССУ МАПРЯЛ

- 9 Почти сто стран...

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 12 *Л. Н. Михеева.* «Меткий и без излишества щедрый» (О языковой манере автора «Поединка») ©

- 20 *М. Л. Гаспаров.* «Гастрономический» пейзаж в поэме Марины Цветаевой «Автобус» ©

Писатель и его читатель

- 27 *И. А. Корнилова.* Еще раз о «Скращении судеб»... ©

- 32 *Я. И. Гил.* Судьба Филомелы в русской поэзии ©

АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

- 39 *Юрий Кукин* ©

ПИСАТЕЛЬ И СЛОВО

- 46 *А. И. Солженицын.* Русский словарь языкового расширения ©

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 65 *Л. К. Граудина.* «Духовной силою и разума, и слова» ©

- 71 *Л. А. Шкатова.* Речевые формулы спора ©

- 74 Из Хрестоматии о русском красноречии

Отвечает Служба языка

- 76 *О. Л. Дмитриева.* Добавить строку, добавить текста ©
-

ИЗ НАСЛЕДИЯ ЯЗЫКОВЕДА

- 79 *В. В. Виноградов*. Значение А. С. Пушкина в истории русского литературного языка и в истории стилей русской художественной литературы ©

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

- 89 *К 90-летию со дня рождения С. И. Ожегов*. Вопросы нормализации современного русского литературного языка ©
 95 «Великая служба многим поколениям»

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 99 *Д. Д. Пивовец*. Франциск Скорпина и родной язык ©
 105 Из Этнолингвистического словаря славянских древностей. *Баня*

НА КАРТЕ РОДИНЫ

- 111 *Е. М. Поспелов*. Орешек или Шлиссельбург? (Проблемы восстановления исторических названий) ©

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 115 *Ж. Ж. Варбот*. «Ты солнце в выси мне застишь...» ©
 118 *В. М. Мокиенко*. На каких бобах нас оставляют? ©
 122 *В. И. Невойт*. Борщевые щи ©
 127 *Эр. Хан-Пира*. Нагнетать обстановку ©

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 130 *О. И. Владимирская*. О возможных мотивах изъятия главы «У Тихона» из романа «Бесы» Ф. М. Достоевского ©
 135 *С. Ю. Дубровина*. Кукушкины слезки ©
 141 *Т. Ю. Тамерьян*. Фабрика, завод, индустрия ©

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

- 144 *Н. А. Каламова*. О спряжении глагола ©

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»**153 ХРОНИКА**

- 157 *Н. Воскресенская*. Кроссворд (Юмористический рассказ на актуальную тему) ©

Обложка выполнена *М. Мордвинцевой* ©

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В НАШЕЙ СТРАНЕ

М. И. Исаев,
доктор филологических наук

Сердцевину языковой ситуации составляют национально-языковые проблемы, которые за последние годы значительно обострились. Это объясняется общим состоянием национальных отношений, причины обострения которых социологи истолковывают по-разному.

Одни, не видя глубинных причин появившихся «национальных движений», сводят все или почти все к субъективному фактору, т. е. «проискам» недругов социализма, интернационализма советских народов, действиям различных экстремистских групп. Для таких людей достаточно «призвать к порядку» различных «смутьянов» в республиках и «все станет на свои места», продолжит расцветать дружба между народами в рамках новой исторической общности — советский народ. Соответственно, будут и в дальнейшем функционировать в полном согласии языки республик и язык межнационального общения. Правда, сторонники этой точки зрения признают необходимость некоторой шлифовки национально-языковой ситуации в СССР.

Согласно противоположной точке зрения, национальный вопрос в нашей стране не только не решен, но вся теория и практика развития национальных отношений представляют собой вульгаризацию марксизма-ленинизма. Все конкретные мероприятия по решению национального вопроса, проведенные в стране, представляются как цепь сплошных искажений и неудач. Сторонники этой точки зрения склонны все нерешенные проблемы объяснять лишь «злой волей культа личности» (как тут не вспомнить недавнюю нашу практику все сваливать на «пережитки капитализма!»). Многие поборники такого подхода к объяснению нынешней национально-языковой ситуации, как правило, не признают уже правомерность таких понятий, как двуязычие, язык межнационального общения, новая социально-историческая общность — советский народ. Некоторые из них порой отрицают даже сам факт строительства в нашей стране социализма.

Как это часто бывает, истина находится где-то в пространстве между двумя этими крайними точками зрения.

По-видимому, правы те, кто в объяснении создавшейся острой национально-языковой ситуации призывают пойти дальше простых ссылок на культ личности. Они за конкретное выявление фактов отхода от ленинской концепции в те или иные периоды нашей истории.

Да, в эпоху культа были искажены многие основополагающие положения ленинской концепции решения национального вопроса, включая его языковой аспект. Прежде всего, тут необходимо сказать о малых народностях. Известно, что В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость проявлять особое внимание к их судьбе. Чем меньше народность, тем большего внимания он требовал к ней, к ее культуре и языку.

В первые годы Советской власти это ленинское требование еще находило понимание руководителей и воплощалось в жизнь. Так, в стране появились многочисленные автономные образования вплоть до районных и кишлачных. Создавались на их языках письменности, сыгравшие решающую роль при ликвидации неграмотности населения.

Позднее абсолютное большинство этих автономных образований было ликвидировано, что не замедлило отрицательно сказаться на этно-культурной ситуации национальных регионов. В полном соответствии с официальной линией на скорейшую «этническую консолидацию» основное внимание и теоретиков, и практических работников в 30–40-е годы было обращено на интеграционные процессы, которые, разумеется, имели место, но ни в коем случае не покрывали всей сложности и форм эволюции национальных отношений.

При таком подходе в годы культа личности за бортом государственной и общественной заботы оставались прежде всего десятки малых народностей, этнографических и национальных групп.

К сожалению, и после разоблачения культа личности и наступившего вслед за этим периода волюнтаризма положение малых народностей не изменилось к лучшему. Более того, можно говорить даже об обратном. Дело в том, что предоставление союзным республикам огромных прав в областях хозяйственного и культурного строительства, способствовавшее дальнейшему развитию основных наций, проживающих в данных республиках, еще больше оттенило неравенство малых народностей и национальных групп. Их положение усугублялось и тем обстоятельством, что в этот период интеграционным процессам сверху начали

придавать искусственные импульсы. В теории национальных отношений односторонне поддерживались тенденции, придающие самодовлеющее значение процессам сближения национальных культур. В то же время сами эти процессы рассматривались как реальное проявление элементов слияния наций.

Все это полностью согласовывалось с волюнтаристской установкой построить в нашей стране к 80-м годам коммунистическое общество, но ничего общего не имело как с реализмом, так и с интересами советских наций и народностей, в особенности малых.

Эпоха застоя не внесла заметного улучшения в теорию нации. Что касается практики, то тут наблюдается даже утрата отдельных результатов, которые были достигнуты в предыдущие периоды. Это было во многом связано с явлениями застоя в развитии производственных отношений, коррупции и т. п. Отступления от марксистско-ленинских принципов строительства социализма с неизбежностью оживили явления шовинизма и национализма в многочисленных их проявлениях. До поры до времени, правда, под давлением административно-бюрократических методов правления недовольство народа не выходило наружу («болезнь была загнана внутрь»).

В эпоху гласности и демократизации с ослаблением административно-командного прессинга нации и народности открыто заговорили о том, что их угнетало десятилетиями, сдерживая их нормальное развитие. Это попятно и неизбежно («болезнь, так сказать, выходит наружу»). Происходит очищение от всего того, что мы ныне считаем извращением духа марксистско-ленинского учения по национальному вопросу.

Однако, анализируя конкретные формы этого «очищения», трудно отделаться от мысли, что в теории перестройки пока не нашлось достаточного места проблемам национальных отношений. Не чувствуется наличие разработанной концепции их совершенствования. Из-за отсутствия прогнозирующих разработок предпринимаемые конкретные шаги по нормализации международных отношений, как правило, носят запоздалый характер. Как бы утрачена инициатива по регулированию и решению национальных проблем (болезни, в особенности застарелые, следует лечить умеючи, после всесторонней их диагностики).

В результате, в некоторых республиках первоначально в постановке национально-языковых проблем верх взяла некомпетентная крикливость и «митинговая демократия». Что касается руководителей и специалистов, то они порой проявляют растерянность.

Сказанное, как мне представляется, дает ключ к пониманию современных национально-языковых проблем, чаще всего возникающих из-за нарушения принципа равноправия языков, их беспрепятственного совершенствования.

В вопросе о свободном развитии языков необходимо иметь в виду наличие факторов двух типов: субъективного и объективного. Очень часто в рассуждениях того или иного ученого замечается их смешение. В результате не достигается взаимопонимание, упрощается проблема.

С точки зрения субъективного подхода к вопросу свободного развития языков народов СССР, казалось бы, дело обстоит просто: каждый народ в условиях национального равноправия пользуется своим языком в тех сферах, в которых считает это нужным. Но юридическое равноправие не означает их фактического равенства. Разные языки из-за различия исторических и социальных условий формирования и функционирования оказались обладателями разновеликого коммуникативного потенциала. Иными словами, языки разнятся по целому ряду экстралингвистических показателей (количество носителей, наличие и давность литературных традиций, наличие и форма национально-государственного или автономного образования у народа-носителя и т.п.). Эти и подобные факторы относятся к объективным, и без их учета любые субъективные построения могут оказаться нереалистичными.

Таким образом, принцип свободного развития языков должен опираться, по моему убеждению, на положение об абсолютном равноправии языков, с одной стороны, на учет объективных возможностей (а порой и целесообразности) использования данного языка в тех или иных сферах жизни, с другой. Только сочетание объективных и субъективных факторов позволит предложить справедливое и реалистическое решение языковых проблем в нашей многонациональной стране.

В прошлом национально-языковая политика нередко страдала из-за шараханий из одной крайности в другую. Что касается застойного периода, то административно-командные методы руководства обществом (включая и культуру) привели к недостаточному использованию в национальных республиках родных языков. Особенно явственно это проявилось в автономных образованиях, в которых почти повсеместно даже национальные школы были переведены на русский язык обучения. Это сопровождалось вместе с тем слабой организацией преподавания языка межнационального общения народов СССР.

Исправление допущенных недостатков, однако, ныне проис-

ходит в такой обстановке, что есть опасность «с водой выплеснуть и ребенка». Улучшая положение родных языков, их использование и изучение, необходимо остерегаться снижения знания русского языка, являющегося важнейшим средством единения всех народов СССР.

При этом необходимо учитывать, что справедливое решение перечисленных проблем неотделимо от правового обеспечения национально-языковых отношений в СССР, которые еще до недавнего времени не стояли остро. Во-первых, не существовало по-настоящему правового государства и слабы были самостоятельные позиции нашей юриспруденции. Во-вторых, статус государственного языка был отражен лишь в конституциях закавказских союзных республик и Абхазской АССР. В данном случае это означало лишь государственную заботу о языках, которую должны проявлять соответствующие правительства. Однако ныне подобный конституционный статус приобретают все новые и новые языки. К тому же в условиях еще только строящегося правового государства юридическое неравенство языков малых народов, конечно же, неминуемо станет свершившимся фактом.

Это не может не настораживать, ибо будет означать отступление не только теоретическое, но, что важнее, практическое от ленинского принципа равноправия всех народов и всех языков, от всемирно признанных национальных прав личности. В правовом отношении могут пострадать прежде всего языки народов, не составляющих основное коренное население союзных республик.

Что касается языка межнационального общения, то и он в новой ситуации нуждается в правовой регламентации. В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть, что среди множества существующих в нашей стране типов и разновидностей двуязычия наибольшее социальное значение имеют национально-русское и русско-национальное двуязычие. Это положение для меня остается бесспорным. Однако сегодня обнаруживаются немаловажные «нюансы»: во-первых, что такое билингв? До сих пор превалировало мнение, согласно которому билингв должен одинаково хорошо владеть обоими языками. Но такие явления чрезвычайно редки.

Вероятно, не следует требовать от миллионов людей нерусской национальности знания русского языка в такой же степени, в какой они знают родные языки. На мой взгляд, тут следует учитывать особенности самой личности, род его занятий. Именно это определит степень, в которой ему необходимо знание русского языка (кстати сказать, и родные языки люди знают и используют исходя из своих конкретных социальных потребностей).

Во-вторых. Указанный подход применим и к требованиям русско-национального билингвизма. От жителей национальных республик, не представляющих основную национальность, мы вправе ждать знание языка республики в той степени, которая соответствовала бы их общественному положению и роду деятельности. В таком случае в каждой национальной республике развивалось бы двуязычие, которое гармонизировало бы с особенностями их национально-языковой ситуации (ведь все республики тоже многоязычны!).

Но при всем этом ни в коем случае нельзя забывать также языки малых народностей — пусть и они функционируют свободно в пределах объективных возможностей (и целесообразности, которую определяют сами же народы).

Все языки страны связаны друг с другом, взаимодействуют и образуют некую общность. Некоторые эту общность называют «языковым союзом». Независимо от того, как его назвать, языки народов СССР связаны друг с другом теснейшими узами векового контактирования. В результате у них выработалось множество однотипных явлений, которые очевиднее всего выступают в лексике, семантике, синтаксисе, словообразовании и т. п.

Игнорировать этот феномен нет никакого смысла, но и преувеличивать его не стоит, т. к. в условиях двуязычия тенденции смешения языков не имеют больших перспектив. Это значит, что в данном случае не приходится говорить о складывании единой речевой системы, единого языка. Эта проблема, однако, требует своего дальнейшего изучения.

Вообще состояние исследования национально-языковых проблем, на мой взгляд, ни в коей мере не отвечает требованиям нашей бурно меняющейся действительности. Правда, что советские социолингвисты добились в прошлом немалых достижений. Особенно велик был их вклад в культурную революцию, когда их усилиями были созданы новые литературные языки для многочисленных народностей.

Однако в последующие десятилетия (в особенности в эпоху культа личности) языковеды отошли от острых проблем национально-языкового развития народов СССР, и сегодня мы имеем очень незначительный отряд компетентных социолингвистов, которые в состоянии разрабатывать многочисленные и острейшие проблемы языковой жизни народов СССР.

В то же время жизнь ставит перед нами сложные проблемы, и к их решению мы должны быть готовы. Надо наверстать упущенное и этим внести свой вклад в стабилизацию и справедливое решение национально-языковых проблем в нашей стране.

ПОЧТИ СТО СТРАН...

В августе в Москве будет проходить очередной, VII Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Советский Организационный комитет по подготовке и проведению этого конгресса возглавляет Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков.

О деятельности Ассоциации и целях конгресса рассказывает заместитель председателя Организационного комитета президент МАПРЯЛ член-корреспондент АН СССР П. А. Николаев.

Ассоциация была создана по инициативе ряда стран Европы, Азии, Америки и Австралии на учредительной конференции в сентябре 1967 года в Париже. Согласно уставу, принятому на той конференции, Ассоциация является международным общественным объединением преподавателей и других специалистов по русскому языку и литературе и представляет их научные и профессиональные интересы в международном плане. Ассоциация имеет статус ЮНЕСКО.

Главные задачи МАПРЯЛ: содействовать распространению преподавания и изучения русского языка и литературы во всем мире; стимулировать развитие научных методов обучения русскому языку и выработке литературоведческих принципов; сотрудничать с международными лингвистическими, литературоведческими и другими организациями по профессиональным вопросам. Есть и много иных конкретных задач, относящихся к сферам науки и образования.

О том, как развивалась деятельность Ассоциации в течение 22 лет, говорят такие цифры: упомянутую учредительную конференцию в Сорбонне представляли ученые 17 стран, теперь в Ассоциацию входят многие десятки тысяч специалистов из более 70 стран всех континентов — от Канады до Австралии, от Финляндии до Перу. На первом конгрессе в Москве (1969 год) присутствовало 522 делегата, на нынешнем будет более трех тысяч. Варненский, Варшавский, Берлинский, Пражский и Будапештский конгрессы окончательно утвердили принцип интеграции как

основополагающий для деятельности всех учебных-русистов, входящих в МАПРЯЛ. Это имело немалые практические результаты: создание смешанных советско-иностраных авторских коллективов, развитие важной дисциплины — страповедения, выработка магистральных путей в методике обучения русскому языку (активная коммуникативность) и т. д.

Почти за четверть века существования МАПРЯЛ прошли многие десятки международных и региональных конференций, симпозиумов и совещаний. Это были, как правило, целенаправленные заседания, где решались конкретные вопросы изучения русской культуры и обсуждались профессиональные проблемы, связанные с национальной и региональной спецификой. Там же вырабатывались рекомендации относительно психологических и лингвистических основ преподавания и изучения русского языка и литературы, которые могли быть в повестках дня очередных главных конгрессов.

Проблематика подобных совещаний попросту необозрима. Здесь и методы преподавания русского языка как иностранного (Чехословакия), и особенности художественного перевода с русского языка на романские и с романских на русский (Италия), и преподавание русского языка в технических вузах (Франция), вопросы изучения русского языка в англоязычных, испано-говорящих, финно-угорских странах (США, Куба, Финляндия). Прошло несколько региональных конференций, посвященных русистике в странах Азии и Африки (Индия, Монголия, Нигерия и т. д.).

С каждым годом все интереснее проходят региональные конференции. Никакого внешнего, показного единодушия. Напротив, горячие дискуссии, ведущиеся талантливыми людьми, оригинальные оценки процессов, происходящих в нашей стране (нынешний «русский бум» в некоторых странах вызван, конечно, ими) — многим советским русистам, в том числе и мне, довелось видеть это на многочисленных симпозиумах в Европе и Азии.

Понятно, что новые политические процессы, происходящие ныне в восточноевропейских и других странах, рождают новые проблемы и в нашей сфере деятельности. Огорчает, например, поворот в отношении к русскому языку на Кубе, внушает озабоченность судьба филологов-русистов в Чехословакии и Венгрии. В то же время бурные общественные события в Монголии не помешали недавно принять там решение об обязательности изучения русского языка в средних школах и вузах; мне довелось также быть свидетелем и очень обнадеживающих процессов в китайской русистике.

Советские ученые осознают свою координирующую роль в

мировой русистике. У нас огромные возможности для осуществления этой функции. По инициативе Ассоциации в Москве в 1973 году создан Институт русского языка им. А. С. Пушкина, в котором ежегодно проходят стажировку более трех тысяч преподавателей, аспирантов и студентов из 60 государств и около 3,5 тысяч обучаются заочно. Несколько лет действуют филиалы этого Института в Венгрии, Чехословакии, Польше, Монголии и других странах. Институт имеет связи с сотнями зарубежных университетов и учебных центров. Институт выпускает специальный журнал «Русский язык за рубежом», который распространяется более чем в 80 странах. Его авторы — ученые всего мира. Журнал одним из первых периодических изданий такого типа поставил вопрос об изучении русского языка в аспекте нового политического мышления. В Москве стали традиционными международные школьные олимпиады и конкурсы по русскому языку. Они очень престижны, собирают многочисленную аудиторию зарубежных учащихся.

За выдающиеся заслуги в русистике многие ученые и педагоги награждены золотой медалью А. С. Пушкина.

Тема нынешнего конгресса — «Русский язык и литература в общении народов мира. Проблемы функционирования». Будет рассмотрен в свете новых общественных и политических особенностей мировой жизни вопрос о функции русского языка как средства международного общения. Здесь же будет детально обсуждаться — в рамках общей проблемы нашей национально-языковой политики — и вопрос о русском языке как средстве межнационального общения народов СССР. Иностранцы ученые проявили большой интерес к этой проблеме и захотели принять участие в ее обсуждении. Сейчас нам дорога любая крупница научного опыта в этом деле. Мы намерены серьезно поговорить о современном состоянии научного изучения русского языка — здесь есть свои проблемы. Участие в конгрессе крупных лингвистов академических институтов и вузов нашей страны внушает большие надежды в этом отношении.

Активнее, надеюсь, чем на предыдущих конгрессах, будут обсуждения сложных проблем современного развития советской литературы. Нам хотелось бы с помощью зарубежных коллег прояснить место современной русской словесности в мировой духовной жизни. С советской стороны по этим вопросам будут выступать такие выдающиеся деятели советской культуры, как Д. С. Лихачев, Ч. Т. Айтматов, С. И. Залыгин.

Мы надеемся на помощь всех, кто заинтересован в развитии русской культуры, ее изучении и распространении во всем мире.

«Меткий и без излишества щедрый»

О языковой манере автора «Поединка»

Л. Н. Михеева,
кандидат филологических наук

«Работай!.. Болей своим писанием (<...>, работай, живя» — это слова Александра Ивановича Куприна (1870—1938) из его «Десяти заповедей» — наказа-наставления молодым литераторам. Девизу: «работать, живя», то есть жить работой, художественным творчеством писатель был верен всегда.

В повести «Поединок» (1905) — вершинном своем произведении, Куприн предстает оригинальным и зрелым мастером, знатком русского литературного языка, добившимся классической ясности и простоты в стилевой манере письма, в выборе художественно-изобразительных средств. Лексическое богатство языка повести достигается как за счет использования ресурсов полисемии, так и благодаря тонкому отбору, умелому употреблению тропов (метафор, эпитетов, сравнений и т. д.). Владение образным словом автора «Поединка» высоко оценивали великие современники. Так, Л. Н. Толстой отмечал: «(<...> Он (Куприн) пишет прекрасным языком. И очень образно. Он не упустит ничего, что бы выдвинуло предмет и произвело впечатление на читателя». И. А. Бунин называл язык Куприна «метким и без излишества щедрым».

Продолжая и развивая традиции русской классики — Тургенева, Чехова (а также устного народного творчества), Куприн огромное внимание уделял пейзажу, картинам природы. Однако его пейзаж не представлен сам по себе, не изолирован, не «отчужден» от героя. Например, в 18-й главе «Поединка» просветление в душе Ромашова наступает от живительного воздуха майской ночи, увиденной его глазами, воспринятой его ощущениями. Или пример из 19-й главы, когда после драки с Николаевым Ромашов в подавленном состоянии возвращается домой, прекрасно

осознавая, что логическое завершение случившегося — дуэль. Следует пейзажная зарисовка, коротенькая, как эскиз, где природа дана через восприятие героя: «Был рассвет, с ясным, детски-чистым небом и неподвижным прохладным воздухом. Деревья, влажные, окутанные чуть видимым паром, молчаливо просыпались от своих темных, загадочных ночных снов. И когда Ромашов, идя домой, глядел на них, и на небо, и на мокрую, седую от росы траву, то он чувствовал себя низеньким, гадким, уродливым и бесконечно чужим среди этой невинной прелести утра, улыбавшегося спросонок».

Прошло совсем немного времени, но как все разительно переменялось в судьбе героя, и Ромашов вместо «радостного трепета» (18-я глава) ощущает себя «бесконечно чужим» (19-я глава). Куприн не прибегает здесь к прямому параллелизму: состояние природы — душевный настрой героя, но то, как видит, воспринимает его герой мир, весьма красноречиво.

Пейзаж в «Поединке» всегда с подтекстом, соотносен с душевным состоянием персонажей. Природа, обстановка, детали быта конкретно осязаемы, реалистичны, в то же время они не самоцель, а служат дополнительным художественным средством, штрихом, помогающим воссоздать внешний и внутренний облик героя.

Куприн обладал удивительным даром так рисовать пейзажи, что читатель воспринимает их чувственно: видит картины природы, слышит звуки, ощущает запахи. Сравним два пейзажа из «Поединка». Первый: «Ровно подымалась по скату вверх роща с темной травой и с черными, редкими, молчаливыми деревьями, которые неподвижно и чутко прислушивались к чему-то сквозь дрему. А на самом верху, сквозь густую чащу верхушек и дальних стволов, над ровной, высокой чертой горизонта, *рдела узкая полоса зари — не красного и не багрового цвета, а темно-пурпурного, необычайного, похожего на угасающий уголь или на пламя, преломленное сквозь густое красное вино.* И на этой горе, между черных деревьев, в темной пахучей траве, лежала, как отдыхающая лесная богиня, непонятная прекрасная белая женщина» (здесь и далее курсив наш. — Л. М.).

Такой видит картину заката влюбленный Ромашов. Сочетание *черного, белого, красного* в другом случае воспринималось бы как нечто зловещее, мрачное. Здесь же создается торжественный, величественный фон, и среди этого великолепия вечера отдыхает она, его богиня — *непонятная и прекрасная белая женщина.* И в то же время ощущаешь тревогу, какое-то неясное беспокойство, и в сердце входит предчувствие беды. Недаром Куприн ри-

сует закат в «траурном» обрамлении: *черные деревья и темная трава* (словосочетания повторены дважды: в начале и в конце отрывка).

А вот другая картина позднего вечера, ночи. Ромашов тяжело переживает свою неудачу во время смотра и беспечно бредет по городу и по его окраинам. «Раз он остановился против дома Николаевых, который *ярко белел* в лунном свете, *холодно, глянцево* и странно сияя своей зеленой металлической крышей. *Улица была мертвенно тиха*, безлюдна и казалась незнакомой. *Прямые четкие тени* от домов и заборов резко делили мостовую пополам — *одна половина была совсем черная*, а *другая масляно блестяла гладким, круглым булыжником*. <...> Из светлой спящей травы *печально подымались* кверху *голые, однообразные, холодные камни*, бросавшие от себя одинаковые тонкие тени».

В этом фрагменте тоже царят тишина и безмолвие, но ощущения торжественности, величия природы, а тем более таинственности уже нет. Все сияет *холодным, мертвенным светом*; тишина неживая; травы, хотя и светлые, но безотрадны на их фоне *голые, однообразные, холодные камни*. Автор увеличивает впечатление одинаковости, однообразия, холодности и строгости в природе, что напоминает Ромашову жизнь в полку, и он ощущает себя бесконечно одиноким среди безмолвия и печали природы. Там, в лесу, он жил надеждой, и мир казался ему «чудесной, таинственной лесной сказкой», здесь Ромашов предстает перед нами подавленным своим провалом на смотре, измученным; он еще не знает, чем кончится эта его «почти бредовая прогулка» — встречей с Хлебниковым.

Авторская речь в повести носит лишь характер комментариев, необходимых по ходу повествования пояснений, но герои как бы сами раскрываются, их монологи — одно из средств самораскрытия. Таковы монологи-призывы Назанского («— Нет, — подумайте, подумайте, Ромашов: кто вам дороже и ближе себя? — Никто. Вы — царь мира, его гордость и украшение. Вы — бог всего живущего»), энергичные, короткие фразы Шурочки («— Мы ведь всё вместе, — пояснила Шурочка. — Я бы хоть сейчас выдержала экзамен. Самое главное, — она ударила по воздуху вязальным крючком, — самое главное — система. Наша система — это мое изобретение, моя гордость»), сентиментально растянутые, «с прононсом» Раисы Петерсон («— А-а! Вы мне хотите зубы заговаривать? Не беспокойтесь, мой милый, — она произнесла: «бой биный», — я не из тех, кого бросают. Я сама бросаю, когда захочу»).

Мягкий и слабовольный Ромашов, казалось бы, должен гово-

речь вяло и монотонно, однако как богата и колоритна его речь, как полифоничны интонации: от патетических монологов-раздумий до исповедальных, лирических нот в разговорах с Шурочкой, до резких, колких реплик — с Петерсон.

«— А вот, господа, что я скажу с своей стороны. Буфетчика я, положим, не считаю... да... Но если штатский ... как бы это сказать?... Да... Ну, если он порядочный человек, дворянин и так далее ... <...> Все-таки же мы люди культурные, так сказать...» Это говорит Ромашов, «краснея от замешательства, без надобности поправляя очки и откашливаясь». Речь невнятная, сбивчивая, часты паузы, неточные выражения — все соответствует облику и поведению Ромашова на первых порах знакомства с ним читателя. Но проходит время. Напряженная духовная жизнь, работа ума и сердца делают свое благое дело. И перед нами совсем другой человек: «Бить солдата бесчестно. <...> Нельзя бить человека, который не только не может тебе ответить, но даже не имеет права поднять руку к лицу, чтобы защититься от удара. Не смеет даже отклонить головы. Это стыдно!» Ромашов не отводит теперь взгляд в сторону, он смотрит на капитана Сливу «в упор, с ненавистью».

В «Поединке» звучит истинно русская речь, по которой так тосковал Куприн в эмиграции. Это многоголосый хор: речь солдат с приметами северных или южных говоров, жаргонизмы господ офицеров, претенциозное щебетанье гарнизонных дам на балу. Диалоги персонажей придают повествованию сочность, живость и яркость; они написаны столь выразительно, что действующих лиц будто и впрямь видишь перед собой, слышишь, узнаешь по манере говорить.

Авторская речь (иногда переходящая в несобственно-прямую) своей правильностью, четкостью, музыкальностью еще более подчеркивает испорченный язык «господ офицеров» (вроде поручика Бобетинского, который «всегда говорил таким ломаным, вычурным тоном, подражая, как он сам думал, гвардейской золотой молодежи. <...> он всегда держал плечи картинно поднятыми кверху, скверно французил, ходил расслабленной походкой и, когда говорил, делал усталые, небрежные жесты. <...> — Мон шер ами, а нет ли у вас... как это называется... трех рублей?»). Но никто, конечно же, не мог бы упрекнуть Куприна в холодной академичности и бесстрастности стиля. Его речь в «Поединке» всегда образная, певуче-русская, эмоциональная.

Куприн добивался звучности, музыкальности фразы. Аллитерации, ассонансы, анафоры встречаются в «Поединке» часто, как если бы перед нами была не повесть, а произведение лиро-эпи-

ческого жанра (кстати, это относится не только к «Поединку», но и к «Олесе», «Суламифи», «Гранатовому браслету»). При чтении, например, такого предложения из «Поединка»: «Теплый весенний воздух с нежной лаской гладил его щеки» — мы ощущаем свежесть, легкость воздуха, ветра, на нас веет теплотой. А ведь, казалось бы, обыкновенная фраза, без каких бы то ни было инверсий, и слова обычные, но вслушаемся в ее мелодику: *теплый, лаской, гладил, весенний, нежной*.

У писателя отменный художественный вкус, который проявляется и в умелом использовании тропов, в частности, в подборе эпитетов. Рисуя, например, состояние Ромашова перед смотром, он мог бы употребить к слову *восторг* эпитет *бурный*. Однако это словосочетание его не удовлетворило: оно стерто, заштамповано и потому не может передать того особого душевного волнения, какое переживает герой. Но вот Куприн говорит: «*Преданный, счастливый* восторг вдруг холодком пробежал по наружным частям его рук и ног, покрыв их жесткими пуцырышками». За этими двумя эпитетами скрыта целая гамма чувств: предощущение удачи, гордость от сознания своей ловкости и силы, упоение молодостью. Весь мир предстает в тот момент перед Ромашовым в золотых и голубых красках, он счастлив, что «принадлежит к этой стройной, неподвижной, могучей массе людей, таинственно скованных одной незримой волей...»

Радужным ожиданиям Ромашова в тот день не суждено было осуществиться. А вот его предчувствия в другой день, в связи с иными событиями оправдались. Речь идет об уже упоминавшемся эпизоде у Шлейферши, когда Ромашов предотвратил трагический исход дикой выходки Бек-Агамалова. Дотоле незнакомые чувства охватили Ромашова, странная смесь страха и радости, предчувствие победы. Трехкратные эпитеты к одному явлению, использованные здесь Куприным, точно передают необычное состояние героя. Они несут дополнительное — переносное, образное значение. «Сердце у него часто и крепко билось, но вместе с ужасом он испытывал какое-то *сладкое, буйное и веселое предчувствие*».

Двухсложные, составные эпитеты в языке прозы встречаются нечасто. Куприн же широко использует их семантические возможности. Две части такого эпитета соединяются либо по принципу синонимии (*родственно-близкий, чудно-приятный*), либо как оксюмороны (*ярко-бледный*). В рассказе «Травка» Куприн выразил свою точку зрения на поэтику вообще: «Только очень близорукие люди выбирают для примеров и сравнений предметы, стоящие возле них!..» Фраза звучит как формула —

предельно четко и ясно. Ясен и вывод: истинный художник обязан развивать в себе семантическую зоркость, владеть всеми богатствами лексики и фразеологии.

Система сравнений, развитая в «Поединке», убеждает в верности писателя этому принципу. Куприн тщательно отбирает сравнения, избегая «близорукости», эмоциональной нейтральности. Его сравнения лаконичны, емки по мыслям, точны и всегда одесны. Их отличает и неординарность, неожиданная образность. Объясняя состояние Ромашова, например, пришедшего к неожиданному для него сопоставлению: *Я — не-я*, Куприн рассуждает: «Простая истина, поговорка, общеизвестное изречение, смысл которого он давно уже механически знал, вдруг благодаря какому-то внезапному внутреннему освещению приобретали глубокое философское значение, и тогда ему казалось, что он впервые их слышит, почти сам открыл их». Несомненно, что этими принципами: вскрывать в общеизвестном философский смысл — руководствовался сам автор, отбирая изобразительные средства, шлифуя их, прозревая силой своего таланта «огромный житейский опыт» в обыкновенных, на первый взгляд, сочетаниях слов.

Обратимся к другому примеру. «Сейчас же за окном начинался сад, где во множестве росли черешни, все белые от цветов, круглые и кудрявые, точно стадо белоснежных овец, точно толпа девочек в белых платьях. <...> Чувствовалось, что между ними бродит ласковый прохладный ветерок и заигрывает, и шалит, и, наклоня цветы книзу, целует их». Такой юной, свежей, праздничной и недоступной кажется Ромашову, находящемуся под домашним арестом, весенняя природа. Куприн сравнивает весну с порой ранней юности, и если первое сравнение (*круглые и кудрявые, точно стадо белоснежных овец*) приходит по непосредственной ассоциации: пышные белые черешни — белая отара, то второе, как нам представляется, более органично, оно рождает и другой образ, столь естественный: весенний шаловливый ветерок, целующий черешни и заигрывающий с ними, точно с «толпой девочек в белых платьях».

Психологический параллелизм: природа — человек, как уже говорилось, нередко встречается в повести. Тем большее значение приобретает в этом контексте такое, например, сравнение: «Ему (Ромашову — Л. М.) казалось, что следы сегодняшнего пьянства сразу стерлись в его мозгу, точно от прикосновения мокрой губки». Во-первых, вечное, прямое сравнение: если стерты следы, то как «от прикосновения мокрой губки». Однако тут есть и другой, обобщающий, философский смысл: природа очищает, успокаивает, возвышает, врачует.

«Несмотря на пенсне и на высокомерный взгляд, *лицо* у нее было простоватое и производило такое впечатление, *как будто его наспах, боком, выпекли из теста, воткнув изюминки вместо глаз*; «(...) приплелась древняя мамаша полковника, (...) она протянула ему (Ромашову — Л. М.) и ткнула прямо в губы свою крошечную, темную, всю сморщенную руку, *похожую на кусочек мошей*». Такие эмоционально-оценочные сравнения («стык» сравнения и эпитета) весьма распространены в «Поединке».

Зримость создаваемого образа, чувственно воспринимаемого, лежит в основе купринских метафор. Как и большинство трюнов, метафоры у писателя не вычурны, они конкретны и ясны. Описание холостяцкой квартиры Ромашова: «Лампа с *розовым колпаком-тюльпаном* на крошечном письменном столе, рядом (...) с *чернильницей в виде мопса*; (...) *жиденькая этажерка с книгами в одном углу, а в другом фантастический силуэт виолончельного футляра* (...)» Метафоры как бы растворены в тексте, среди обычных слов. Куприн и не думает поразить нас чем-то неожиданным — представлены «жалкие предметы роскоши» скромного жилища подпоручика. А вот метафоры, построенные по принципу олицетворений, нерасчлененных сравнений: «Между нами там и сям возвышались стройные, *прямые тополи с ветками, молитвенно устремленными вверх, в небо, и широко раскидывали свои мощные купообразные вершины старые каштаны*». Торжественность, устремленность «вверх, в небо» подчеркиваются словами *молитвенно, купообразные*. Рождается образ природы-храма.

Своеобразие художественной манеры Куприна проявляется, в частности, в том, что даже при специальном анализе чрезвычайно трудно выделить, скажем, метафоры, сравнения, олицетворения в их «чистом виде» — все подчинено созданию единого, цельного образа.

Особого внимания заслуживает синтаксис повести. Синтаксические конструкции, употребляемые Куприным, просты, периоды или сложноподчиненные предложения усложненного типа редки. Некоторыми исследователями (например, Ф. И. Кулешовым) отмечалась как отличительная особенность купринской фразы трехкратность: действие, выраженное глаголами-сказуемыми, тройное повторение однородных членов предложения. Это, действительно, излюбленный прием писателя, близкий, кстати, и поэтике фольклора. Вот несколько примеров:

«Звук барабанов становился все тупее и тише, точно он опускался вниз, под землю, и вдруг на него налетела, смяв и повалив его, *веселая, сияющая, резко красивая волна оркестра*» (три согласованных определения к словосочетанию *волна оркестра*)

ра). «Одна за другой отходили полуроты, и с каждым разом все ярче, возбужденней и радостней становились звуки полкового марша» (три однородные именные части в составном-именном сказуемом *становились*). «И в то же время он болезненно почувствовал, что его собственная судьба и судьба этого несчастного, забитого, замученного солдатика как-то странно, родственно-близко и противно силелись за нынешний день» (три согласованных определения к слову *солдатика* и три обстоятельства образа действия к *сказуемому сплелись*). «И хотя это сознание одинаковости положений и внушало Ромашову колючий стыд и отвращение, но в нем было также что-то необычайное, глубокое, истинно человеческое» (три однородных подлежащих).

Писатель не избегал и синтаксических конструкций с сочинением и подчинением, особенно если в контексте раскрывалось сложное душевное состояние героя: «С ним происходили подобные явления и прежде, с самого раннего детства, и он знал, что для того, чтобы успокоиться, надо отыскать первоначальную причину этой смутной тревоги» (сложная синтаксическая конструкция, состоящая из четырех предикативных единиц). Хотя, повторяем, подобные конструкции в целом нехарактерны для Куприна.

Необходимо отметить, что сжатость, афористичность, формульность языка Куприна — это специфическое свойство многих его произведений — в «Поединке» проявилось наиболее сильно и ярко.

Такой «формульности» соответствует короткая и энергичная фраза, простые предложения. Вот, например, вывод, к которому приходит Ромашов в дни своих уединений: «И все ясней и ясней становилась для него мысль, что существуют только три гордых призвания человека: наука, искусство и свободный физический труд». В одном этом предложении заключена целая философия, жизненно важная и для героев повести, и для самого автора.

«Гастрономический» пейзаж в поэме Марины Цветаевой «Автобус»

М. Л. Гаспаров,
доктор филологических наук

Мне хотелось бы высказать предположение по поводу происхождения одного мотива — центрального мотива — поэмы М. Цветаевой «Автобус». Поэма, как известно, впервые была напечатана в однотомнике «Избранные произведения» (М.—Л., 1965), и исследовалась мало; самая подробная работа о ней, принадлежащая О. Г. Ревзиной, до сих пор не издана. Написана поэма была в два приема, в апреле 1934 и в июне 1936 гг. Содержание — общеизвестно: выезд за город, счастье слияния с природой, потом, уже на последней странице, контрастный перелом:

И какое-то дерево облаком целым —
— Сновиденный, на нас устремленный обвал...
«Как цветная капуста под соусом белым!» —
Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал.

Этим словом — куда громовее, чем громом
Пораженная, прямо сраженная в грудь:
— С мародером, с воробь, но не дай с гастрономом,
Боже, дело иметь, Боже, в сене уснуть!

Мародер оберет — но лица не заденет,
Живодер обдерет — но душа отлетит.
Гастроном ковырнет — отщипнет — и оценит —
И оставит, на дальше храня аппетит.

Следуют еще две строфы, а потом — заключительная:

Ты, который так царственно мог бы — любимым
Быть, бессмертно-зеленым (подобным плющу!) —
Неким цветно-капустным пойдешь анонимом
По устам: за цветущее дерево — мщу.

Обратим внимание на то, как по-разному затрагиваются в двух частях поэмы – 1934 и 1936 гг. – две главные ее темы, во-первых, «спутник», и во-вторых, «гастрономия».

Тема «спутника» фактически развивается лишь в части 1936 года. В предыдущей части о нем – лишь беглое упоминание: «Я в спутнический ремень / Товарищески вцепилась». Во второй части – три упоминания. Два, как водится у Цветаевой, в симметричных выражениях: «Зазеленевшею хвостостиной / Спутника я, как гусь, гнала. / Спутника белая парусина / Прямо-таки – паруса была!» и «Отяжелевшего без причины / Спутника я, как дитя, вела. / Спутницы смелая паутина / Прямо-таки – красота была!», – а посредине между ними, уже многозначительнее, с подчеркнутым перебоем метра:

(Как топорщился и как покаялся
В юной зелени – твой белый холст!)
Спутник в белом был – и тонок в поясе,
Тонок в поясе, а сердцем – толст!

Это и есть вся подготовка финального удара – «гастрономической» реплики о дереве, филиппики против потребителей красоты и заключительного проклятия безымянностью. На 46 строф поэмы (4-стиший и 6-стиший) – одно упоминание в 6 строфе (еще 1934 года), три в 24–28 строфах, и целиком – последние шесть строф.

Тема же «гастрономии» неожиданно возникает в поэме задолго до финального удара – причем в собственной авторской речи. Место ее тоже обозначено в сравнении – при описании автобусной тряски. В первых же строках поэмы – «Автобус скакал как бес. / <...> И тряся, как зал, на бис / Зовущий, – и мы тряслись – / Как бесы. Видал крупу / Под краном? И врозь и вкúпе – / Горох, говорю, в супу / Кипящем! Как зёрна в стúпе <...>» и т. д. Согласимся, что если помнить этот зачин, то эффект «гастрономической» реплики спутника становится заметно слабее. Разумеется, можно объяснить, почему Цветаева это допустила: в начале поэмы с «гастрономией» сравнивается людская масса, которую Цветаева ненавидит, в конце – природа, перед которой Цветаева в восторженном иступлении. И все же напрашивается мысль, что финальное обличение «гастрономии» (в буквальном, а не расширительном смысле слова) для Цветаевой в 1934 году было менее существенно, а в 1936-м стало более существенно.

Я не знаю, кто был спутник Цветаевой, ставший героем «Автобуса», для меня он и впрямь остался анонимом. Может быть, биографы уже вскрыли или еще вскроют его имя и обстоя-

тельства прогулки, творчески преобразованные в поэме. Я хочу высказать предположение не о нем, а о его реплике — о возможном литературном подтексте «гастрономического» пейзажа «Как цветная капуста под соусом белым!»

Всякий понимает или чувствует, что этот образ в высшей степени не традиционен. Русская поэзия богата на сравнения и метафоры — еще на свежей памяти Цветаевой московские имажинисты сделали из этого настоящий культ, — но «гастрономическими» образами сколько-нибудь заметно не пользовался никто. Проще всего сказать — потому что русские поэты, как правило, были люди бедные, и гурманские образы приходили к ним на язык в последнюю очередь. Разве что можно вспомнить бурлюковское «будем лопать камни, травы» и т. д., но ведь и это было не от гурманства, а оттого, что в «животе чертовский голод», и представляло собой переложение «Голодной песни» Артюра Рембо. Уникальный «гастрономический» пейзаж имеется в повести К. Вагинова «Бамбочада» (1931): «— Не правда ли, этот холм похож на страсбургский пирог? — обернулся Торонуло к Лареньке, — и не только по форме, — разглядывая холм, продолжал он, — но и по цвету. Как все удивительно в природе! И обратите внимание на этот пень — ни дать ни взять ромовая баба!..» и т. д. Но у К. Вагинова это пример гретеского чудачества, и если Цветаева читала «Бамбочаду» (что вполне возможно), она не могла этого не видеть.

И все-таки есть одно яркое исключение — случай сознательного использования «гастрономических» образов в системе сравнений и метафор, в системе вспомогательных образов, создающих художественный мир произведений. Это — «Второе рождение» Пастернака (1 издание — 1932, 2 издание — 1934 г.). Открываем и читаем на первой же странице:

Передо мною волны моря.
Их много. Им немислим счет.
Их тьма. Они шумят в миноре.
Прибой, как вафли, их печет.

Заметим резкость такого сравнения: не сразу становится ясным, что волны следует представлять себе как «гребешки» (это сказано лишь через три строфы) и что эти гребешки похожи на вафельные трубочки (это сказано лишь в конце стихотворения: «Октябрь, а солнце что твой август, / И снег, ожегший первый холм, / Усугубляет тугоглавность / Катящихся, как вафли, волн»). Это значит, что вафли являются здесь неслучайно — Пастернаку важно было ввести эту «пищевую» тему с самого начала, задать ей тон книге.

Таков зачин; главное же средоточие «гастрономических» образов у Пастернака – в двух стихотворениях в середине книги, оба о весне. Они общеизвестны, но редко привлекают внимание именно с этой точки зрения; приведем их целиком:

Всё снег да снег, – терпи и точка.
Скорей уж, право б, дождь прошел
И горькой тополевой почкой
Подруги одобрил скромный стол.

Зубровкой сумрак бы закапал,
Укропу к супу б накрошил,
Бокалы – грохотом вокабул,
Латынью ливня оглушил.

Тупицу б двинул по затылку, –
Мы в ту пору б оглохли, но
Откупорили б, как бутылку,
Заплесневелое окно,

И гам ворвался б: «Ливень заслап
К чертям, куда Макар телят
Не ганивал...» И солище маслом
Асфальта б залило салат.

А вскачь за тряскою четверкой,
За безрессоркою Ильи,
Моп телячьи бы восторги,
Телячьи б нежности твои.

(Подробный разбор этого стихотворения с точки зрения соотношения зрительных, слуховых и вкусовых образов и их монтажа см. в статье: Seemann K. D. Analyseproblem der avantgardistischen Dichtung: B. Pasternaks «Vse sneg da sneg...» // Die Welt der Slaven, Jg. 28 (7). 1983. S. 141–154).

Второе стихотворение скуднее, «гастрономические» образы собраны здесь в его начале и иссякают к концу:

Платки, подборы, жгучий взгляд
Подснежников – не оторваться.
И грязи рыжий шоколад
Не выровней по ватернасу.

Но слякоть месит из лучей:
Веслу и сонный стук камельев,
И птичьи крики месит ручей,
Как лепят пальцами пельмени.

Платки, оборки – благодать!
Проталин черная лакица...
Сторицей дай тебе воздать
И, как реке, вздохнуть и вскрыться.

Дай мне, превысив нивелир,
 Благодарить тебя до сипу
 И сверху окуни свой мир,
 Как в зеркало, в мое спасибо.

Толпу и тумбы опрокинь,
 И желоба в слюне и пене,
 И неба роговую синь,
 И облаков пустые тени.

Слепого полдня желатин,
 И желтые очки промоин,
 И тонкие слюдинки льдин,
 И кочки с черной бахромою.

Почему эти сгущения «гастрономических» образов обычно не замечаются при нецеленаправленном чтении? Потому что они плотно входят в ряды других бытовых предметов, насыщающих поэзию Пастернака и объединяющих повседневность и мироздание в единый насущно близкий мир. Но среди этих предметов пицца никогда ранее не занимала особенно заметного места. В книге «Поверх барьеров» (1917) нельзя заметить ни одного вкусового образа, в «Сестре моей — жизни» — разве что бриллианты росы, на вкус напоминавшие рислинг, да «ветер лускал семечки»; «чашка какао» и «мандарина холодильные дольки» не в счет, это не сравнения и метафоры, а реальные образы. Только в переработке «Начальной поры» появляются «булки фонарей и пышки крыш».

Так же спорадично возникают «гастрономические» образы и в других стихотворениях «Второго рождения», но здесь они заметнее, потому что внимание к ним задано «Волнами» в начале сборника и потом концентрацией их в двух процитированных стихотворениях. Поэтому они все время напоминают о своей подспудной теме: «Горшком отравленного блюда / Внутри дымился Дагестан» (и вслед за этим, в переносном, конечно, смысле: «В горах заваривалась каша»); «пойдем на берег / И ноги окунем в белок»; «Слепых зарниц бурлит котел»; «Зарницы <...> с сена вставали и ели из рук»; «И над блюдом баварских озер / С мозгом гор, точно кости мосластых, / Убедисься, что я не фразер / С заготовленной к месту подсласткой»; «И вымыслов пить голоvizну / Тошнит, как от рыбы гнилой»; «малина кровель» Тифлиса; а по смежности, и «у Альп в дали Германии, / Где так же чокаются скалы». Еще об одном упоминании придется сказать немного дальше.

Как входят эти образы в общую систему поэтики «Второго рождения»? Сцепляясь с несколькими смежными рядами в боль-

ную тему быта. Из чего складывается быт, кроме еды? Одежда: «Ты появишься у двери / В чем-то белом, без причуд, / В чем-то впрямь из тех материй, / Из которых хлопья шьют»; «Пушистый ватин тополей»; уже упоминавшиеся «платки, подборы» и «оборки». Постель: «Кавказ был весь как на ладопи / И весь как смятая постель»; «Ты спал, постлав постель на сплетие»; «Из тифозной тоски тюфяков / Вон на воздух». И, главное, жилье: эта тема тоже задана первыми же страницами сборника — «Мне хочется домой, в огромность / Квартиры, наводящей грусть»; затем, мимоходом, «сосны <...> и белкам и дятлам сдавали углы»; наконец, что важнее всего, эти образы, в отличие от еды и прочего, не ограничиваются ролью сравнений и метафор, а входят в книгу как реальность: «В квартире прохлада усадьбы», «Зимой мы расширим жилплощадь, / Я комнату брата займу» и даже «писать бы, / Внося пополнения в бюджет» — редкий в поэзии (даже у Пастернака) прозаизм.

Эта тема быта скрещивается с тремя другими сквозными темами сборника: музыкой (стихи о Нейгаузе, Блюменфельде, Брамсе, Шопене, окне с пюпитром; при пей подголоском — тема поэзии, «рифмует с Лермонтовым лето»), любовью (от зачина «Большая, смелая, своя» до концовки «с самых детских лет / Я ранен женской долей») и смертью (Маяковский, Блюменфельд, «строчки с кровью — убивают»). И точкой скрещения этих тем оказывается опять-таки образ, связанный с едой: «Что мы на пиру в вековом прототипе, / На пире Платона во время чумы».

Вдаваться в биографический комментарий здесь едва ли нужно. Общеизвестно, что толчком ко «Второму рождению» Пастернака был его второй брак и надежда на новую жизнь — включая и дом и быт. Общеизвестно, что поэты «с бытом» и «без быта» — это две разные породы (как и «поэты с биографией» и «без биографии», о чем писали Б. Томашевский и Б. Эйхенбаум; это перекликается с цветаевской темой «поэтов с историей и без истории», но косвенно); общеизвестно, что когда Мандельштамы получили квартиру, и Пастернак сказал: «вот, квартира есть, можно стихи писать», — то безытнный Мандельштам пришел в неистовство. Цветаева была еще более безытнной, чем Мандельштам, причем демонстративно и декларативно; нет нужды иллюстрировать это цитатами из стихов или из воспоминаний. Отсюда понятно ее неприятие стихов о жилплощади, укропе к супу и вафлях прибоа.

За этим неприятием общего стоит, конечно, и неприятие личного. «Телячьи восторги» Пастернака и «телячьи нежности»

его подруги были для Цветаевой еще неприемлемей, чем зубровка и укроп. Историю взаимоотношений Цветаевой и Пастернака мы знаем. Они прошли друг мимо друга в предреволюционной и потом в революционной Москве, в пору, когда каждый из них переживал если не высший, то один из высших своих творческих подъемов; завязали эпистолярный роман в 1922 году, прочитав друг друга; пика этот эпистолярный роман достиг в 1926-м, когда переписка шла через голову умирающего Рильке. Затем он пошел на спад; в 1931 году, узнав о том, что Пастернак разводится с женой и женится на З. Н. Нейгауз, Цветаева была оскорблена, потому что первый брак Пастернака был для нее данностью, а второй — изменой («потерять, не имел», — писала она о нем Р. Ломоносовой); наконец, в 1935 году впервые после России она встречает его на конгрессе писателей в защиту культуры в Париже, и известно, каким это было для нее последним разочарованием («какая невстреча!», — писала она Л. Тесковой) — и потому, что Пастернак, оказалось, приехал только по начальственному приказу, и потому, что он был нервным и невнятным, и потому, что на обратном пути он проехал Германию, не повидавшись с матерью, и потому, что «всё, что для меня — право, для него — его <...> болезнь» (письмо к Н. Тихонову). Вспомним: поэма «Автобус» была начата в 1934 году (после выхода первого однотомника Пастернака со стихами «Второго рождения» в конце), а закончена в 1936 году (после парижской «невстречи» и разочарования лицом к лицу). Все, что было потом, после возвращения в Россию, где Пастернак очень помогал Цветаевой если не жить, то печататься и зарабатывать, к нашей теме уже не относится.

Во избежание недоразумений повторяю: я никоим образом не говорю, будто за «спутником» из поэмы «Автобус» стоит реальный или вымышленный Пастернак, — это было бы нелепо. Но что за словами этого спутника, за его «гастрономическим» взглядом на пейзаж стоят, наряду со многим другим, чего мы не знаем или, по крайней мере, я не знаю, стихи Пастернака, и стихи эти — из «Второго рождения», — это мне кажется в высшей степени правдоподобным.

Писатель и его читатель

Ещё раз
о „Скращении
судеб“

И. А. Корнилова,
кандидат филологических наук

Близится столетие Марины Цветаевой. Значительным вкладом в изучение жизни и творчества поэта, истории разных поколений семьи Цветаевых, выдающейся семьи русской гуманитарной интеллигенции, явилась книга М. И. Белкиной «Скращение судеб» (М., 1988), посвященная жизни Марины Ивановны Цветаевой (1892–1941), ее детей Георгия Сергеевича, или Мура (1925–1944), и Ариадны Сергеевны (1912–1975) Эфронев после возвращения из эмиграции. Работа М. И. Белкиной уже получила заслуженное признание критиков и массового читателя (см. напр.: Новый мир. 1989. № 7. С. 270; Литературное обозрение. 1989. № 8. С. 27–29; Книжное обозрение. 1989. № 32. С. 4, № 37. С. 9; Знамя. 1989. № 12. С. 227–230). И все же необходимо вновь обратиться к ней...

Как произведение мемуарно-биографического жанра, эта работа помогает понять специфику поиска и использования документальных источников писателями – биографами и мемуаристами. Характеризуя свой метод, автор пишет: «Книга являет собой документальное повествование. В книге нет места выдумке и литературным прикрасам. Я старалась быть предельно точной и объективной, насколько, конечно, вообще можно быть объективным, ибо любой документ объективен, только пока он мертв, пока к нему не прикоснулась живая рука.

Что касается самих документов – то читателю представится возможность со многими из них познакомиться впервые.»

Обширный фактический материал, публикуемый на страницах «Скращения судеб», включает выписки из черновых тетра-

дей и записных книжек М. И. Цветаевой (сделанные А. С. Эфрон), переписку поэта, документы и устные свидетельства членов семьи Марии Ивановны, других родственников, воспоминания современников (автором был выявлен широкий круг знакомых Цветаевой и ее детей), официальные документы и, наконец, собственные воспоминания, впечатления, дневниковые записи М. И. Белкиной, близко знавшей Марину Ивановну и ее сына (с 1940 г.) и дочь (с 1955 г.) и сумевшей исполнить свою миссию мемуариста честно, скромно, тактично.

На основании анализа, критического осмысления источников автору удалось точно и подробно восстановить хронику послеэмиграционного, самого трагического периода жизни поэта, со дня отъезда из Парижа на Родину 12 июня 1939 года по день смерти 31 августа 1941 года, проследить горькую судьбу ее семьи. Некоторые из вошедших в работу материалов касаются также более ранних этапов биографии Цветаевой. Авторская «попытка времени, людей, обстоятельств» дает возможность увидеть в новом свете и советскую литературную среду конца 30–50-х гг.

Благодаря работе М. И. Белкиной читатель уже сейчас получает представление о документах закрытой до 2000 года части личного архивного фонда М. И. Цветаевой, хранящегося в столичном ЦГАЛИ. Ограничимся лишь некоторыми деталями. «(...) письма часто пишутся с черновиками, которые остаются в тетради. „Тетрадь – гласность, если не нынешняя, так грядущая“, – говорила Марина Ивановна. А к своим письмам у нее особое отношение: когда остывает увлечение, для нее письмо – только литература! И она даже делала подборки писем и собиралась их опубликовать...» Автор приводит свидетельство Ариадны Сергеевны Эфрон (она была арестована в августе 1939 года, отбыла колымский лагерный срок – 8 лет, полученный «по подозрению в шпионаже», вновь арестована и сослана в 1949 году, полностью реабилитирована в 1955 году и с тех пор посвятила себя служению памяти матери) о рукописях страшной зимы 1939–1940 гг.: «Между терпеливыми столбцами переводов навечно были вмурованы записи о передачах отцу и мне...», «(...) наброски безнадежных заявлений всем, от Сталина до Фадеева...» Ариадна Сергеевна рассказывала М. И. Белкиной, что сделанные тогда записи Цветаевой очень разбросаны, отрывочны и зачастую зашифрованы так, что ей трудно было понять их смысл. «О письме Сталину (в защиту мужа, Сергея Яковлевича Эфрона, арестованного в октябре 1939 года – И. К.) она еще говорила, что полного текста письма, копии письма не сохранилось (...) и что по этим наброскам можно судить о том, что Марина Ивановна осталась

верна себе — она не просит, не молит, она только *доказывает*, слепо веря, что слово поэта может еще что-то значить!» В тетрадах есть и стихотворения Цветаевой двух послеэмигранционных лет, и записи о ее священном служении слову...

«Стихи — это работа, и на эту работу нет времени и сил, потому стихов так убийственно мало!» — пишет Белкина. На страницах «Скращения судеб» мы находим почти все известные ныне цветаевские поэтические строки той поры и комментарий к ним (не приводится, к сожалению, восьмистишие «Годы твои — гора...», датируемое 29 января 1940 года; см.: Цветаева М. Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 330).

Читатель узнает и то, что по возвращении из эмиграции Марина Ивановна пользовалась как до-, так и послереформенным правописанием, противопоставляя их. Вот конец сугубо личного письма к Т. Н. Квапиной от 17 ноября 1940 года: «Так как оно (письмо — *И. К.*) по старой орфографии — не показывайте его чужим. Но такого письма я бы никогда не написала по повой. Вам ведь пишет — старая я: молодая я, — та, 20 лет назад, — точно этих 20-ти лет и не было!»

Книга М. И. Белкиной поможет правильно оценить и понять и новые факты биографии поэта, которые будут публиковаться (и уже публикуются) в связи с приближающимся юбилеем. Прочитавший «Скращения судеб» вполне готов, например, к размышлению над таким эпизодом, обнародованным Ф. Медведевым (Книжное обозрение. 1989. № 24. С. 16): «Однажды, придя к Марине Цветаевой (Тарковский познакомился и подружился с пей в 1940 году), Арсений Александрович застал ее за странным занятием: она соскребала с ботинок сухую грязь. На вопрос, что она делает, Марина Ивановна ответила, что грязь эта ей очень дорога. А грязь была парижской и пражской...» На основании работы Белкиной данный случай датируется не ранее октября 1940 года (ботинки, очевидно, были из багажа, задержанного на московской таможне и полученного только в июле-августе 1940 года). К этому времени стали жертвами репрессий дочь и муж Цветаевой, она познала и скитания по чужим углам, и стояние в очередях у тюрем, и людское равнодушие... По собственному признанию, Белкина лишь много позже поняла, что Марина Ивановна жила тогда в постоянном страхе ареста...

В новом издании книги хотелось бы увидеть и воспоминания Н. И. Харджиева (см.: Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 227), Э. Г. Герштейн (см.: Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 98).

Многолетний (1978–1984), кропотливый труд М. И. Белкиной в наше время наконец увидел свет. Как и другие издания серии

«Писатели о писателях» (из-во «Книга»), он имеет несколько полиграфических воплощений. Для удобства дальнейшего изложения мы будем различать варианты издания *А* (иллюстрированный; 464 с.; цена в бумвиниле 2 р. 50 к., в колленкоре — 2 р. 70 к.; тираж 100000) и *Б* (неиллюстрированный; меньшего формата, 528 с.; цена 2 р. 20 к.; тираж 100000). Результаты сопоставления этих одновременно опубликованных вариантов не могут не вызывать читательского недоумения.

По воле издательства, ровно половина читателей «Скращения судеб» лишена многочисленных фотоматериалов; при этом в аннотированном библиографическом описании варианта *Б* (с. 528) дважды дается указание на наличие иллюстраций.

Не идентичны и тексты двух вариантов издания. Различия начинаются уже с отчества автора и подзаголовка книги (ср. *А*: «Попытка Цветаевой, двух последних лет ее жизни. Попытка детей ее. Попытка времени, людей, обстоятельств» и *Б*: «Попытка Цветаевой, двух последних лет ее жизни. Попытка детей ее. Попытка времени»). В авторском повествовании наблюдаются замены, вставки/изъятия отдельных слов, перестановки частей текста и другие текстуальные несоответствия; в стихотворных цитатах подчас различна разбивка на строфы, пунктуация и т. д. Наконец, вариант «для бедных» содержит дополнительный (по почему-то не отраженный в оглавлении) текст — приложение «Ариадна Эфрон. Самофракийская Победа» (с. 523–527; воспоминания о встрече М. Цветаевой и А. Исаакяна в Париже в 1932 году).

Обнаруживаемые несоответствия между вариантами издания в воспроизведении документов, к сожалению, подрывают доверие к книге как к документальному произведению. Неудачным является использование в *Б* круглых скобок для записи реконструируемых частей слов, написанных в оригинале сокращенно, поскольку в публикуемых источниках круглые скобки выступают и в качестве обычного знака препинания, кстати сказать, весьма характерного для цветаевской пунктуации. Составленный М. И. Цветаевой реестр под названием «Попытка списка моих переводов ... с декабря 1939» (то есть список в форме таблицы переведенных поэтических произведений с указанием количества строк) в варианте *А* (с. 82–83) на одну строчку короче, чем в *Б* (ср. в последнем с. 97–98); в том же тексте в *А* имеем «На лужайке пляшут зайцы» (с. 82), в *Б* — «На луж(айке) пл(яшут) зайцы» (с. 97); по-разному передана пунктуация письма Цветаевой В. В. Гольцеву от 2 февраля 1940 года (ср. соответственно с. 79 и 93).

Неоднократно фиксируемые одинаковые для обоих вариантов явные орфографические и т. п. погрешности также дают повод для сомнения в точности воспроизведения документальных материалов. И, конечно, красноречивы в этом смысле «индивидуальные» очевидные огрехи в цитируемых русских текстах и иноязычных вкраплениях. Ограничимся одним примером: в *A* (с. 206) неправильно воспроизведено и выделенное прописными буквами редкое слово *páжитъ* «пастбище» (ставшее объектом филологических размышлений Марины Ивановны), и его французский эквивалент *pâturage* (в *B*, с. 238, русское слово дано верно, а во французском всего одна опечатка). Кстати, в другой публикации (А. А. Саакянц) той же самой записи (см.: Цветаева М. «Поклопись Москве...» М., 1989. С. 504) находим уже иное французское слово — *pacage* «пастбище» (не имея возможности обратиться к оригиналу цветасевского текста, ограничиваемся лишь констатацией факта).

Опечатками, орфографическими и т. п. ошибками изобилуют в равной степени оба варианта. Опечатки в цитатах на иностранных языках в *A* начинаются уже с эпитафии «Requiem aeternam dona eis...» (с. 11); вариант *B* несколько грамотнее в отношении латиницы, но предпочитает среди прочего написание слова *товарищ* с мягким знаком (с. 36). Идентичны погрешности в фамилиях (должно быть: *Ширкевич* — *A*, с. 331, *B*, с. 383; *Цюрупа* — *A*, с. 346, *B*, с. 403), в знаках ударения (литературная норма предписывает акцентуацию *мастерскій* — *A*, с. 30, *B*, с. 36; см. Орфоэпический словарь русского языка. М., 1983), в формах словоизменения (*яль* — название буквы — конечно же, склоняемое слово — *A*, с. 142, *B*, с. 167) и т. д.

Остаются вопросы: который из вариантов соответствует авторской рукописи, является окончательным и какую цель преследует подобная параллельная публикация в пределах одного издательства?

К столетию со дня рождения М. И. Цветаевой взыскательный читатель ждет от М. И. Белкиной еще одной высокой попытки — попытки переиздания исправленного, полного и иллюстрированного текста «Скрещения судеб»

Судьба Филомелы в русской поэзии

Я. И. Гин,
кандидат филологических наук

Жизнь слова не всегда можно изобразить как прямую линию: многообразные взаимоотношения языков, а также действующие в каждом языке процессы забвения и памяти позволяют увидеть в истории слова, как и в истории культуры, своеобразную цикличность. После «расцвета» наступает период «замирания», но потом, раньше или позже, слово может дожидаться своего возрождения. Это относится, в первую очередь, к жизни слова в поэтическом языке, где постоянно преодолеваются перегородки между категориями активными и пассивными, продуктивными и непродуктивными.

Судьба слова *филомела* берет начало в греческой мифологии. Согласно легенде, наиболее подробные пересказы которой – в «Мифологической библиотеке» Аполлодора и «Метаморфозах» Овидия, царь Фракии Терей, жемчужный на афинской царевне Прокне, соблазняет ее сестру Филомелу, отрезает ей язык и заточает ее. Сестры задумывают и осуществляют страшную месть Терее, и, потрясенный, он хочет убить их, но боги, вняв мольбе Прокны и Филомелы, спасают их, превратив в птиц: одну в соловья, а другую в ласточку. Первоначально Прокна символизировала соловья, а Филомела – ласточку: внутренняя форма второго имени – «любящая скот», ибо ласточки часто гнездятся под крышами хлебов (Carnoy A. Dictionnaire étymologique de la mythologie gréco-romaine. Louvain, 1957. P. 161). Однако в дальнейшем уже

на латинской почве под влиянием народной этимологии («любящая мелос, пение») Филомелу стали связывать с соловьем; примечательно, что именно ложноэтимологический комментарий дал этому имени М. И. Михельсон в известном труде «Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» (СПб., 1903. Т. 2. С. 446).

К сюжету мифа не раз обращались поэты Средневековья и Возрождения; его пересказы найдем и в древнерусской литературе. В русской литературе прошлого века известна ранняя тираноборческая трагедия И. А. Крылова «Филомела». У О. Э. Мандельштама в цикле «Стихи о неизвестном солдате» и в стихотворении «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» образы хилой ласточки, слепой ласточки со срезанными крыльями в совокупности с темой безмолвия и античным колоритом (*Антигона, аониды, стигийский*), по мнению исследователей (С. А. Ошерова, В. Н. Топорова), является своеобразным воссозданием греческого мифа.

Итак, судьба *Филомелы* как имени легендарной царевны невелика и небогата событиями в русской поэтической речи.

В европейской поэзии (уже в римской) *Филомела* стала символом соловья.

П. Берында в своем «Лексиконе славеноросском» 1627 года привел рассматриваемое слово со значением «соловей», очевидно, опираясь на иноязычную традицию (см.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 5. С. 112), поскольку в русской стихотворной речи *Филомела* в этом значении начала употребляться лишь в самом конце XVIII в. — прежде всего в составе эгегического словаря поэтов-сентименталистов круга Н. М. Карамзина; вот некоторые характерные примеры (здесь и далее курсив в цитатах наш — Я. Г.):

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанья *Филомелы*...

В. А. Жуковский. Вечер

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно закурчал,
И яркий голос *Филомелы*
Угрюмый бор очаровал (...)

К. Н. Батюшков. Поселение в лесу

Под сенью потаенной
Дубравной тишины,

Где ток уединенный
Сребристыя волны
Журчит с унылой *Филомелой* (...)

А. С. Пушкин. К Делии

Все сладкой всюду негой дышит;
Ручей с приятностью журчит,
Едва листы зефир колышет
И *Филомелы* глас звучит.

К. Ф. Рылеев. Тоска

Чаще всего *Филомела* обозначает деталь условного поэтического пейзажа и стоит в ряду таких слов, как *долина, ручей, холм, роца, струи, зефир* и т. п.; ее голос озвучивает эту картину. Лучшее представление об употреблении этого символа дает «Песенка Эраста Чертополохова» — анонимная пародия на П. И. Шаликова, самого «карамзинистского» из карамзинистов:

Я пою, как *Филомела*;
Я пою красу весны,
Розы, слезы, грезы, сны;
Лира мне не надоела.

Как поэтизм, *Филомела* имела достаточно строго регламентированную сочетаемость. Вот наиболее типичные случаи сочетаний с этим словом и перифраз: *Филомела* — песни пела (Херасков), песни поет (Карамзин), весну поющая (Рылеев), (ее) полночное пенье (Дельвиг); (ее) глас (Муравьев, Крылов, Воейков, Батюшков, Рылеев, Кольцов), кроткая почти певица (Карамзин), песней царица (Кюхельбекер); тоскливая (Муравьев), тоскует (Жуковский). Последний вид сочетаний мотивирован памятью о трагической судьбе *Филомелы* в мифе. Из эпитетов к *Филомеле* самые частые — *сладкая* и *нежная*. Например: (ее) сладкозвучные песни (Дельвиг), звуки сладки (Кюхельбекер); *нежная* песнь (Карамзин), певица неги (Кюхельбекер).

Если слово *соловей* обозначало вид птицы, то у *Филомелы* конкретное значение отчасти стиралось — она становилась своеобразной эмблемой, «знаком привычных поэтических представлений» (Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л., 1972. С. 96). Показательны те запреты, которые накладывались на употребление этого символа. Так, в стихотворении И. А. Крылова «Ночь» — вслед за *зарей, зефиром, кудрями ручейка* — читаем:

Листок от ветра не трясется,
И *Филомела* не поет (...)

Однако в другом его произведении («К соловью») Филомела не употребляется: здесь иной ряд лексики (*клетка, силки, корм*).

И. И. Панаев в «Литературных воспоминаниях» привел забавный ляпсус из сочинения своего однокашника: «*Филомела пела, а соловей свистал*». Здесь особенно любопытно то, что, забыв смысл поэтизма, ученик запомнил и правильно воспроизвел сочетаемость. Ограничения накладываются и на морфологию имени: оно не может иметь формы множественного числа (память об ономастическом прошлом, поддерживаемая написанием с заглавной буквы; позднейшие поэты графически уподобят символ нарицательным словам).

Интерес представляет перифраза *Филомелины подруги* (М. Н. Муравьев) — в значении «соловьи» или — шире — «птицы»; ср. также противопоставление по числу у Н. М. Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «Декарт, который всех животных, кроме человека, хотел признавать машинами, не мог слушать соловьев без досады; ему казалось, что нежная *Филомела*, трогая душу, опровергает его систему <...>» Таким образом, в начале XIX в. *Филомела* и соловей соотносились прежде всего как поэтизм и нейтральное слово (в XX в. поэтизмом уже считается соловей, ср. у Маяковского: «„Соловей“ можно — „форсунка“ нельзя»). Но в отношениях этих слов есть еще аспект «чужое — свое». Так, в сатирическом стихотворении В. А. Жуковского «Пред судилище Миноса...» сама птица говорит о себе:

«Я, пичужка, вечно пела;
По-эллинически *Филомела*,
А по-русски соловей <...>»

В полемическом же диалоге С. С. Боброва «Происшествие в царстве теней», отражающем споры карамзинистов и шишковистов о языке, Галлорусс, увидев Бояна, говорит, переиначивая формулу из «Слова о полку Игореве»: «Не это ли *Филомела* Рюриковых и Олеговых дней?»

В 1820-х гг. начинается кризис установившейся системы поэтизмов, лексических и фразеологических. Если до «эпохи Пушкина» эти слова и выражения двигались как бы «в строю», то теперь у каждого — свой индивидуальный путь, своя, неповторимая судьба. *Филомела* переходит в пассивный поэтический словарь, и новые случаи употребления, обязательно мотивированные античной темой, антологическим жанром, вряд ли прибавляют что-то новое в стилистическом отношении:

Разят они (звуки — Я. Г.) душу, как стрелы,
И сладки, как стон *Филомелы*.

П. А. Катенин. Сафо

Твой луч (звезды — Я. Г.) дрожащий вызывает
Гимн *Филомелы* над ручьем.

А. Н. Майков. Сафо

Филомела распевает,
Спит на розе мотылек.

Н. Ф. Щербина. Аттическая ночь

В стихе начала нашего века *Филомела* — знак связи с традицией, с «золотым веком» русской поэзии:

И вторит сладостный таинственный хорал
Вечерним стовам *Филомелы*...

Вяч. Иванов. Творчество

Залетною голубкой к нам слетела,
В кустах запела томно *Филомела*...

М. Кузмин. Анне Ахматовой

Не Дельвигу ли *Филомела*,
Чуть ощутимая, мила?

И. Северянин. Вылое

Я в последний слушаю раз
Трели твои, *Филомела*.

Екатерина Галати. Филомела

Весьма примечательно и то, что И. Северянин прямо апеллирует к поэту пушкинской плеяды (в трех стихотворениях Дельвига встречается наш символ), и то, что у Вяч. Иванова — почти цитата из «Вечера» В. А. Жуковского; М. Кузмину же вообще было свойственно тяготение к школе «гармонической точности» (Пушкин), и рифма *слетела — Филомела* встречается еще у Баратынского и Кюхельбекера. Особенно сильна ностальгическая нота в стихотворении Екатерины Галати, где нежная *Филомела* — центральный образ, а противопоставлен ей роковой ворон Эдгара По. (Традиционное употребление поэтизма встречается и у поэтов последующих поколений — вплоть до И. А. Бродского и О. А. Сedaковой).

В поэтической речи эпохи постсимволизма эстетический акцент делается не только и не столько на выборе лексических средств, сколько на их сочетании — огромную роль играют силы притяжения и отталкивания слов в тексте. В этих условиях и происходит своеобразное возрождение *Филомелы*. Так, в стихотворении современного поэта Н. И. Тряпкина с эпиграфом из Сафо вслед за вполне «антологическим» восклицанием: «Лира

священная! Звук *Филомелы!*) – идет снижение темы и образа: «Звук *Филомелы* из местной подсадки, (Крылья стрижа).

Преодоление устоявшихся контекстовых связей и привычных ассоциаций у символа происходит в поэзии Юнны Мориц. Если в «Несгораемом» восклицание «Пусть об этом поет *Филомела!*» – это воспроизведение традиционной (по А. А. Ахматовой, восходящей к античности) формулы – отсылки к канону, к «старшим» в поэтическом искусстве, и потому появление поэтизма здесь представляется мотивированным, то в стихотворении «Филомела» слово-образ у Мориц подвергается семантической трансформации: в составе рефрена «В Самарканде поет *Филомела!*» (географическая экзотика неожиданно перекликается с экзотикой словесной) он рифмуется с *очумела, смело, прогремело, онемело, (жуткое) дело*. Два центральных образа – *Филомела* и *вьюга* – вступают в сложное взаимодействие и даже обмениваются признаками: «эти птичьи тщедушные плечи» – «вьюга свищет, поет и щебечет»; «леденящее соло» (соловья). В прошлом веке так мог писать только младоарханст Кюхельбекер – у него в поэме «Кассандра» *тужащая Филомела*: глагол «тужить» связан с народно-поэтической и разговорной речевыми стихиями и ощущается как очень русский; поэт отчасти сгладил противоречие, употребив книжную глагольную форму – причастие.

Но наиболее кардинальному преобразованию подверглась *Филомела* в стихотворении А. Вознесенского «Повесть художника»:

Длиннопогое педоуменье,
как ты связала тихую спицей
дни и дела!
Цел переделькинский филумела.
Громкие музы над нами шумели.
Я обожаю женские спицы.
Муза безмолвная рядом пошла.

Во-первых, здесь редкая фонетическая форма – *Фил Умела*; вряд ли поэту нужна архиточная рифма к *шумели*, скорее – поэтико-этимологическая связь с *недоуменьем*. Во-вторых, символ употреблен в окказиональной грамматической форме – мужского (или общего) рода, причем этот новый род уравнивает традиционный предикат *вел* и необычный эпитет *переделькинский*. Поэт как бы снимает противопоставление двух отношений к лиричнопоэтической традиции.

Ф. И. Буслаев выделял ряд «слов, образовавших грамматический род в связи с поэтическими преданиями народными» и по поводу соловья отмечал: «*Соловей*, в нем. *die Nachtigall* жен. рода, согласно с мифом о превращении Филомелы, (...) у нас,

согласно с грамматическим родом, соловей имеет другое применение: *Соловей-разбойник* в сказке об Илье Муромце; в Сл. о полку Игор. сказано о поэте: „О Бояне, соловию старого времени“ (Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 300–301).

Перевод *Филомелы* из женского в мужской (общий) род актуализирует грамматический аспект противопоставления «Филомела/соловей», при этом память слова отнюдь не стирается: символ оказывается той, по Ю. Н. Тынянову, «чужеземной прививкой», создающей античную тему (*музы*), вследствие чего *женские речи* вызывают ассоциацию с ласточкой, символом болтливой женщины, а мотив безмолвия — с мифом о Филомеле. Пересмысляются и предшествующие образы: *дни и дела* оказываются перифразой «Трудов и дней» Гесиода, а сама героиня уподобляется прядущей нить жизни Парке (прядение заменено вязанием). *Переделкинский филумела* перекликается с *переделкинским соловьем* из другого стихотворения Вознесенского «Соловей-зимовщик». В ряде произведений поэт сближает (вслед за «Весенней распутицей» Б. Пастернака) соловья, а также поэта-соловья с Соловьем-разбойником; так в творчестве современного художника две названные лингвопоэтические традиции изображения соловья, развивавшиеся ранее параллельно, пересеклись.

Рано подводить итоги истории символа *Филомела*: она не закончена. И новые принципы его использования в современной лирике — что это: эпилог или начало нового цикла в жизни слова? Литературная практика покажет.

Как ни сложится дальнейшая судьба, прав Александр Купнер: «Поэзия, при всем своем устремлении в будущее, нуждается в прошлом, как самолет — во взлетной полосе. Античность, мифология, древняя история растворены в сегодняшнем дне, воздухе, сознании, языке и не имеют никакого отношения к ретро» (Вопросы литературы. 1986. № 7. С. 181).

Петрозаводск

Юрий Кукин

Юрию Алексеевичу Кукину — 58 лет, родился он под Ленинградом. В 1954 году с отличием закончил Ленинградский институт физкультуры им. Лесгафта. Преподавал в школе, работал врачом лечебной физкультуры, инструктором физкультуры на заводе, в доме отдыха, в НИИ, тренером по фигурному катанию. Принимал участие в летних геологических экспедициях. С концертами объездил всю страну. В 1968—1970 гг. выступал

в коллективе «Молодые голоса» Ленконцерта. С 1971 года — в Ленинградской государственной областной филармонии. Сейчас работает в театре-студии «Бенефис» под руководством М. Боярского.

Юрий Кукин очень требователен к своим песням, и широкому слушателю известна лишь малая часть его репертуара. Но песни «За туманом», «Тридцать лет», «Париж», «Город», «Старый сказочник», «Поезд», «Гостиница», «Маленький Гном» и др. — заслуженно считаются классикой жанра.

В 1938 году фирмой «Мелодия» выпущен первый авторский диск Юрия Кукина «Осенние письма», новый — «Миражи» — готовится к выходу в свет. Подготовлен к изданию и первый сборник поэта.

Маленький Гном

Мой маленький Гном, поправь колпачок
И брось, не сердись, разожми кулачок.
Беги от людей, мой маленький Гном,
Беги поскорей в свой старенький дом.

Где по стенам вместо картин —
Гирлянды ненужных слов,
Где мозаикой стекол окон —
Десятки волшебных снов,
И книги, рожденные сотнею
Сказочно умных голов:
От Шарля Перро
И до магизма основ...

Мой маленький Гном, поправь колпачок,
Не топай ногой — потерял башмачок.
Беги от людей, мой маленький Гном,
Беги поскорей в свой старенький дом.

Где чай не в стаканах,
А в чашечках чайных роз,
Где веточка пихты — духи,
А подарок — ответ на вопрос,
Где много неслышного смеха
И много невидимых слез,
И песни под звуки гитар
Мотыльков и стрекоз...

Мой маленький Гном, поправь колпачок
И так не ругайся — получишь щелчок!
Беги от людей, мой маленький Гном,
Беги поскорей в свой старенький дом,

Нет-нет, я к тебе не пойду,
Мой маленький Гном!
Я стар, я устал,
Да и двигаться стал я с трудом.
Я знаю, твой год —
Он всего от зари до зари...
Мне — тысяча лет
Потому лишь, что мне тридцать три.

Мой маленький Гном, поправь колпачок,
И брось, не сердись, разожми кулачок,
Слезинки утри, надень башмачок...
И косу привычно забрось за плечо.

ноябрь 1965

Пародия на А. Городницкого

Когда на сердце тяжесть
И плохо в животе —
Спешите к Эрмитажу,
И лучше в темноте, —
Где без питья и хлеба —
Тюремного пайка —
Атланты держат небо
На каменных руках.

Держать его махину —
Не мед и не шашлык, —
Особенно кто хилый
И с детства не привык.
А рядом бабы ходят,
С друзьями водку пьют, —
А им колени сводит,
Им смены не дают.

Стоят они, ребята,
Точеные тела,
Поставлены когда-то
В чем мама родила...
И вдруг, на эти штуки
Ужасно разозлась,
Они отпустят руки —
И небо с неба: хрясь!

И даже над Канадой
Не будет синевы,
«Не надо, ох не надо!» —
Так закричите вы...

Но небо сохранится
До той поры, пока
Подержит Городницкий
На собственных руках,

Подержит Городницкий
На каменных руках!

1968

Ночной гость

«Дверь открыта — что стоишь под дождем!..»
Плащ он снял, оставил посох в углу,—
И предчувствие неясным пятном
Потекло, оставив след на полу.

Он ладони к огню протянул
И печально, негромко сказал:
«Я устал, я у тебя отдохну,
Я недолго»,— не глядя в глаза.

«Ты откуда идешь?» — «От беды».
«А куда идешь?» — «Где нету ее».
Дал я хлеба, принес я воды,
Только вздрогнуло вдруг сердце мое.

«И удачен твой путь?» — «Иногда
Я входил в счастливый дом, но, поверь,
За моею спиною беда
Незаметно входила в ту дверь».

«Что ж ты раньше это мне не сказал? —
Я бы дверь не открыл!» — «Замолчи!» —
Плащ надел, лицо закрыл, посох взял
И исчез он в непроглядной ночи...

29 февраля 1980

Как передать чувство в песенной речи?

Мы часто говорим, что для этого нужна большая и напряженная работа, что эмоционально достоверное слово рождается в творческих муках. Правильно, конечно, но иной раз важно просто уловить щемящую ноту, как бы подслушать задушевное слово — у времени, у друзей, у самого себя. Для этого необходима удача, счастливое совпадение своего и чужого чувства, индивидуальных и общих речевых формул.

Такая удача в шестидесятых годах сопутствовала Юрию Кукину. Именно тогда были им написаны несколько десятков песен, которые он до сих пор исполняет на концертах и которые эмоционально не состарились. Среди корифеев авторской песни Кукин занимает свое незаменимое место, он оказывает несомненное влияние на молодых бардов новой волны.

Знаменитая строка Юрия Кукина: «А я еду, а я еду за туманом...» стала своеобразным мировоззренческим знаком. Одни слышали в ней точный отзвук своего внутреннего состояния, другие воспринимали эти слова с настороженностью. Суровые профессионалы-таёжники иногда с неодобрением роняли по адресу прибывших к их экспедициям искателей приключений: мол, этот «за туманом» поехал, значит, человек несерьезный. Неоднозначно оценивалась кукинская символика и в прессе. В шестидесятые годы поездки за туманом не признавались правильным идейным ориентиром, а теперь журналисты и критики высокомерно иронизируют уже с иных позиций: дескать, как это наивно было — гоняться за туманом. Множество пародийных переделок, постоянное «цитирование» в кинофильмах... Так или иначе, лирическая формула стала многозначным фактом языка. А войти в русский язык — хотя бы одним словосочетанием — это, прямо скажем, не пустяк.

Песня «За туманом» (1964) дает возможность проследить, как разговорное слово осознает себя в качестве слова стихового. В сочетании *за туманом* задан ритм: $\cup\text{---}\cup$. Стиховедчески говоря, это пеев третий: единство из четырех слогов с обязательным ударением на третьем. То же ритмическое движение рождается в доверительно-дружеском «понимаешь»: оно притягивается к словам «за туманом» и благодаря звуковому совпадению ударных слогов *-ма*. Появляются словесно-ритмические группы «это странно», «я гоняюсь» — и, наконец, целая строфа:

Понимаешь, это странно, очень странно,
Но такой уж я законченный чужак:
Я гоняюсь, я гоняюсь за туманом —
И с собою мне не справиться никак.

Обратите внимание на вокалическую организацию: здесь только два ударных звука — создающее основной тон *-а* и контрастирующее с ним *-о*. Во втором куплете эта антитеза варьируется, звуко-смысловой контраст драматически развивается: «Понимаешь, это просто, очень просто...» В общем, при всей своей простоте песня отнюдь не элементарна.

Так и в других кукинских песнях, где основной образ строится путем подчеркнутой ритмической подачи ключевого слова.

«Если вы знаете — где-то есть *город, город...*» — и уже не нужно никаких эпитетов, ясно, что город — символический. «Мой маленький Гном...» — это сразу и ритмическая, и образная доминанта песни, а звуковой повтор носового *-м* вносит пронзительно жалобную ноту. И в песне «Осень» и ритм, и настроение тоже заданы первой строкой: «Потянуло, потянуло...». Автор не просто подбирает слова для передачи чувств, он хорошо ощущает эмоциональные возможности слов как таковых. Он не боится романсовых красотей:

Вы пришлите в красивом конверте
Теплых слов шелестящий шелк,
Ну а мне вы не верьте, не верьте:
Я такой — я взял и ушел.

Не впасть в приторность ему помогает раскованная самопрония:

Нахожу на дорогах подковы,
Заполняю собой города...
Человек из меня толковый
Не получится никогда.

Вообще говоря, потребность людей в сентиментальном слове очень велика. Едва ли не большинство из нас именно поэтому тянется к поэзии, а уж к песне тем более. И нет ничего зазорного в том, чтобы этих чувствительных струн коснуться словом. Предосудительны только фальшь и неискренность — как в текстах эстрадных песен, которые обычно внутренне холодны. У Кукина есть не то пародия, не то мистификация под названием «Шлягер», написанная почти в шутку для ресторанного оркестра, к тому же от лица женщины: «Что мне делать, если все не так, как надо, — / И сама не понимаю — почему». Но больше к такой бездушной эмоциональной механике в своих песнях Кукин не прибегал, благодаря чему и сохранил доверие слушателей.

Поэтизируя обыденность, Кукин ее не идеализирует. Тоска, неудовлетворенность жизнью звучат у него открыто: «Что же, что же не так, не так, / Что же не удалось?» («Поезд»). Не утоляет эту грусть и романтика странствий: и в тайге, у костра, людей не оставляет смутная мечта о чем-то далеком и недоступном: «И перестань, не надо про Париж» («Париж»). Кукин помогает людям не стыдиться своей инфантильной мечтательности, разобратся в смутных грезах. Он, сочетая мелодраматизм с юмором, мифологизирует простую жизнь простых людей: так появляются в его песнях добрый волшебник, старый сказочник, маленький гном. При помощи этой почти детской символики автор успокаивает собеседников и осторожно, тактично обращает их к реально-

сти «взрослой» жизни: волшебник оказывается выдуманным, сказочник рассказывает сказки только самому себе, а маленький гном неожиданно оборачивается ... женщиной, возлюбленной лирического героя («Слезинки утри, надень башмачок... / И косу привычно забрось за плечо»). Единственный выход — научиться ценить свою собственную невыдуманную жизнь и относиться к ней, как об этом поется в песне «Дорожные размышления»:

Думать просто так — совсем не просто,
А не думать — просто невозможно.

Многое меняется в жизни, но вновь и вновь повторяются все те же эмоциональные ситуации. Кто-то опять грустит, глядя вслед уходящему поезду. Кто-то в очередной раз с горечью убеждается в мнимости казавшихся бесспорными идейных установок: «Люди гибнут за мираж, — / Их, наш...» По-прежнему далеки и сказочный город, и полусказочный Париж. А значит, продолжает жить и песенное слово, в котором отпечатались эти чувства и настроения.

*Публикацию подготовил А. Е. Крылов ©
Филологический комментарий Вл. Новикова ©.*

РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ

СОСТАВИЛ А. И. СОЛЖЕНИЦЫН

Б*

БЕСПОСРЕДНЫЙ, БЕСПОСРЕДСТВЕННЫЙ – прямой
БЕСПОСРЕДНАЯ передача (без третьего)

БЕСПОСРЕДСТВЕННО *нч. (и. врж.)*

БЕСПОСУЛЬНАЯ просьба, уговор

БЕСПОТОМСТВЕННЫЙ

БЕСПРЕКЛОННАЯ голова – не признающая авторитетов

БЕСПРИКЛОННАЯ головушка (без крова, без ласки)

БЕСПРЕПОННЫЙ – 1. беспрепятственный, вольный; 2. легкомысленный

БЕСПРЕТКНОВЕННЫЙ – не встречающий помех

БЕСПРИБЫЛЬНОСТЬ

БЕСПРИБЫТОЧНЫЙ – бесприбыльный

БЕСПРИДАТОЧНАЯ мена

БЕСПРИКЛАДНЫЙ – 1. беспримерный, несравненный; 2. не имеющий дополнения

БЕСПРИСТАНИЩНЫЙ

БЕСПРИСТЫДНЫЙ, БЕСПРИСТЫДЛИВЫЙ

БЕСПРИТВОРНЫЙ, БЕСПРИТВОРЧИВЫЙ

БЕСПРИТВОРСТВО, БЕСПРИТВОРНость

БЕСПРИТУЛЬНЫЙ – не имеющий укрывища

БЕСПРИЧАСТНЫЙ *к чему*

БЕСПРИЮТНИК, БЕСПРИЮТНИЦА

БЕСПРИЮТСТВОВАТЬ, БЕСПРИЮТНИЧАТЬ

пёт БЕСПРОБУДНУЮ

БЕСПРОБУДНИК, БЕСПРОБУДНИЦА

БЕСПРОВИННЫЙ – безвицный

БЕСПРОГУЛЬНЫЙ

БЕСПРОЗВАНЕЦ, БЕСПРОЗВАНКА

БЕСПРОЗВИЩНЫЙ

БЕСПРОКИЙ – в чём нет прока, негодный

* Продолжение. Начало см.; Русская речь. 1990. № 3.

- БЕСПРОЧИНА, БЕСПРОЧЬЕ — негодность, неспособность
- БЕСПРОНЫРНЫЙ, БЕСПРОНЫРЛИВЫЙ члв.
- БЕСПРОТОЧНОЕ озеро, вода
- БЕСПРОХОДНЫЙ, НЕПРОХОДНЫЙ
- БЕСПУТЬЕ — 1. беспутица, бездорожница; 2. неправый житейский путь; 3. разлад управления
- БЕСПУТЕТЬ *безл.* (о распутице)
- БЕСПУТИТЬ *кого* — лишать пути
- БЕСПУТНИК, БЕСПУТНИЦА
- БЕССЕМЕННЫЙ, БЕССЕМЯНЫЙ
- БЕССИЛОВАТЬ, БЕССИЛИТЬ *кого*
недоворие БЕССИЛИТ
- БЕССИЛЕЛ с годами
- БЕССКОРБНЫЙ
- БЕССЛАВЕТЬ — постепенно лишаться доброй славы
- ОБЕССЛАВЕТЬ недолго
- БЕССЛЕЗНАЯ скорбь
- БЕССЛОВЕСНЫЙ — лишённый способности речи
- БЕССЛОВЕСИЕ — неспособность говорить, немота
- БЕССЛОВЕСНИК — не умеющий красно объясниться
- БЕССЛОВЕСЕТЬ — становиться немым, безгласным
- БЕССЛОВНЫЙ — молчаливый, малословный
- БЕССМЕНЩИНА — должность, где нет смены
- БЕССМЕТНЫЙ — *в част.* неисчислимый, ть м о т ё м н ы й
- БЕССОЛНЕЧНЫЙ день
- БЕССОЛЬНЫЙ
- БЕССОМНЕННЫЙ
- БЕССОЧИЕ
- БЕССОЧНЫЙ — сухой, дряблый
- БЕССПОРНИК, БЕССПОРНИЦА
- БЕССТРАСТНИК — укротивший свои чувства
- вера БЕССТРАШИТ
- БЕССТРОЧНОЕ письмо
- БЕССТЫДЛИВЫЙ
- БЕССТЫДСТВОВАТЬ — долго бесстыдничать, нагло выставляться на позор
- ОБЕССТЫДЕТЬ, ОБЕССТЫДИТЬСЯ
- БЕССУДИТЬ *кого*, ОХУЖДАТЬ — винить, поносить
- НЕ БЕССУДЬТЕ, чем Бог послал (угощая)
- БЕССУД, БЕССУДЬЕ, БЕССУДСТВО — *в част.* о с ў д, худа, порицание
- от БЕССУДЬЯ худая слава живёт
- БЕССУДНОЕ государство — где нет правдивого суда
- БЕССУДНАЯ пора
- БЕССУДИЦА — неурядица, когда не найдётся правды
- БЕССЧАСТЬЕ, БЕЗДОЛЯ, НЕДОЛЯ — когда кому не везёт
- дать что БЕССЧЕТНО (валом, не считая)
- БЕСТАЛАННИК, БЕСТАЛАННЫЙ — кому нет т а л а н у, удачи
- БЕСТАЛАНТНЫЙ — недаровитый
- БЕСТЕЧЬЕ *ср.* (Рсп)
- БЕСТОЛОЧНЫЙ — 1. непонятливый; 2. не обещающий

пользы
БЕСТОЛОЧЬ, БЕСТОЛОЧИНА, БЕСТОЛКОВИЦА, БЕСТОЛКОВЩИНА — непонятность; пераспорядительность; неустройство
БЕСТРЕВОЖНАЯ жизнь
БЕСХИТРОЩИНА — 1. прямизна, прямота; 2. *собр.* прямодушный люд
БЕСХЛОПОТНИК — уживчивый, незатейливый
БЕСЧАДИЕ, БЕСЧАДСТВО — неименные детей
БЕСЧАДНЫЙ
БЕСЧАСТНЫЙ члв., **БЕСЧАСТНИК** — кому нет доли, удела
БЕСЧАСТИТЬ *кого*
БЕСЧАСЬЕ — не с г о б д ь е, не с п б р ь е, неудача
БЕСЧЕРЕДНЫЙ, БЕСЧЕРЕДНОЙ — височерёдный
БЕСЧЕРЕДНИК, БЕСЧЕРЕДНИЦА — кто идёт не в очередь
БЕСЧЕСТИТЬСЯ — быть обещену
БЕСЧИННОСТЬ меньше чем **БЕСЧИНСТВО**
БЕСЧИНСТВО меньше чем **БЕСЧИННИЕ**
БЕСЧИННЫЙ — нарушающий благочиние, приличие
БЕСЧИННИК, БЕСЧИННИЦА
БЕСЧИННИЧАТЬ — бесчинствовать
БЕСЧУЛЫЙ — чёрствый, грубый, нечувствительный
БЕСШЕРСТЫЙ
БЕСЩАДНЫЙ — беспощадный, безжалостный
БЕСЩАДНИЧАТЬ — обращаться немилосердно
БЕШЕНСТВОВАТЬ

БЗЫРИТЬСЯ (о рогатом скоте) — рыскать в знойное время, беситься, метаться
БЗЫК — это беготня и рёв скота
БИЛЕТЧИК *вм.* билетёр
БИЛО — 1. колокольный язык; 2. короткая палка цепа; 3. колотушка сторожа или рельсе
вм. б и о г р а ф и я м. ск. **ЖИЗНЕОПИСАНИЕ**
БИРЮЛЬНИЧАТЬ — играть в бирюльки, заниматься пустяками
БИРЮЧИЙ — волчий
 глядеть **БИРЮКОМ** — исподлобья, угрюмо
БИСЕРИСТЫЙ, БИСЕРЧАТЫЙ — схожий с бисером
 роса **БИСЕРИТСЯ** на былинках
БИТАЯ дорога — торная
БИТВИЩЕ — место прошедшей битвы
БИТНЯК — щебляк, щебенник, грейдер (дорога)
БЛАГОЙ — 1. *црк., стар.* благий, добрый, полезный, путный, добродетельный; 2. *нрд.* злой, сердитый, упрямый (соответствует: блаженный и блажной)
БЛАГОЙ умом — взбалмошный
БЛАГО я рано встал
БЛАГО припасли заранее
БЛАГОНЫКО, БЛАГОШКО — *нрд.* дурно, неудобно
 за реку **БЛАГО**, лёд плох
БЛАГОВАТЬ, БЛАГОДУРИТЬ — дурить, шалить, блажить
БЛАГОТА — благость; обилые, достаток
БЛАГОВЕЛИЧИЕ

- БЛАГОВЕРИЕ, БЛАГОВЕРНОСТЬ — истинная, спасительная вера
- БЛАГОВЕСТИНИК, БЛАГОВЕСТИТЕЛЬ, БЛАГОВЕСТИТЕЛЬНИЦА
- БЛАГОВЕСТНЫЙ — отпещ. к благовесту
- БЛАГОВЕЩЕ (Пуш)
- БЛАГОВОЛИТЕЛЬНЫЙ
- БЛАГОВОЛИТЕЛЬНОСТЬ (А. Т.)
- БЛАГОВОЛЬНЫЙ — невынужденный, добровольный, свободный
- БЛАГОВОЛЬНО
- БЛАГОВРЕМЕННЫЙ — незапоздалый, впору
- БЛАГОВРЕМЬЕ, БЛАГОВРЕМЕННОСТЬ
- БЛАГОГЛАСИЕ — гармония, созвучие
- БЛАГОГЛАСНЫЙ — сладкозвучный
- БЛАГОГОВЕЙНИК, БЛАГОГОВЕЙНИЦА — страстный читатель
- БЛАГОДАВЕЦ, БЛАГОДАТЕЛЬ
- БЛАГОДАРИТЕЛЬНЫЙ — благодарственный
- БЛАГОДЕНСТВО — благоденствие
- БЛАГОДЕНСТВЕННЫЙ
- БЛАГОДЕЯТЬ кому, чем
- БЛАГОДЕЙ, БЛАГОДЕЙКА
- БЛАГОДЕЮЩАЯ рука (и. в рж.)
- БЛАГОДУРОВАТЫЙ — шальной
- БЛАГОДУРИТЬ, БЛАГОДУРИТЬСЯ — упрямиться
- БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬСТВОВАТЬ кому
- БЛАГОЗАКОНИЕ — добрые, полезные законы, учреждения
- БЛАГОЗАКОННЫЙ, ДОБРОЗАКОННЫЙ — устроенный на правдивых началах
- БЛАГОЗАСЛУЖЕННЫЙ (и. в рж.)
- БЛАГОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ — предвещающий добро
- БЛАГОЗНАМЕНИТЫЙ — прославившийся добром
- БЛАГОЗРАЧНЫЙ — красивый, благообразный
- БЛАГОИЗБРАНИЕ — добрый удачный выбор, назначение
- БЛАГОИЗБРАННЫЙ, БЛАГОИЗБРАННЫЙ
- БЛАГОИЗВОЛЯТЬ, БЛАГОИЗВОЛИТЬ
- БЛАГОИЗВОЛЬНЫЙ — соизволенный; добровольный
- БЛАГОИСКУСНЫЙ — искусный в добром
- БЛАГОЛЕПНЫЙ — красиво и богато украшенный
- БЛАГОЛИЧИЕ — благая внешность
- БЛАГОЛЮБИЕ — рвение к добру
- БЛАГОЛЮБИВЫЙ
- БЛАГОМЕРНАЯ совесть (Крюк)
- БЛАГОМИЛОСТИВИЙ — щедрый на добро
- БЛАГОМОЩНЫЙ — сильный в добре
- БЛАГОМУЖЕСТВЕННЫЙ воин
- БЛАГОМЫСЛИЕ — здоровое доброе помышление
- БЛАГОНАСЛЕДИЕ
- БЛАГООБРАЩЕНИЕ

- БЛАГОПЛОДИЕ
 БЛАГОПЛОДНАЯ страна, пора
 БЛАГОПОВИНОВЕНИЕ
 БЛАГОПОДАНИЕ — радушная
 милостыня
 БЛАГОПОДАТНЫЙ дождь
 БЛАГОПОДАТЕЛЬ, БЛАГОПО-
 ДАТЕЛЬНИЦА
 БЛАГОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЙ
 БЛАГОПОКАЗНО (*Лс*)
 БЛАГОПОКОРНОСТЬ (*Лс*)
 БЛАГОПОКОРНЫЙ
 БЛАГОПОСЛУШНЫЙ, БЛАГО-
 ПОСЛУШЛИВЫЙ
 БЛАГОПОСПЕШАТЬ *кому,*
чему, в чём
 БЛАГОПОТРЕБНЫЙ — полез-
 ный для доброго дела
 БЛАГОПРЕКЛОННЫЙ — распо-
 ложенный к добру
 БЛАГОПРИВЕТЛИВЫЙ
 БЛАГОПРИОБРЕТЕНИЕ, БЛА-
 ГОПРИОБРЕТЕНИЕ — *в част.*
 честная нажива, обогащение
 БЛАГОПРИЯЗНЬ — доброже-
 лательство
 БЛАГОПРИЯТЕЛЬ (*и. врж.*)
 БЛАГОРАСПОЛЖЕННЫЙ
к чему, кому
 БЛАГОРАССМОТРЕНИЕ
 БЛАГОРАССУДНЫЙ, БЛАГО-
 РАССУДЛИВЫЙ, БЛАГОРАС-
 СУДИТЕЛЬНЫЙ — рассу-
 дающий здраво, право
 весна БЛАГОРАСТВОРЯЕТ
 воздух
 БЛАГОРАСТВОРНЫЙ
 БЛАГОРЕВНОСТНЫЙ, БЛАГО-
 РЕВНИВЫЙ
 БЛАГОРЕЧИВЫЙ — красноре-
 чивый
 БЛАГОРЕЧИЕ
- БЛАГОСЕРДИЕ — благодушие,
 добродушие
 БЛАГОСЕРДЫЙ — милости-
 вый, доброжелательный, сост-
 радательный, мягкосердый
 БЛАГОСЛАВНЫЙ — о ком доб-
 рая слава
 БЛАГОСЛАВИТЬ *кого* — распус-
 кать о нём добрую славу
 БЛАГОСЛОВИТЕ меня настав-
 лениями вашими
 БЛАГОСЛОВЛЕННЫЙ — дан-
 ный при благословении
 БЛАГОСЛОВИТЕЛЬНЫЙ —
 сдрж. благословение
 БЛАГОСМИРЕННЫЙ
 БЛАГОСНИСХОДИТЬ
 БЛАГОСОВЕТНОЕ наставление
 ПО БЛАГОСОВЕТИЮ
 БЛАГОСОДЕЯННЫЙ
 БЛАГОСОЮЗНЫЙ — связанный
 по добру
 БЛАГОСПАСИТЕЛЬНЫЙ
 БЛАГОСТЕПЕННЫЙ
 БЛАГОСТОЯНИЕ — стойкость
 в добре
 БЛАГОСТРАДАНИЕ — спаси-
 тельное страдание
 БЛАГОСТРОЙНЫЙ — весьма
 согласный в себе
 БЛАГОСТЫНЯ — милосердие
 на деле; жалуемое, жалованье
 БЛАГОСТЫННЫЙ — милости-
 вый; милосердый; даровой,
 жалованный
 БЛАГОТВОРИТЬ *кому*
 БЛАГОТВОРЕЦ
 БЛАГОТЕРПЕНИЕ
 БЛАГОТЕРПЕЛИВЫЙ
 БЛАГОТИШНЫЙ — в затишьи,
 покойный, устранный от
 смут

- БЛАГОТОЧИВЫЙ** — изливающий добро
- БЛАГОУВЕТЛИВЫЙ** — приветливый
- БЛАГОУГОЖДАТЬ** кому, на кого, чем — делать угодное старательно
- В БЛАГОУГОДЬЕ** твоё уступаю
- БЛАГОУГОДЛИВЫЙ** — угодливый на добро
- БЛАГОУГОДНЫЙ** что тебе **БЛАГОУГОДНО** будет приказать?
- БЛАГОУЗАКОНИТЬ** что
- БЛАГОУКРАСИТЬ, БЛАГОУКРАСИТЬСЯ**
- БЛАГОУМНЫЙ** — 1. црк. благоразумный; 2. нрд. с придурью
- БЛАГОУПРАВЛЯТЬ, БЛАГОУПРАВИТЬ** чем — править дельно, умно
- БЛАГОУСЕРДСТВОВАТЬ** кому, в чём (на пользу доброго)
- БЛАГОУСЕРДНЫЙ**
- БЛАГОУСПЕВАТЬ, БЛАГОУСПЕТЬ** в чём
- БЛАГОУСПЕШНЫЙ** — весьма успешный и полезный; быстро продвигающийся к цели
- БЛАГОУЧРЕДИТЬ** что
- БЛАГОУЧРЕЖДЕННЫЙ** (и. врж.)
- БЛАГОХВАЛЬНЫЙ** — славящий; похвальный в высшей степени
- БЛАГОЦВЕТНЫЙ** — усаждающий угодным цветом
- БЛАГОЧЕСТНЫЙ** — благочестивый
- БЛАГОЧИННИЕ** — 1. послушание, порядок, приличие;
2. несколько причтов с приходами
- БЛАЖЬ** — дурь (и притворная); упрямство; своенравие; сумасбродство; бред на яву
- БЛАЖЬЮ КРИЧАТЬ** — благим матом
- БЛАЗНИТЬ** кого, чем — соблазнять, искушать, совращать
- БЛАЗНИТЬ** — чудиться, махать, мерещиться, морочить что-то **ПОБЛАЗНИЛО** — показалось, почудилось
- БЛАЗНЕННЫЙ** — приводящий в соблазн
- БЛАЗНИВЫЙ** — соблазнительный
- БЛЕДНАВКА, БЛЕДНЫШ**
- БЛЕСНИТЬ** — поражать, слепить блеском
- ПОВЛЕСНИ** зеркалом — сделай зайчик
- БЛЕСОТЬ** ж. — жемчуг рассыпью; всякое блестящее
- БЛЕСТКОВЫЙ, БЛЕСТОЧНЫЙ** — отнщ. к блесткам
- БЛЕСТЕЦ, БЛЕСТЯК**
- БЛИЖНИЧАТЬ** у кого, при ком — прислуживаться, добиваться лестью, просками
- БЛИЖНОСТЬ, БЛИЗИНА, БЛИЗЬ** — близость
- БЛИЗОСТНЫЙ** — близкий
- БЛИЗЕНЕЧКО, БЛИЗЕХОНЬКО, БЛИЗЮТКА** нч.
- БЛИЗИТЬ** что
- БЛИЗЕТЬ** — близиться
- НЕ БЛИЗЬ** головы к огню
- БЛИЗОРОЧНЫЙ, БЛИЗЫЙ** — близорукий
- БЛИЗ** года не видалась
- БЛИЗТЕКУЩИЙ**
- БЛИНЩИНА** — пора блинов

БЛИНОХВАТ (бранно)
вм. блокада инг. м. ск. **ОЦЕП**
 собака **НАБЛОШНИЛА** тут
БЛУДИТЬ — *нрд.* прокۇ-
 дить, проказить, колобродить, портить из шалости;
юж., зап. шкóдить
БЛУДНЫЙ — не только любодейный, распутный, но и нравственно блуждающий
БЛУДЕНЬ м., БЛУДНЯ ж. — *в част.* пакостник; праздный человек
БЛУДНИ мн. — *в част.* шалости, проказы
БЛУДИЛИЩЕ — притон разврата
БЛУДОДЕЙ
БЛУДЯЧИЙ огонь — блуждающий, болотный
БЛУКАТЬ — путать, блуждать, шататься
БЛЮДЧАТЫЙ (вогнутый)
БЛЮСТИТЕЛЬНЫЙ — *отнщ.* к надзору, наблюдению
БЛЯБНУТЬ кого — ударить в ухо
БОБОВИДНЫЙ, БОБЧАТЫЙ
БОБЫЛИХА — жена бобыля
БОБЫЛКА — бездомная, бедная вдова
БОБЫЛИЙ, БОБЫЛИЧИЙ, БОБЫЛЬСКИЙ
БОБЫЛИТЬ, БОБЫЛЯТЬ, БОБЫЛЬНИЧАТЬ, БОБЫЛЬСТВОВАТЬ
БОБЫЛЬЩИНА — 1. быт их; 2. *собр.* о людях
БОГАТИТЬ кого
БОГАТУЩИЙ, БОГАТЕННЫЙ — изобильный
БОГАЧЕСТВО, БОГАТЬЕ — всё имущество, достояние

БОГАЧИХА, БОГАЧУХА
БОГАЧЬЕ — *собр.* богатый люд
БОГАТЫРКА
БОГАТЫРСТВО
БОГАТЫРСТВОВАТЬ — искать и совершать подвиги
БОГАТЫРЩИНА — 1. быт; 2. те времена; 3. преданья о богатырях
БОГОБЛАГОДАТНЫЙ
БОГОБОРСТВОВАТЬ
БОГОБОРЕЦ, БОГОБОРНИК
БОГОБОРНЫЙ — безбожный, богопротивный
БОГОБОЯЗНЫЙ — богобоязненный
БОГОВДОХОВЕННЫЙ (по наитию Божьему)
БОГОВДОХОВЕНИЕ, БОГОВДОХОВЕННОСТЬ
БОГОВЕНЧАННЫЙ
БОГОВЕЩАННЫЙ — Богом изречённый
БОГОВИДЕЦ
БОГОВРУЧЕННЫЙ
БОГОДАННЫЙ, БОГОДАРОВАННЫЙ
БОГОДЕРЖАВИЕ
БОГОДЕРЖАВНЫЙ — правимый Богом
БОГОЖЕЛАННЫЙ
БОГОЗАРНЫЙ
БОГОЗВАННЫЙ — призванный Богом
БОГОЗДАНИЕ
БОГОЗДАННЫЙ — Богом строенный
БОГОЗНАМЕННЫЙ
БОГОЗНАНИЕ
БОГОЗРЕНИЕ
БОГОИЗБРАННЫЙ
БОГОЛЕПЫЙ — достойный божественности

- БОГОЛЮБИЕ, БОГОЛЮБСТВО
 БОГОЛЮБЫЙ — боголюбивый
 БОГОЛЮБ, БОГОЛЮБЕЦ
 БОГОМАТЕРНИЙ — богороди-
 цынь
 БОГОМЕРЗКИЙ
 БОГОМОЛЬЩИНА — 1. собр. о
 людях; 2. богомольные дей-
 ствия
 БОГОМОЛЬСТВОВАТЬ — хо-
 дить на богомолье
 БОГОМОЛЬНИЧАТЬ (наклон к
 внешним обрядам)
 БОГОМУДРИЕ, БОГОМУД-
 РОСТЬ
 БОГОМЫСЛИЕ (М-Пч)
 БОГОМЯТЕЖНЫЙ, БОГОПРО-
 ТИВНЫЙ — непокорный Богу
 БОГОНАСАЖДЁННЫЙ
 БОГОНАЧЁРТАННЫЙ
 БОГОНЕНАВИСТНИК
 БОГООТВЕРЖЕННЫЙ
 БОГООТВОДНЫЙ (М-Пч) —
 отводящий от Бога
 БОГООТКРОВЕННЫЙ (что
 дапо откровением)
 БОГООТРЕЧЕННЫЙ
 БОГООТСТУПНЫЙ, БОГООТ-
 СТУПНИЧЕСКИЙ
 БОГООТСТУПНИЧЕСТВО
 БОГОПОВЕДНЫЙ
 БОГОПОЗНАНИЕ
 БОГОПОКОРНЫЙ
 БОГОПОРУЧЁННЫЙ — вверен-
 ный Богом
 БОГОПОСТАВЛЕННЫЙ
 БОГОПОЧИТАТЕЛЬ
 БОГОПРЕДАННЫЙ
 БОГОПРОТИВНИК — безбож-
 ник, ослушник
 БОГОРАДИТЬ — посвящать се-
 бя богоугодным делам
 БОГОРАДНИЧАТЬ — прокли-
 вать Христа ради
 БОГОРАДНЫЙ — милостып-
 ный, безмездный
 БОГОРЕВНИВЫЙ — преданный
 Богу, служащий ему ревнито
 БОГОСВЕТИЛЬНИК
 БОГОСВЕТЛЫЙ, БОГОСИЯН-
 НЫЙ
 БОГОСЛОВСТВОВАТЬ, БОГО-
 СЛОВИТЬ
 БОГОСОЗДАННЫЙ, БОГОСО-
 ЗДАНИЙ
 БОГОСОЧЕТАННЫЙ, БОГО-
 СОЮЗНЫЙ — Богом соеди-
 нённый
 БОГОТАЙНЫЙ — составляю-
 щий божественную тайну
 БОГОТВОРНЫЙ
 БОГОУГОДИЕ, БОГОУГОЖДЕ-
 НИЕ
 БОГОХВАЛЬНЫЙ, БОГОХВА-
 ЛЕБНЫЙ
 БОГОЧЁСТИЕ — богопочитание
 БОГОЯВЛЁННЫЙ — Богом сде-
 ланный явным
 БОГОЯВЛЁНСКИЙ — отищ. к
 празднику Крещения
 БОГОЯВЛЁНСКАЯ вода, моро-
 зы
 БОГАДЕЛЕННИК, БОГАДЕЛЬ-
 НИК — призренный в бога-
 дельне
 БАДЫВАТЬ, БОСТИ — бодать
 зарод высок, снопа не
 ВЗВОДНЁШЬ
 ВЫВОДНУЛ глаз
 ПОДБОДНИ
 ПРОВОДНУЛИ щупом
 БЫК СВОДНУЛ его с ног
 сшиб с ног одним БОДКОМ
 БОДЛИВОСТЬ
 БОДЁЦ, БОДЕНЬ — оружие для

- бодания, удара тычком (рог, шпора, колючка, жало)
- БОДЕНА, БОДЕНУШКА** — ласково к корове
- БОДЕР** ещё — *арх.*, *ол.* цел, крепок, прочен
- БОДРОСТНЫЙ, БОДРСТВЕННЫЙ**
- БОДРЯК, БОДРЯЧКА, БОДРЯЖКА, БОДРЯГА**
- БОЖЕЛЕСЬЕ** — заповедная роща, пуща, молёный лес
- БУЛЫЖНЫЙ БОЙ** — готовый щёбень
- БОЙ молота** — плоскость, которой бьют
- БОЙ ружья** (качество стрельбы)
- у нас **БОЙ** пять туш (забой)
- БОЙ-МЕСТО** — 1. открытое бурьям, юр; 2. где колотится много народу
- мельница стоит **НА БОЮ**
- ПО МОЛОТИЩУ И БОИЩЕ** (бой, бьющая плоскость)
- БОЕВОЙ ПРОЕМ** — бойница
- БОЕОХОЧИЙ**
- БОЕПРИЗЫВНАЯ труба**
- БОЕЦКИЙ** — бойцовый, отнщ. к бойцу, бою
- БОЕЦКАЯ осанка**
- БОЙЛО** *ср.* — битва, драка, побоище
- БОЙНОЕ копьё**
- БОЙНАЯ дорога** — *к о л о т н а я*, тряская
- БОЙНИЧНЫЙ** — отнщ. к бойнице
- БОЙЦОВАЯ душа**
- БОЙЧАК, БОЙЧИХА** — искусный в бою
- БОЙЧИТЬ** — поступать бойко, резко
- ПРИБОЙЧИТЬСЯ**, чтобы в люди показаться
- РАЗБОЙЧИЛСЯ** — расходился
- БОЙЩИК** — рабочий, кто бьёт
- БОЙЩИЧИЙ**
- БОЙЧИВЫЙ кирпич** — легко бьющийся
- БОЙКОВАТЫЙ**
- БОЙЧАК, БОЙЧУХА** — смелый, бойкий человек
- БОКАЛЬЧАТАЯ форма**
- БОКАСТЫЙ** (*Змг*) — с приметными боками
- БОКОВАТЫЙ** — кривобокий
- ВЕТЕР-БОКОВИК**
- БОКОВАТЬ, БОКОВУЛИТЬ** — отдыхать, лениться
- БОЛБОТАТЬ** — *зап.* бормотать
- БОЛВАНИЩЕ, БОЛВАНЮГА**
- БОЛВАНИСТЫЙ**
- БОЛВАНСКИЙ**
- загрубел в **БОЛВАНСТВЕ**
- БОЛВАНЕТЬ** — глупеть; ничего не делать
- опять он **ЗАБОЛВАНИЛ**
- ИЗБОЛВАНИЛСЯ** варень
- ОБОЛВАНИВАТЬ** — 1. обтёсывать нагрубо; 2. ♣
- БОЛВАНЩИНА** — *собр.* дурачьё, неучи, неотёсанный люд
- БОЛЕЗНОВАТЬ** *о ком, по ком*
- БОЛЕЗНЫЙ, БОЛЕЗНЫЙ** — 1. жалкий, несчастный; 2. сердечный, по ком сердце болит; 3. мягкосердный
- БОЛОК** — 1. что оболакивает; 2. зимние сани с верхом
- БОЛОКАТЬ** — *вост.* оболакивать

одевайся **ВОЛОКОМ** — внаброску

накинув плащ **ВОЛОКОМ**, [↑]вышел под дождь [↓]

БОЛОСНИТ — *безл.* заволакивается небо, забелается

БОЛОТНЯК — лес по болоту (жиже сухорослого)

ключи **БОЛОТЯТ** место леса вовсе **ЗАБОЛОТЕЛИ**

БОЛТ, **БОЛТКА** — дй. по глг.

БОЛТОВСТВО, **БОЛТОВЩИНА** — болтовня, пустыяки

БОЛТОК — лишнее вышущепное словечко

БОЛТОВЫЕ вести — пустословные

БОЛТОХВАСТА *об.*

ОБОЛТАЛСЯ язык, легко пошёл

ПРИБОЛТНИ и своё словечко озеро **РАЗБОЛТАЛОСЬ**

БОЛТЫХНУТЬ — 1. колебнуть жидкость, взмутить; 2. бросить с плеском в воду, шлёпнуть

БОЛТЫХНУТЬ собаку в воду

БОЛТЫХНУЛСЯ с лодки

БОЛХАРЬ, **ГОРМОТУН**, **ГРЕМОК** — бубенчик с кулак

БОЛЬ **НЫЛАЯ**, **РЕЗУЧАЯ**, **ГРЫЗУЧАЯ**, **ГНЕТУЧАЯ**, **ПАЛЯЩАЯ**

БОЛЬКОТНО *нч.* — не очень больно

БОЛЬКО, **БОЛЯЧО**

набитое место **БОЛЬКО**

БОЛЬНЫМ-БОЛЬНЕСЕНЕК

ему **БОЛЕТЬ** не по ком

добрый начальник **БОЛЕЕТ** про (о, за) всех

ТРСЯУЧАЯ БОЛЕСТЬ — лихорадка

БОЛЕУСЫПНЫЙ, **БОЛЕУТОЛИТЕЛЬНЫЙ**, **БОЛЕУТИШНЫЙ**

БОЛЕСТНЫЙ, **БОЛЯВЫЙ**,

БОЛЬЛИВЫЙ — склонный к болезням

БОЛЕСТНЫЙ — *дрг. знч.* сострадательный, милосердный

БОЛЯГА, **БОЛЬНУША** — больной

БОЛЬНУШИТЬ — прикидываться больным

БОЛЯВИТЬСЯ — нежничать, преувеличивать недуги

БОЛЮЧИЙ — склонный к боли

БОЛЯТОК — болячка, веред, чирей

БОЛЯЧНЫЙ, **БОЛЯЧЕЧНЫЙ** — *отнсц.* к болячке

БОЛЬШАК — старший в семье, в артели, распорядитель

БОЛЬШУХА, **БОЛЬШИХА**,

БОЛЬШАЧИХА — 1. хозяйка; 2. старшая сноха; 3. старшая жена мусульманина; 4. коноводка в хоровах; 5. нарядчица

БОЛЬШАТКА, **БОЛЬШУТКА** — старшая, но недорослая дочь

БОЛЬШУН — подросток

БОЛЬШИНА, **БОЛЬШИНА** — старшинство, первенство, власть

она всю **БОЛЬШИНУ** забрала в руки

БОЛЬШЕГАН — весьма рослый человек

БОЛЬШИНСКИЙ, **БОЛЬШЕННЫЙ** — очень большой

БОЛЬШИНСТВОВАТЬ, **БОЛЬ-**

- ШИННИЧАТЬ** — брать пере-
вес числом
БОЛЬШЕВÓДЬЕ — разлив, поём
БОЛЬШЕМÉРНЫЙ — сдрж. бо-
лее определённой меры
БОЛЬШЕРОСЛЫЙ — велико-
рослый
БОР ягод
БОРОМ, БОРКОМ брать (осто-
рожно, руками)
 брать товар **В БОР** (не за на-
личные, в долг)
БОВОЕ место — сухое под
хвойным лесом
БОРЗЫЙ, БОРЗОСТНЫЙ —
скорый, проворный, рьяный
БОРЗО поспел
БОРЗОСТЬ — скорость, бойкость
БОРЗОПИСЬ
БОРЗОХОДЕЦ — быстрый хо-
док
БОРМОТА — слитный гул голо-
сов
БОРМОТЛИВЫЙ
БОРМОТОМ *нч.*
БОРМОТОВАТО лопочет
БОРМОТУ́Н, БОРМОТУ́НЯ;
БОРМОТУ́ША *об.*
БОВОЯТИНА — свинина
БОРОДАТЕТЬ — обрастать бо-
родою
 он ещё **БОРОДАСТЕЙ**
БОРОДОБРЕЙНЫЙ
БОРОЗДА — *в част.* 1. промежек
меж огородных гряд; 2. ка-
навка для стока воды, спуска
луж
БОРАЗЖИВАТЬ — *мгкр.* бо-
роздить
 плаха с возу **БОРОЗДИТ**
ВЗБОРОЗДИЛИ всю дорогу
 всё поле **ИЗБОРОЗДИЛИ**
- ПЕРЕБОРОЗДИТЬ** поглубже
ПРОБОРАЗЖИВАЙ хорошенько
БОРОЗДЕТЬ — становиться бо-
роздчатым
ИЗБОРОЗДЕЛО лицо
БОРОЗЖЕНИЕ, БОРОЗДЬБА
БОРОЗДНОЙ — *отнсц.* к бороз-
де
БОРОЗДИСТЫЙ — глубокобо-
роздный
БОРОЗДЧАТЫЙ — изборозжен-
ный
БОРОНЬБА, БОРОНОВКА — *дй.*
по глг. бороновать
БОРОНИТЬ, БОРАНИВАТЬ —
1. *кому* запрещать, возвра-
щать; 2. *что* защищать, бере-
гать
БОРОНИ БОГ! — сохрани
БОРОНИ БОГ пожара!
БОРОНИСЬ вина (остерегайся)
 он лезет, а мне не **БОРОНИТЬ-**
СЯ?
ОБОРАНИВАТЬ *кого* — охра-
нять
ОТБОРОНИТЬСЯ *от кого*
ПОБОРОНИСЬ! — *в част.* посто-
ронись
БОРОНЬ ж. — запрет
БОРБИЩЕ — борьба как зрели-
ще
НЕ СБОРЕШЬ его — не побо-
решь
СБОРОЛ его с ног
ОТБАРЫВАЙСЯ как знаешь
ПРИБОРОЛИСЬ плечи — устали
БОРЦОВЫЙ, БОРЕЦКИЙ
БОРТЕВОЕ, БОРТЯНОЕ пчело-
водство
БОСЕТЬ — голеть, беднеть, об-
нашиваться обувью
БОСОТА, БОСИНА — 1. босо-
пожье; 2. голь, нужда

- НАГОТЬЕ ДА БОСОТЬЕ** — 1. состояние; 2. *собр.* о людях
БОСОМЫГА, БОСОМЫЖНИК, БОСЫНЯ *об.* — босой, оборванец
БОСОМЫЖНИЧАТЬ — слоняться босиком; шататься праздно и в нищете
бежать БОСОПЛЯСОМ (в грязи, по снегу, по горячему)
БОТАТЬ, БОТНУТЬ — качать, колебать, болтать; шагать по грязи (болтать воду)
БОТАТЬСЯ, БОТНУТЬСЯ — 1. метаться, качаться, шататься; 2. спать беспокойно; 3. падать с гулом, шлёпнуться
БОТВЕТЬ, БОТЕТЬ — толстеть, тучнеть, добреть; созревать; густо разрастаться
 дорожки в саду **ЗАБОТВЕЛИ**
РАЗБОТЁЛ на чужих хлебах
БОТВИСТЫЙ — богатый ботвою, широколистный
БОЧАГА, БОЧАГ — ямына, залитая водой; омут
БОЧАЖИСТАЯ река — омутистая
БОЧЕНИТЬСЯ — 1. склоняться на бок; 2. руки в боки, принимать важный вид
 забор **ИЗБОЧИЛСЯ** — наклонился
БОЧИСТЫЙ, БОЧКОВАТЫЙ
БОЯЗНОВАТЫЙ
БОЯЗНОСТЬ
БОЯРИНУШКО, БОЯРЫНЬКА *ласк.*
БОЯРСТВОВАТЬ — жить боярином
БОЯРНИЧАТЬ, БОЯРИТЬСЯ — принимать вид барина
ВЗБОЯРИТЬСЯ *на кого* — вскинуться грозно
ИЗБОЯРИЛСЯ
ОТБОЯРИТЬ *кого*
ПРИБОЯРИЛСЯ — приосанился
РАЗБОЯРИЛСЯ — расходился
СБОЯРИТЬ *с кого* спесь
БРАВОТА — бравость, молодечество
БРАЖНЫЙ
БРАЖНЯ — попойка
БРАЗДЫ — *в част.* 1. удила конские; 2. Φ бразды власти
вм. браконьер инг. м. ск.
ПОСТРЕЛЬЩИК, ОБЛОВЩИК, дичекрад
БРАНИВАЛ он меня
БРАННЫЙ — 1. военный; 2. поносительный
ИЗБРАНИЛ его нехорошо
НЕ ОТБРАНИВАЙСЯ
 ворчит да **ПРИБРАНИВАЕТ**
БРАНКА — ругательство; *дй.* по глг.
БРАНЛИВЫЙ — воинственный
БРАНЧИВЫЙ, БРАНЧЛИВЫЙ — охочий браниться
БРАНЬКО, БРАНИХА, БРАНЧУГА — кто беспрестанно ворчит, бранится
БРАНОЛЮБИЕ — склонность к ратному делу
БРАНОЛЮБИВЫЙ — страстный к войне
БРАНОСЛОВНЫЙ — ругательный
вм. браслет — **НАРУЧЕНЬ, ПОРУЧЬЕ**
БРАТАНИК, БРАТЕНИК, БРАТЕНА, БРАТЕНЯ, БРАТЕЛЬНИК
БРАТЕЛКО, БРАТЕЙКА, БРА-

- ТЫШ, БРАТУХ, БРАТУГА
 (обычно не родной)
 БРАТАНИН, БРАТАНОВ
 и т. д. — ему предлж.
 БРАТАНИЧ, БРАТАНОК —
 братний сын, племянник
 БРАТАНКА, БРАТАНИЧНА —
 братняя дочь
 БРАТАТЬСЯ с кем — в част.
 быть запанибрата
 БРАТАНЩИНА, БРАТЕЛЬЩИ-
 НА — 1. равенство, дружба;
 2. товарищество, артель, ва-
 тага
 БРАТЕНИЧАТЬ, БРАТЕЛЬНИ-
 ЧАТЬ жить дружно в одной
 артели
 БРАТЯ — братство; община;
 круг; сословие
 БРАТНИЙ, БРАТНИН — ему
 предлж., свйст.
 БРАТОВЩИНА — братский
 союз
 БРАТСТВОВАТЬ с кем — жить
 по-братски
 БРАТЧИНА — 1. товарищество,
 артель; 2. складчина
 БРАТОГУБЕЦ
 БРАТОЛЮБИВЫЙ члв.
 БРАТОЛЮБНО (М-Пч)
 БРАТОНЕНАВИСТНИК
 БРАТЬ ГРИБЫ, МАЛИНУ
 у кого БИРЫВАЛ (брай)
 СИЛА НЕ БЕРЕТ
 меня ОХОТА БЕРЕТ
 БРАТЬСЯ юж., зап., ПОБРАТЬ-
 СЯ — сочетаться браком
 БРАНИЕ, БРАНЬЕ, БОР,
 ЯТИЕ — взятие
 БРАЛЕЦ — постоянный покупа-
 тель
 БЕРЕЯ — арх. женщина, соби-
 рающая ягоды
- БРЕВЕШКО, БРЕВЕНЦЕ
 БРЕВЕННЫЙ — отнщ. к брёв-
 нам
 БРЕВЕНЧАТЫЙ — срубленный
 из брёвен
 БРЕВНИСТЫЙ — богатый брёв-
 нами
 БРЕВЕНЧАК, БРЕВЕННИК —
 лес, годный на брёвна
 БРЕДЯТИНА (Шки)
 БРЕЗГАТЬ чем — брезговать,
 гнущаться, привередничать
 НЕ БРЕЗГАЙТЕ моим гостин-
 цем
 БРЕЗГА, БРЕЗГУША, БРЕЗГУ-
 ЛЯ об., БРЕЗГУН, БРЕЗГЛИ-
 ВЕЦ, БРЕЗГУНКА, БРЕЗГЛИ-
 ВИЦА
 БРЕЗГОТАТЬ — верезжать, кри-
 чать резким голосом
 БРЕЗГОТУН, БРЕЗГОТУХА,
 БРЕЗГОТУНЯ — кто брез-
 гóчет, верезжит
 БРЕЗЖАТЬ, БРЯЗЖАТЬ — бряч-
 чать, звенеть от дрожи
 БРЕЗЖАНИЕ, БРЯЗГ, БРЯЗ-
 ГОТНЯ, БРЯКОТНЯ
 БРЕЗГ — начало рассвета
 я встал НА БРЕЗГУ
 заря чуть БРЕЗЖИТ
 огopeк вдаль БРЕЗЖИТСЯ
 ем. брелок м. ск. ПОДВЕСОЧ-
 КА
 БРЕМЕННЫЙ, БРЕМЕНИ-
 СТЫЙ — обременительный
 БРЕМЕНИТЬ кого, чем — отяг-
 чать, налагать бремя
 БРЕМЕНИТЬСЯ чем — тяготить-
 ся; быть отягчаемым
 БРЕМЕНИТЬ на ком, на чём —
 налегать бременем

рука судьбы **БРЕМЕНЕЕТ** на нём

НЕ БРЕМЕНИШЬСЯ ли ты этим поручением?

БРЕМЕННОСНЫЙ – несущий бремя

БРЕННЫЙ – взятый от земли, от глины, праху

БРЕНЧАТЬ ключами, тарелками

БРЕХОВНЯ, БРЕХОТНЯ,

БРЕХ – брехня

сказано **С БРЕХУ**

мало ли что **БРЕШЕТСЯ**

БРИЛЬЩИК – брадобрей

см. брифинг м. ск. **ОСВЕДОМНИК, ОТЖИМНИК** (?), ...?

БРОВАЧ – бровастый человек

БРОВНЫЙ – отнщ. к бровям

БРОВЧАТЫЙ – с бровями, у кого есть брови

БРОД – не только место, но и дй. по глг., переход

БРОДОВАЯ речка – которую можно перейти в брод

БРОДОВЫЙ путь – где надо идти бродом

БРОДНЫЙ путь – вязкий, топкий, в песке или снегу

БРОДНОЕ озеро – мелкое

БРОДУ́ЧИЙ путь – б р ђ д н ы й, у б р о д н ы й

БРОДНЯ – праздношатательство

БРОДУ́Н, БРОДУ́НЯ, БРОДУ́ША об.

БРОДОВЩИК – прокладчик пути

кто мыслями не **БРАЖИВАЛ?**

ДЕЛО БРЕДЕТ! – ладно, годится

ВБРЕЛ в воду по поясу

БРОДИТЬ рыбу, раков

мы **ВЫБРАЖИВАЛИ** по ведру рыбы

ОБОБРЕЛ деревню кругом

ОТБРЕЛ, ОТОБРЕЛ в сторону

ПОДБРЕЛ к дому

насилу **ПРИБРЕЛ**

СБРЕЛИСЬ с разных концов

телёнок **СБРЕЛ** со двора

БРОДЯЖЕНЬЕ, БРОДЯЖЕСТВО

БРОЖЕНОЕ – бродившее (квашеное или на хмелю)

БРОСНИ сюда мяч

БРАСЫВАЛ я через реку

он **ЗАБРОСАЛСЯ** во все стороны

НИЗБРОСИТЬ кого, что

ПРИБРАСЫВАТЬ в костёр

БРОС, БРОСКА – дй. по глг., метка, кидка

БРОСАЛЬНЫЙ, БРОСАТЕЛЬ-

НЫЙ – м ђ т н ы й, ш в ы р - к ђ в ы й

БРОСОВОЙ, БРОСКОВЫЙ – брѳсовый, негодный

БРОСОВЩИНА, БРОСЬ ж. –

дрянь, брак

вода **БРУИТ** – сильно струится

БРУСВЯНЫЙ – арх. цвета брусники; багряный

БРУСВЯНИТЬ – красить в

красный цвет

от слова девка **БРУСВЯНЕЕТ**

БРУСЯНОЙ, БРУСЧАТЫЙ –

сдлн. из брусев

кошка так и **БРЫЗНУЛА** от со-

бак на дерево

шлангом **ВЗБРИЗНУЛИ** на кры-

шу **ВЫБРИЗНИ** изо рта

дождь **ПРОБРИЗГИВАЕТ** сквозь палатку

сухно **С БРЫЗГОМ** – с искрою

- БРЫЗГАЛО** — кропило, веничек;
 пасосик
БРЫЗГОВЫЕ пятна
БРЫКЛИВЫЙ — изваженный
 брыкаться
БРЫКУЧИЙ (*Еси*)
БРЫКУША, ЧЕРТОПХАЙКА
 (тележка)
БРЮЗГУН, БРЮЗГУНЯ,
БРЮЗГАЧ
БРЮЗГЛО *ич.* (*В. Аф.*)
БРЮХАЧ, БРЮХАН, БРЮХА-
СТЫЙ
БРЮШИСТАЯ склянка — ока-
 тистая, выпуклая
БРЯКАТЬ — 1. звякать, звучно
 постукивать; 2. кидать со сту-
 ком; 3. молвить не к стати
БРЯКНУЛСЯ со всех ног
БРЯКНУТЬ — 1. *сврш.* от бря-
 кать; 2. *исврш.* пухнуть, нали-
 ваться
 у коровы вымя **НАБРЯКЛО**
БРЯКОТАТЬ — брякать, греметь
 продолжительно
БРЯКОТНЯ, БРЁКОТ, БРЕКО-
ТОК — стукотня
БРЯКОТНЯ тарелками
БРЯКОТУН, БРЯКУН — *в част.*
 враль, пустомеля
БРЯКУША — погремушка
БРЯНЧАТЬ — бречать, бреть-
 кать (шум с везезгом)
БУБЕННЫЙ — отнщ. к бубну
БУБЕНИТЬ в колокола
БУБЕНИТЬ — *дрг. знач.* разно-
 сить вести
БУГОРЧАТЫЙ — похожий на
 бугор
БУГРОВИНА — вздутое бугром
 место; волдырь
- море **БУГРИТСЯ**
БУДЕ *со.* — если, когда, коли
БУДЕШТО — что-либо, что-ни-
 будь, что бы то ни было
БУДЕННЫЙ, БУДНИЙ, ОВЫ-
ДЕННЫЙ
БУДЕННИЧАТЬ, БУДНИ-
ЧАТЬ — не праздновать какой
 день, работать
БУДНИЧНИК — будничная
 одежда
БУЖИВАТЬ, БУДИТЬ — не толь-
 ко ото сна, но и к деятель-
 ности
ВЗБУДИТЬ *кого*
БУД, БУДКА — *дй.* по глг.
БУДИЛЬНЫЙ
БУДКИЙ сощ, человек
 спи **БУДКО**, слушай чутко
БУДКИЙ, ВАЛКИЙ, ВЁРТКИЙ
 (лодка, карета)
 дерево на воде **БУДКО** (по-
 слушно толчку)
БУДОРАГА, БУДОРАЖКА *об.* —
 члв беспокойный, шумливый,
 суетливый
 не мог **ДОБУДОРАЖИТЬСЯ** его
 всех **ИЗБУДОРАЖИЛИ**
 всю ночь **ПРОБУДОРАЖИЛИСЬ**
БУДОРАХНУТЬ — 1. кинуть с
 грохотом, шарахнуть; 2. пабу-
 хать, налить вдруг не в меру
БУДЫЛЬ, КОПЫЛ, ТЫЧИНА,
ПОТОРЧИНА — ствол крупно-
 го травянистого растения
 по кошепому напорешь ногу на
БУДЫЛКУ
БУЕРАЧИСТАЯ местность
БУЕСТЬ — отвага, молодечество;
 самонадеянность; самодоволь-

- ный ум
БУЕМУДРИЕ
БУЕСЛОВИТЬ — 1. говорить безумно о предметах высоких; 2. суесловить
БУЕСЛОВНЫЙ — безрассудный в речах, дерзкий
БУЕСЛОВИЕ
БУЕСЛОВ
БУЗЫГА *об.* — пьяница, пропойца
НАБУЗОВАЛСЯ! — напился
БУЙ *прил.* — *скриц.* от буйный
БУЙНЫЙ — храбрый, дерзкий; самонадеянный, кичливый; шумливый, бушующий; самоуправный, могучий
БУЕН во хмелю
БУЕН во бою — храбр и сокрушителей
БУЙНАЯ погода
БУЙНЫЕ хлеба — рослые, густые
БУЙНАЯ клубника
БУЙНЫЙ лес — крупный, рослый, здоровый
БУЙСТВО (сильней буйности), **БУЯНСТВО**
БУЙСТВЕННЫЙ — склонный к буйству, самоуправству
БУЙСТВОВАТЬ — не только буйнить, но и заноситься умом, духом
БУЙ, БУИЩЕ, БУЙВИЩЕ — *сев.* возвышенное открытое место (и внутри ограды, если церковь поставлена так)
БУЙЛОВЫЙ — буйволоный, буйволинный
БУКАРКА, БУКАРЁНОК — букашка
вм. идти на буксире — **В ВОЛОЧНЕ, В ПОДЧАЛКЕ**
вм. буксирный — **ТАСКО-ВОЙ** пароходик
БУЛАВНЫЙ — отнщ. к булаве
БУЛАВИСТЫЙ — с набалдашником, **з а к о м л я с т ы й**
БУЛАВЧАТЫЙ узор — мелкокрапчатый
БУЛГА, БУЛГАТНЯ — тревога, суета, сполох
ВЗБУЛГАЧИЛИ всех
БУЛДЫГА *об.*, **БУЛДЫЖНИК** — гуляка, пьяница, буян
БУЛДЫЖНЫЙ — неугомонный, пропойный
БУЛДЫЖНИЧАТЬ — пропивать всё, буйнить
БУЛДЫРИ, БУЛДЫРЬЯ — пузыри на воде от дождя, камней
БУЛТЫХ *мжд.* — шлёп, чух, шарáсть, чуфýрь
БУЛЫГА — 1. суховатая палка; 2. крупный камень-окатыш; 3. неотёсанный грубый человек
БУЛЫЖНОЩЕБЁННАЯ кладка
БУЛЬКОТАТЬ *юж., зап.*, **БУЛЬЧАТЬ** — булькать
БУЛЬКНУТЬ СЛОВО
БУНИТЬ, БУЧАТЬ — издавать глухой звук, рёв
БУНТОВСКИЙ *нч.*
БУНТОВЩИЙ
БУРАВЧАТЫЙ — похожий на бурав
 в степи **БУРАНИТ**
БУРАННАЯ зима
БУРКОТАТЬ — ворчать; брюзжать; ворковать

- БУРКОТНЯ — урчание
 БУРЧЕЯ, ВОРЧЕЯ, ВОРКО-
 ТУ́НЯ — брюзга
 БУРЛАЧИЙ — бурлацкий,
 отнш. к бурлакам
 БУРОВИТЬ — 1. взбивать со дна;
 2. пороть землю на ходу
 судно БУРОВИТ килем дно
 колесо БУРОВИТ — несвободно
 вертится, режет землю
 родник БУРОВИТ из-под земли
 полозья не обошлись, БУР-
 ВЯТ
 БУРОВИТЬ — *дрг. знач.* налить
 немеру
 БУРОВИСТЫЙ снаряд
 что-то БУРЕЕТСЯ, БУРЕЕТ на
 горе
 БУРОДЫМЧАТЫЙ, БУРОПЕ-
 ПЕЛЬНЫЙ
 БУРОШЕРСТЫЙ, БУРОПЕРЫЙ
 БУРЬЯННЫЙ
 БУРЬЯННИК
 БУРЛАН, БУРЛАКА, БУР-
 НАШ — задора, буян, нежив-
 чивый
 БУРЛИВЫЙ — богатый бурями;
 (о члв.) сварливый
 БУРЕВАЛ — бурелом
 БУРЕСТОЙ — волнолом
 БУРНЕТЬ — становиться бур-
 ным
 БУСЕНЕЦ, МОРОСЬ, МЖИЦА,
 СИТНИК — самый мелкий
 дождь
 БУСЛАЙ — разгульный мот, гу-
 ляка
 БУТУ́ЗИЩА *м.* — рослый тол-
 стяк
 БУ́ХАТЬ, БУ́ХНУТЬ — шумно
 бросить; стукнуть; выстре-
 лить; сказать напрямик или
 невпопад
 БУ́ХАТЬ, У́ХАТЬ — вопить глу-
 хо, отрывисто
 БУ́ХНУТЬ — пухнуть, распи-
 ряться, вздуться
 земля ВБЫ́УХЛА горбом
 щель ЗАБУ́ХЛА
 БУХТЁЙ, БУХОНЯ, БУХ-
 ТЁНЬ — толстяк, пузан
 БУХОНИТЬ — делать мягким,
 рыхлым, пышным
 ВЗБУХОНИТЬ, РАЗБУХОНИТЬ
 перину
 БУ́ЧАЛО — пучина; падь на бо-
 лоте; ямина под водой
 БУ́ЧА — шум, возня, крик мно-
 гих
 БУЯНКА — грубиянка, бранчи-
 вая, задира
 БУЯН — *дрг. знач.* ровное возвы-
 шенное место; торговая пло-
 щадь; место выгрузки речных
 товаров
 БУЯННАЯ жизнь
 БУЯНЩИНА — *собр.* буйная
 шайка, братия
 БУЯНСТВОВАТЬ
 БУЯНИСТЫЙ (*Рсп*)
 РАЗБУЯНИЛСЯ, приступу к
 нему пет
 БУЯНЛИВЫЙ, БУЯВЫЙ, БУЕ-
 ВЫЙ, буйный
 БЫВАНЬЕ — 1. что бывает, слу-
 чается; 2. пребывание, быт-
 ность *где*
 это у нас НЕ В БЫВАНЫ
 БЫВАЛЕЦ — бывалый члв.,
 б ы в ы й
 БЫВАЛОСТЬ — опытность
 БЫВАЛКА, БЫВАЛЬЩИНА,
 БЫЛИЦА — был, невымыш-
 ленный рассказ

БЫЛЕВЫЕ песни — исторические, невымысел
БЫВАЛОЧА *нч.* — бывало, случалось
БЫВАЕМЫЙ — бывающий
БЫВВАЛИ и мы молоды
БЫВШИТЬСЯ — умирать, кончаться
БЫЛЫЙ — бывший
 вода **НАДЫЛА** немного
ОТБЫВАТЬ работу (как попало, с ленью)
 народ **ПОДБЫВАЕТ**
БЫДЬ (*Клч*) — будго
БЫЗОВАТЬ — 1. больно бить, сечь; 2. (о скоте) беситься в жару
БЫЛКА, БЫЛОЧКА — былинка, травинка
БЫСТРЕТЬ, БЫСТРИНА,
БЫСТРЬ (в потоке)
БЫСТРОГЛАЗИТЬ, БЫСТРОГЛАЗНИЧАТЬ
БЫСТРОТОК — стрежень
БЫСТРОУМИЕ
БЫСТРОУМ, БЫСТРОУМКА
БЫСТРУХА, БЫСТРУШКА
БЫСТРЯК (о члв.)

БЫТЬ *ж.* — 1. бытие; 2. существо, тварь; 3. быть, факт, невымысел
 всякая **БЫТЬ** создана Богом
 достоверные **БЫТИ** того времени
БЫТЧИК, БЫТЧИЦА — кто налицо, не отсутствует
БЫТЬЕ — пребывание в низшем значении
БЫТЕЙСКИЙ — отнщ. к быту, обиходный, житейский
БЫТЕЙНЫЙ — взятый из жизни, быта, невымышленный
БЫТО *ср.* — стар. скарб, имущество, пожитки
 это случилось **НА НАШЕМ**
БЫТУ — в нашу бытность
НОЧНЫМ БЫТОМ — ночью
БЫТНЫЙ — бытовой
БЫТОПИСЬ, ДЕЕПИСЬ — описание событий, летопись
БЫТОСЛОВИЕ
БЫТОПИСНЫЙ, БЫТОСЛОВНЫЙ
БЫЧАЧЬЕ упорство
БЬЮЧАЯ жила (артерия)
БЬЮЧИЙ колодец (артезианский)

В

и ВАВАКНУЛ же дурь (в а к н у л)
ВАГА — 1. тяжесть, вес; 2. рычаг, шест для подъёма; 3. поперечина у корня дышла; 4. важность, значение
ВАЖИВАТЬ — *мгкр.* от **во**зить, **води**ть и **вади**ть

ВАЖИВАТЬ, ВАДИТЬ кого, чем — манить, привлекать
ВАДИТЬ — *дрг. знч.* тяня время, обманывать
 не **ДОВАЖИВАЙ** до беды
НАВАДИЛИ, не отучишь
ПРИВАЖИВАТЬ рыбу
СВАДИЛИ работника — **сма**нили

- ВАДКИЙ** кус — соблазнительный
 чтоб **НЕ ВАДНО** было
ВАДА — поблажка, по н о р ó в к а; дурной навък
ВАЖДА — *пск.* морока, наважде-
 делье
ВАЖИТЬ — 1. *стар., юж., зап.* тянуть тяжестью;
 2. взвешивать; 3. подымать вагою
ВАЖНЕЦКИЙ — отличный, превосходный
ВЗВАЖНИЧАЛ
ИЗВАЖНИЧАЛСЯ
РАЗВАЖНИЧАЛСЯ
ВАЖЕНКА *об.* (лучше *ж.*) — кто важничает
ВАЖИЙ — *арх., вят.* степенный, разумный, рассудительный
ВАЛАНДАТЬ — работать мешкотно, волочить время
ЗАВАЛАНДАЛ одёжку откуда **ПРИВАЛАНДАЛ?**
ВАЛАНДА, ВАЛАНДАЛА *об.* — мешкотный, вялый человек
ВАЛКА леса
ВАЛОМ, ВАЛОМ *нч.* — оптом, огулом, гуртом, чохом, сплошь, без разбора
ВАЛОМ, ВАЛЬМЯ *нч.* — повала беда, сарапча **ВАЛЬМЯ ВАЛИТ**
НАЛЕГАЙ ВАЛОМ — дружно все, и не дёргая
ВАЛЬНЫЙ лес — сваленный с корня
ВАЛЕННЫЙ, ВАЛЯНЫЙ — изготовленный валкой
 зимние дороги бывают **ВАЛКИ**
ВАЛКА муха к мёду
 наши ребята па работу **НЕ ВАЛКИ**
- ВАЛКОСТЬ** (*пртв. знч.* остойчивость)
ВАЛОМ отваливает
ДОВАЛИЛСЯ до каши
ВАЛЁЖ на скот — падёж
ВАЛЁЖНИК — 1. сухой лежачий лес; 2. с у х о в ё р ш н и к, верх о с у ш н и к
ВАЛЁЖНЫЙ лес
ВАЛЕНЕЦ — сайка, обваленная мукою
ВАЛЕНУХИ, ВАЛЕЖКИ, ВАЛЕНЫ — валенки
ВАЛКИ сена (из пластов до копны)
ВАЛУЙ — вялый, неповоротливый человек, разиня
ВАЛЯВА, ВАЛЯХА, ВАЛЯЖКА — кто много лежит
ВАЛЯШКА — истасканная вещь
ВАЛЯЩИЙ — завалиющий, кинутый, негодный
ВАР — 1. солнечный зной; 2. кипяток; 3. смола, сгущённая варкою; 4. железо в белом калении; 5. толпа, кйша
ВАРОМ бы вас отсюда! их как **ВАРОМ** взяло (исчезли)
КАК ВАРОМ ОБДАЛИ у всякого свой **ВАР У СЕРДЦА**
 солнце **ВАРИТ** — печёт толпа **ВАРИТ** — кипит, шевелится
ВАРЕЯ — стряпуха
ВАРЯ — мерка варки за раз возьми капусты на одну **ВАРЮ**
 сварили три **ВАРИ** браги
ВАРЬКА чая — *сиб.* щепоть для заварки

Продолжение следует

«ДУХОВНОЙ СИЛОЮ И РАЗУМА, И СЛОВА»

О культуре спора

Л. К. Граудина,
доктор филологических наук

Древние справедливо полагали, что в споре рождается истина. Мысль эта подтверждается и в наши дни в дискуссиях на съездах народных депутатов и сессиях, в полемических обсуждениях разных проблем на страницах печати, по телевидению, радио и т. п. Во всех случаях, наряду с конкретным содержанием спора, значением отстаиваемых положений, необычайно возрастает роль словесной формы спора, обязательности соблюдения логических правил мышления и определенных форм речевого этикета.

Изучение логических, психологических и языковых аспектов спора имеет давнюю традицию. В древней Греции к теме спора обращались Зенон, Протагор, Сократ, Платон, Аристотель. Так, Аристотель в своих работах «Аналитики», «Риторика», «Топика» освещал проблему диалектических дискуссий, выявлял основные виды спора, способы и правила его ведения, давал рекомендации, как надо спорить. В XIX веке искусству спора особую работу посвятил А. Шопенгауэр. Он написал книгу «Эстетика или искусство спорить» (пер. с нем. СПб., 1900 г.). В 1918 г. в Петрограде вышла книга профессора С. И. Поварнина «Искусство спора. О теории и практике спора» (Пг., 1918; 2-е изд. 1923 г.).

Кроме этой известной книги С. И. Поварнина, в отечественной литературе работ по теории спора сравнительно немного. Обычно самые необходимые сведения, касающиеся логической и словесной культуры спора излагались в риториках и логиках. Здесь можно привести один, может быть, несколько устаревший, но все же характерный пример. Так, уже в древней Руси риторы учили необходимости соблюдения приличий и сохранения благородства в споре. Известный ритор Софроний Лихуд писал, как надлежит приступать к спору, как должен вести задающий вопросы и как — отвечающий.

Задающий вопросы должен начинать так: «почтеннейший», или «разумнейший», «ревностнейший юноша» (или иначе, смотря

по чину и достоинству защищающего тезис), — я доказываю противное твоему положению, например, что небоечно, и при этом пользуюсь следующим положением... Что касается оппонента, то он должен отвечать, приблизительно, следующим образом: «Мудрейший наставник (или ревностнейший юноша) искусно выводит противное нашему положению...», т. е. следует начинать ответ с комплимента или с высокой оценки опровергаемого учения, ведь тогда только опровержение имеет цену. Опровержение тезиса Софроний рекомендовал проводить согласно известному правилу опровержения, сформулированному еще в средневековой логике: «Принимаю основания (тезиса), но отрицающего следствие ... т. е. для того, чтобы доказать ложность суждения формы „если P_1 то Q “, надлежит показать, что P истинно, а Q (одновременно) ложно» (Естественнонаучные знания в древней Руси. М., 1980, с. 163).

Интересные лекции по теории спора читались в Институте живого слова в 1918 г. В программе этого курса лектор Э. З. Гурлянд-Эльяшева подчеркивала необходимость различать два основных рода споров: 1) спор как средство совместного уяснения вопроса (споры научные) и 2) спор как средство психологического воздействия и прямого или непрямого подчинения одной стороны другой (споры политические).

Конечно, спор спору ровень. В научных спорах на первый план выходит аргументативное начало: важно обосновать и защитить выдвинутое положение. Предмет спора оказывается в центре внимания, а спорящие придерживаются свободного и независимого взгляда на обсуждаемый вопрос.

Особенно четко о своеобразии научной дискуссии писал Грамши: «В научной дискуссии, — подчеркивал А. Грамши, — (поскольку предполагается, что цель ее — найти истину и обеспечить прогресс науки) более „передовым“ оказывается тот, кто становится на ту точку зрения, что противник может выражать требование, которое должно быть включено, пусть даже как зависимый элемент, в собственную концепцию. Постигнуть и реалистично оценить позицию и доводы противника (а иногда им оказывается вся предшествующая мысль) как раз и означает ... стать на „критическую“ точку зрения, единственно плодотворную в научном исследовании» (Грамши А. Избранные произведения. Т. 3, М., 1959. С. 35). Трагическая правда жизни заключалась однако в том, что основатель Итальянской компартии (ИКП) Антонио Грамши, умевший становиться на точку зрения противника, погиб в 1937 г. в застенках итальянской тюрьмы от руки фашистов, отнюдь не стремившихся беспристрастно разобраться в его взглядах. В этом как раз и заключается одна из существ-

венных особенностей политического спора и отличий его от научной дискуссии. В политическом споре не практикуются приемы логического переубеждения другой стороны. Его характерной чертой является равноценность всех способов ведения спора как логических, так и нелогических, поскольку они способствуют ослаблению позиции противника. Формы отношения спорящих сторон нередко враждебны, лишены благожелательности. Оппоненты используют и сильные языковые стилистические средства для достижения цели, для дискредитации противоположной стороны.

На практике мы постоянно сталкиваемся с тем, что разные типы споров сосуществуют и оказываются взаимопроницаемыми. Вспомним парламентские дебаты на съездах народных депутатов СССР. Характерно одно из впечатлений: «Как не хватает нам культуры общения!» Не случайно поэтому «парламентским бескультурьем» окрестили речевую ситуацию, когда одни выступающие стремятся дискредитировать и даже оскорбить своих оппонентов, занимающих иных позиции. Так, на втором Съезде встал вопрос о запрещении грубых и некорректных выражений, которых не должны себе позволять участники дискуссий. Один из наиболее ярких примеров связан с выступлением секретаря общественного движения «Саюдис» (Литовская ССР). В дискуссии по вопросу о создании Комитета конституционного надзора СССР депутат из Литвы обвинил председательствующего во лжи. Слово «ложь» прозвучало не только обидно. Один из депутатов напомнил, что эта оценка ставит «Председателя в положение, которое в США определяется как „импичмент“». Напомним, что импичмент (англ. *impeachment*) в ряде стран (в Англии, США и др.) есть не что иное, как процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства. Зал требовал извинений. Один из депутатов напомнил: «Так нельзя. Я сам грешу резкими выражениями, но в данном случае это было недопустимо». Другой депутат подчеркнул: «Подобное заявление оскорбляет весь депутатский корпус», с чем в зале все были согласны. Интересно, что защитники депутата из Литвы при обсуждении возникшего вопроса подбирали уже другие, более мягкие слова — «неполная информация», «несоответствие истине» и т. п. (см. весь текст дискуссии в «Известиях» от 14 декабря 1989 г.).

В связи с этим стоит вспомнить, что еще в годы работы Государственной думы в России часто использовался особый филологический термин — *парламентское красноречие*. Всегда подчеркивалась одна особенность парламентской речи: оратор должен стремиться влиять прежде всего на ум своих слушателей, а потом уже на чувство. В качестве главного арбитра в парламент-

ских спорах выступает только человеческий разум. Поэтому информативность и доказательность доводов в споре — первостепенны. С этим сопрягается и профессионализм оценок, и соблюдение терминологических правил в научных квалификациях. Конечно, желательны чистота, правильность и ясность речи. Ослабляют силу мысли и грамматические неправильности (типа «Из тысячи пятьдесят девять проголосовали... 738»), и произносительные, акцентологические ошибки. Иногда в произносимых словах расставляются ударения, не соответствующие современной литературной норме: *затрачены огромные средства, крестьянин у нас до сих пор человек низшей категории; принять решение о сворачивании работы на КАЭС и т. д.* Эти отклонения от нормы объяснимы: депутаты приехали из разных мест страны, где сохраняются черты диалектной речи. Что касается языковедов, они ценят народную и диалектную речь. Но в отдел культуры русской речи Института русского языка АН СССР многие обращаются с вопросом: «Разве изменились современные орфоэпические нормы литературного языка?»

Однако вернемся к полемике. Как ясно из приведенного примера, речевые правила ведения спора на сессиях иногда нарушались. Наблюдались случаи, когда во время спора сознательно смешивалось опровержение *ad rem*, как писали древние латиняне (т. е. опровержение, имеющее в виду предмет спора), и опровержение *ad hominem* (имеющее в виду самого противника). При этом широко использовались стилистические средства с «отрицательным зарядом»: унижающие оппонента эпитеты, насмешливые или даже бранные оценки. Вспомним сильные выражения о «безответственных депутатах», «демагогах», «игрушках в руках аппарата» и под.

Звучали справедливые оценки подобной стилистики спора: — Я считаю неприличным, когда один депутат называет другого депутата демагогом. И еще: — Давайте мы эту высоченную трибуну не будем использовать для взаимных атак и оскорблений.

Спор, если рассматривать его как акт речевой деятельности, развертывается в различных ситуациях, которым соответствуют определенные речевые действия. Выделяются следующие ярко очерченные типы речевых ситуаций:

1. Спор-диалог, который ведется в кругу присутствующих людей, причем нарушение этики спора происходит в том случае, если трое, двое или один собеседник говорят без умолку, не давая сказать другим. Стилистика такого спора, в котором чрезвычайно агрессивна одна из спорящих сторон, очень тонко высмеи-

валась в радиопередаче отдела сатиры и юмора. Жена во время жаркого спора говорит мужу: — Ну хорошо, я не права, но ты можешь, по крайней мере, попросить у меня прощения!

2. Спор-дискуссия, представляющая собой обмен мнениями ряда участников в определенной ситуации (например, на конференции, заседаниях Верховного Совета, собраниях и т. д.). Прения, как правило, характеризуются одной и той же конституцией для всех участников дискуссии. Речевые отклонения от принятых норм ведения спора в таких случаях были проиллюстрированы уже приведенными выдержками из материалов парламентских дебатов.

3. Спор по ряду вопросов одной широкой проблемы, длящийся иногда на протяжении многих месяцев, лет, десятилетий на страницах газет, журналов, книг. Участники таких споров могут и не вести их с глазу на глаз, иногда они даже не встречаются друг с другом. Таковы, например, многолетние и многовековые теологические споры; споры между славянофилами и западниками в России прошлого века; споры в науке по поводу истинности и ложности научных воззрений на что-либо и т. д.

В спорах второй и третьей группы оппоненты нередко используют особенно опасный прием приклеивания ярлыков. Напомню смысл слова *ярлык* в переносном значении: «Шаблонное прозвище, наименование, формально характеризующее кого-, что-либо» (БАС, т. 17). Явлению наклеивания ярлыков была специально посвящена статья «Культура дискуссий» в «Правде», в которой есть следующие справедливые замечания: «О какой культуре дискуссии может идти речь, если кто-то стремится добиться реванша за критику, приклеить тебе ярлык, да еще с политической окраской, если кто-то не прочь позубоскалить — спасибо, мол, друг, за ценные мысли, а то и пригрозить — мы, дескать, призовем тебя к порядку» (Правда, 1987, 3 авг.). В статье приводились факты полемики между редакциями наших газет и журналов, в которой сыпались взаимные обвинения такого рода: «клевета», «ностальгия по старому», «милые сердцу времена зубодробительных постановлений сорокалетней давности», «аморальная подгасовка», «политический блуд», «орган неформального литобъединения политических недорослей» и т. д. В пылу словесной битвы, когда оппоненты стремятся с помощью ярлыков унижить своего противника, нередко теряется и самый предмет спора, забывается цель — поиск истины, ради чего и велась дискуссия.

Кажутся справедливыми напоминания о неуместности подобных дурных привычек: «Полюбили у нас „припечатывать“ звон-

кой кличкой ... Вспомним не такое уж давнее прошлое. „Враги народа!“ — К стенке! А теперь в таком же контексте воспринимаются и „враги перестройки“. Пора наконец научиться доказательно оспаривать конкретные взгляды конкретных людей, не навешивая на них ярлыки» (Советская культура. 1989. 1 мая). Нельзя не вспомнить, что прием «припечатывания» словом в технике спора широко используется не только в современной публицистике — в среде журналистов и литераторов — но и в повседневной жизни.

Совместное выявление истины в споре должно исключать агрессивное поведение спорящих сторон. Такую манеру спора в свое время точно оценил А. И. Куприн: «Какой-нибудь отросток мысли, придирка к слову, к сравнению случайно и вздорно увлекают их внимание в сторону, и, дойдя до тупика, они уже не помнят, как вопли в него. Промежуточные этапы исчезли бесследно, надо схватиться поскорее за первую мысль противника, какая отыщется в памяти, чтобы продлить спор и оставить за собой последнее слово» (Куприн А. И. Собр. соч., в 9-ти тт., т. 4, М., 1964. С. 459). В созидательных диалогах, когда спор ведется во имя общей цели, неуместны неприязненность в отношении друг к другу, агрессивность высказываний, непримиримость и резкость словесных выпадов. Этикет современного ведения общественных дискуссий сохраняет в своей основе принцип взаимного уважения спорящих сторон. Дискуссия должна быть формой сотрудничества, а не конфликта. Этого можно достигнуть, когда, по словам поэта А. М. Жемчужникова, «ведется бой духовной силою и разума, и слова».

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В последний год на страницах газет несколько раз встретил слово *импичмент*. Где поставить в нем ударение и что оно означает?»

В. И. Леонтьев,
Ивантеевка, Московской обл.

Импичмент (англ. *impeachment*) — процедура привлечения высших должностных лиц государства к суду парламента. Например: *Юридическая комиссия палаты представителей конгресса США продолжает расследовать возможности вынесения импичмента президенту.*

Речевые формулы спора

Л. А. Шкатова,
доктор филологических наук

Наблюдая за участниками спора, легко обнаружить два полярных типа речевого поведения, отражающихся в типичных выражениях. Предлагаем Вам, наш уважаемый читатель, самому определить, какой из этих типов лучше, чтобы следовать ему.

I

Начало задает тон всему разговору!

— Вы не правы (совершенно не правы, абсолютно не правы, несомненно не правы; ошибаетесь, глубоко ошибаетесь; заблуждаетесь, вводите в заблуждение; лжете, сознательно лжете...), и я Вам сейчас это докажу!

Убеждает только убежденный!

— Я абсолютно убежден в том, что...
— Нет никакого сомнения...
— Не будете же вы спорить...
— Никто не станет отрицать...
— Все согласятся...
— Только глупый человек не поверит...
— Одни дураки станут доказывать...

Доводы должны быть приняты всеми участниками

— Ваше дело — принимать или отвергать мои аргументы: от этого их убедительность не страдает.
— Это Вы просто из упрямства отвергаете то, что каждый бы признал несомненным.

II

— Наши позиции не совпадают (мы расходимся во мнениях, я не могу согласиться с Вами, мне трудно признать Вашу правоту, я придерживаюсь другого мнения...), но, возможно, я ошибаюсь.

— Надеюсь, мы с Вами вместе заинтересованы в том, чтобы найти правильное решение...
— Я убежден в своей правоте, но допускаю, что другая точка зрения имеет право на существование.
— Каждый может ошибаться, и я хотел бы лучше понять Ваши доводы, потому что моя позиция представляется мне справедливой.

— Попробуем вместе разобраться, почему мои аргументы кажутся Вам сомнительными.
— Я постараюсь привести еще доказательства, чтобы прояснить для Вас свою позицию.
— Мне бы не хотелось, чтобы

— Мне безразлично, что Вам мои доводы кажутся сомнительными.
 — Только недалекий человек не может воспринять такие простые доказательства, которые я привожу.

мы с Вами занимали диаметрально противоположные позиции. Надеюсь, вот с этим Вы не сможете не согласиться...

Не торопитесь!

— Я готов спорить, побыстрее, пожалуйста!
 — Уж если Вы спорите, то не тяните резину!
 — Что-то Вы долго собираетесь с мыслями!
 — Скорее подбирайте слова, а то мы и к утру не закончим наш спор!

— Давайте вернемся к исходному положению. Вы утверждали,..
 — Я хотел бы лучше разобраться в Вашей позиции.
 — Так Вы утверждаете, что... Правильно я Вас понял?
 — Прошу Вас подробнее остановиться на следующем... Мне не совсем понятно...

Ты сердишься — значит, ты неправ!

— Хоть кого выведет из себя Ваше упрямство!
 — Вы злитесь, потому что не хотите признаться, что проиграли спор!
 — Вам надо поучиться вести себя с противником!
 — Не хочу спорить с таким упрямым ослом! Всем уже давно понятно, что Вы проиграли!
 — У меня уже нет сил доказывать Вам то, что ясно любому младенцу!
 — Да Вы с кем спорите!?!
 — С Вами спорить без толку!
 — Я никогда не соглашусь с Вами!

— Не будем превращать спор в ссору: от этого истина не выиграет.
 — Мне не хотелось бы, чтобы после спора мы стали врагами, потому что у нас общая цель — определить верную точку зрения.
 — Согласитесь, что по многим позициям мы нашли общий язык, и не стоит огорчаться, что пока не по всем.
 — Вам ведь не надо доказывать, что главное для нас обоих — найти правду, поэтому личные обиды просто невозможны.

Дайте возможность человеку сохранить его «лицо»

- Ну вот, убедил же я Вас!
– Сознайтесь, как Вы были неправы!
– Конечно, вы и подумать не могли, что так легко сдадитесь!
– Признайтесь, что я выиграл наш спор!
- Надеюсь, Вы еще подумаете над тем, о чем мы с Вами говорили.
– Думаю, Вы не откажетесь признать мои доводы.
– Вы сами способны прийти к правильному решению.

Надеемся, Вы выбрали второй вариант, хотя, согласитесь, не чужды Вам и фразы первого типа. По крайней мере, Вы не раз слышали их, если принимали участие в спорах.

В чем же преимущество второго типа речевого поведения? В том, во-первых, что оно создает общий доброжелательный тон общения. Во-вторых, в рассматриваемых фразах учитывается интерес собеседника, его позиция, разговор ведется в русле этого интереса. В-третьих, постоянно подчеркивается общность в позициях, создается фундамент для совместного поиска истины.

Отказ от «образа врага» в конструктивном, настоящем споре, суть которого в поисках истины, — продуктивная идея. Спорящий в таком случае не может быть назван противником, скорее он Ваш партнер. Отношение к собеседнику как к помощнику в нелегкой работе по нахождению правды облегчает достижение цели. Завершение спора — переход на сторону одного из спорящих или же нахождение «золотой середины».

А что же первая позиция? Едва ли она ведет к истине. Скорее всего — это вызов «противнику», демонстрация собственной непогрешимости и отсутствия заботы о конечных результатах «схватки». Это желание показать собственное превосходство, унижить собеседника в глазах участников или наблюдателей спора. От такого «спора» следует отказаться: он ведет к ссоре.

Челябинск

«Русское красноречие»

Так называется хрестоматия, подготовленная отделом культуры речи Института русского языка АН СССР.

Объемом в 25 печатных листов хрестоматия включает фрагменты из редких книг, посвященных науке красноречия и ставших библиографической редкостью. В нее включены труды по этому виду искусства отечественных авторов, начиная от М. В. Ломоносова.

Сегодня мы предлагаем небольшую заметку о красноречии, принадлежащую перу А. П. Чехова.

ХОРОШАЯ НОВОСТЬ

А. П. Чехов

В Московском университете с конца прошлого года преподаются студентам декламация, т. е. искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим или же говорим вяло, беззвучно, тускло, «уткнув бороды», не зная, куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ — десять, потому что не умеем говорить коротко и незнакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект — *non multum, sed multa*. У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, проповедников, в которых по существу их профессий должно бы предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называются «говорильными», потому что в них по обязанностям службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывают всего-навсего настоящих ораторов пять-шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слышать. На кафедрах у нас сидят зайки и шентуны, кото-

рых можно слушать и понимать, только приспособившись к ним, на литературных вечерах дозволяется читать даже очень плохо, так как публика давно уже привыкла к этому, и, когда читает свои стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит. Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил: «Будь здоров!», крикнул и больше ничего не сказал. Нечто подобное рассказывают про почтенного В. В. Стасова, который несколько лет назад в клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изображал из себя молчаливую, смущенную статую, постоял на эстраде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни одного слова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого, про жрецов науки, которые «изводили» своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение. Мы люди бесстрастные, скучные, в наших жилах давно уже заpekлась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наслаждениями и не ищем их, и нас поэтому несколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку. Но если не хочется наслаждаться, то по крайней мере не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом. В обществе, где презирается истинное красноречие, царят риторика, ханжество слова или пошлое краснобайство. И в древности и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры. Немыслимо, чтобы проповедник новой религии не был в то же время и увлекательным оратором. Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами» красноречия был усыпан путь ко всякой карьере, и искусство говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что они «не умеют» говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания обучение красноречию следовало бы считать неизбежным. В этом отношении почин Московского университета является серьезным шагом вперед.

Отвечает Служба языка

Добавить строку, добавить текста

О. Л. Дмитриева,
кандидат филологических наук

В справочную службу Института русского языка АН СССР очень часто обращаются с вопросами, касающимися синтаксического управления – выбора надлежащей падежной формы и предлога. Синтаксическое управление охватывает широчайший круг словосочетаний, поэтому в данном обзоре остановимся только на управлении глагольным.

Нормы глагольного управления достаточно стабильны и требуют своего неукоснительного соблюдения. Кстати, ошибки в глагольном управлении одни из самых распространенных в устной и письменной речи. В различных выступлениях по радио и телевидению нередко приходится слышать: «...рассмотрим о тех процессах, которые протекают в стране..» (вместо *рассмотрим процессы*); «...высказывание контрастирует обстоятельством» (вместо *контрастирует с обстоятельством*); «...коллега утверждает о том, что...» (вместо *коллега утверждает, что...*); «...от решения которых во много будут определяться...» (контраминация двух глагольных конструкций: *зависеть от решения и определяться решением*).

Приведем наиболее частые и нормативно значимые вопросы в справочную службу русского языка относительно глагольного управления.

Ряд глаголов на равных правах, смысловых и стилистических, допускает управление разными предложно-падежными конструкциями: *ассигновать на нужды / для нужд; базироваться на взлетную полосу / на взлетной полосе; соболезновать горю / в горе; толкать к преступлению / на преступление; ценить в друге / у друга; экспериментировать с препаратом / над препаратом.*

Более сложными в нормативном отношении являются вопросы о конструкциях с глагольным управлением, употребление которых регулируется смысловым различием:

Бороться против коррупции? с коррупцией? – возможно употребление обеих конструкций, но при этом следует учитывать, что в значении *бороться с кем/чем* есть оттенок подчеркнутого действия, а конструкция *бороться против кого/чего* имеет оттенок активного столкновения противоположных объектов.

Варьировать музыкальные мотивы? музыкальными мотивами? Глагол *варьировать* управляет существительными и винительном падеже, обозначающими объект действия, и существительными в творительном падеже, обозначающими средство действия; верной будет конструкция *варьировать музыкальную тему мотивами*.

Вершить судьбами? судьбы? — конструкция *вершить* чем имеет значение «распоряжаться», а *вершить* что — «решать». Отсюда смысловое различие в употреблении: *вершить судьбами и делами страны*.. Но: *вершить правое дело*.

Добавить что? чего? Глагол *добавить* управляет существительным в винительном падеже в значении «полностью охватить объект действием» (*добавить строку*); при частичном охвате объекта действием предпочтительна конструкция *добавить чего* (род. пад.) — например, *добавить соли, добавить текста*.

Ряд глаголов предопределяет только одну нормативную позицию: *парировать замечание / не на замечание / не замечанию*. Глагол *парировать* во всех его значениях управляет существительным в винительном падеже (*парировать что*) — *парировать вражеские удары, возражения, упреки*.

Требовать извинения. Глагол *требовать* управляет существительным в родительном падеже (*требовать внимания, объяснений*). Конструкция *требовать (что)* с управляемым существительным в винительном падеже возможна лишь при конкретизации объекта (*требовать пропуск, документ*).

Одну нормативную позицию предопределяют также глаголы *апеллировать к кому/чему (не что)*; *курировать кого/что (не чем)*; *руководить кем/чем (не кого/чего)*; *властвовать над кем/чем (не кем/чем)*.

При редактировании художественных текстов возникают вопросы, связанные с устаревшими формами глагольного управления, употребительными в языке XIX века. Они могут быть использованы только с определенным стилистическим заданием, в контексте, предопределяющем устаревшие формы (*бежать скуки, властвовать умами, настроением*).

В практике встречается еще один тип вопросов, когда спрашивающий не предлагает варианты выбора, а просит подтвердить и прокомментировать сам факт существования в языковой системе конструкций с тем или иным управлением: возможно ли сочетание *бунтовать массы?* — возможно, в значении «подстрекать массы к бунту», так как глагол *бунтовать* может предопределять позицию существительного в винительном падеже. Возможно ли сочетание *вверстать статью в номер?* — Возможно, так как уп-

равление в данной предложно-падежной конструкции таково: *сверстать что во что*.

Есть ли глагол *манкировать* и, если есть, то как употребить с ним существительное *занятия*? Глагол *манкировать* сохранился в современном русском языке. Обычно он употребляется с существительным в творительном падеже и означает пренебрегать чем-либо (*манкировать занятиями, деньгами, успехом*). Устаревшей является конструкция *манкировать кому* в значении «проявлять пренебрежение к кому-либо» (*манкировать старшим, манкировать мужу*).

Есть вопросы, связанные с смысловым различием возвратных и невозвратных глаголов, предопределяющим и разные синтаксические позиции существительного (*баллотировать кого-что, но: баллотироваться во что*).

К сожалению, для преодоления трудностей, возникающих при употреблении таких конструкций, и выборе одной из них жестких правил не существует. Поскольку глагольное управление находит свое выражение в падежной форме как предложной, так и беспредложной, то, естественно, правильное построение конструкции определяется также знанием значения падежей и предлогов.

Приведем список словарей, которыми было бы желательно пользоваться для выяснения нормы глагольного управления: Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1970; Учебный словарь сочетаемости слов русского языка: Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М. 1978; Д. Э. Розенталь. Управление в русском языке. М., 1981; Д. Э. Розенталь. Пунктуация и управление в русском языке. М., 1988.

*Значение А. С. Пушкина
в истории русского литературного языка
и в истории стилей
русской художественной литературы**

В. В. Виноградов,
академик

6

Процесс коренной ломки и перегруппировки старых литературных стилей и параллельно с ним протекавший процесс творчества новой стилистической системы национального русского литературного языка, богатого, свободного, лишенного узкой классовой ограниченности,— при всей стремительности его развития,— имел разные результаты и разные формы выражения в разные периоды литературной деятельности Пушкина. Начался этот процесс со стиховой речи, позднее он всколыхнул систему стилей прозаической речи.

Но уже в языке ранних стихотворений Пушкина, носивших некоторый оттенок условно-поэтической стилистики карамзинской школы, иногда ярко звучат ноты живой реалистически-бытовой речи, звуки нового поэтического языка, сложенного «в простоте, без украшения» (ср., например, стихотворения «Пирующие студенты», «К Галичу», «Послание к Юдину» и др.). Со слов и образов совлекается наряд салонной приглуженности. Вскоре (с 1817 г.) в язык Пушкина широко влилась боевая общественно-политическая терминология и фразеология революционных кругов передового русского общества, из которых позднее вышли декабристы. Приведем несколько примеров. В оде «Вольность:

Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений

* Начало статьи см.: Русская речь. 1990. № 3.

Воссела — Рабства грозный Гений
 И Славы роковая страсть.
 Лишь там над царскою главой
 Народов не легло страданье,
 Где крепко с Вольностью святой
 Законов мощных сочетанье...

В «Деревне»:

На пагубу людей избранное Судьбой,
 Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона,
 Присвоило себе насильственной лозой
 И труд, и собственность, и время земледельца.

Вместе с тем уже к концу 10-х и началу 20-х годов складывается устойчивая средняя норма пушкинского стихотворного языка с свойственным ему соотношением и взаимодействием разговорной и книжно-литературной стихий, с его простым и стройным синтаксисом, с строгими правилами порядка слов и острым стилистическим использованием инверсий. Например, в стихотворении «Чаадаеву» (1821):

В уединении мой своеправный гений
 Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
 Владею днем моим; с порядком дружен ум;
 Учусь удерживать вниманье долгих дум;
 Ищу вознаградить в объятиях свободы
 Мятужной младостью утраченные годы
 И в просвещении стать с веком наравне.

С течением времени в язык пушкинской поэзии все глубже проникает устная народная речь, живая проза бытового языка. Пушкин смещает границы стихотворного и прозаического языка.

Смелая независимость в комбинировании и сцеплении элементов языка, считавшихся разностильными, влечение к простоте и к «откровенным оригинальным выражениям простолудников», разговорно-бытовая непринужденность и демократичность разных стилей пушкинского языка, реалистичность отражения социально-речевых стилей действительности вызывали резкую критику близоруких современников, особенно из реакционного лагеря. Отправляя из ссылки свою поэму «Братья разбойники» А. А. Бестужеву для «Полярной звезды», Пушкин иронически отзывается о нежных умах читательниц этого альманаха, которых могут испугать «отечественные звуки харчевня, кнут, острог».

Пушкинский принцип простого реалистического названия предметов, действий, протекающих картин, без всяких их «поэтических» украшений, приводил к энергичному, быстрому изложе-

нию мыслей, насыщенному глубоким жизненным содержанием. На фоне господствовавших до Пушкина изощренно-эмоциональных, симметрически построенных описаний и изображений, богатых качественными оценками и определениями, этот способ изложения казался странным и прозаическим, а многим — даже пародическим. Например, в одной из редакций «Езерского»:

Вдохнув, свой осмотрел чулан,
Постелю, пыльный чемодан,
И стол, бумагами покрытый...

7

К усиленной работе над языком русской прозы, — и при том во всех ее основных стилевых разновидностях, — Пушкин приступает с 30-х годов. В это время нормы нового русского литературного языка, созданные Пушкиным на стихотворном материале, уже получили широкое признание. Этот опыт используется Пушкиным и в области стилистики прозы, так как XVIII век у нас не создал устойчивой традиции прозаической речи, а проза Карамзина, которую Пушкин с исторической точки зрения оценивал высоко, не могла удовлетворить его в силу недостатка «народности». Впрочем, опыт Пушкина в прозе, замыслы большого прозаического произведения относятся еще к раннему периоду его творчества. 1819 годом датируется первый из сохранившихся проектов — «Наденька».

Исследователи стилистики пушкинской прозы склонны думать, что характерные черты прозаического языка Пушкина определились почти сразу, во всяком случае, очень рано. Так, проф. А. В. Чичерин, анализируя стиль маленького отрывка 1819 года, пишет: «Уже двадцатилетний Пушкин ищет наибольшей точности, наибольшей простоты и наибольшей ритмической силы. Движение и равновесие прозаической фразы уже достигнуты им» (Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. 1958. С. 70).

В своей работе над языком русской прозы Пушкин выдвигает те же понятия об исторической целесообразности, характерности и народности. Он исходит из того же принципа обобщенного, простого, ясного и «опрятного» отражения жизни, характеристических примет того или иного социально-бытового уклада и свойственного ему мировоззрения при помощи сближения общелитературного языка с языком изображаемой среды. Слово должно непосредственно отражать предмет, без всяких формальных прикрас. При этом особенно важны строгий подбор и размещение иерархии этих предметов. Необходимо, чтобы они, взятые в

предельно ограниченном количестве, представляли действительность не только во всей ее истине, но и во всей ее исторической глубине. Уже язык «Повестей Белкина», будучи близок к простому и непритязательному стилю бытовых записок и рассказов, подчинен строгим нормам реалистической эстетики слова, связанным с новым демократическим образом самобытного общенационального русского языка.

Например, в повествовательном языке «Станционного зрителя» органически объединены и слиты разные типы или стили русского литературного языка, соответствующие образу автора, рассказчика — мелкого чиновника — и самого станционного зрителя. Язык повествования вмещает в себе как бы разные уровни осмысления и оценки жизни, вобрав в себя все богатство русской книжной и народной культуры слова и проникнувшись в то же время широким демократическим миропониманием. В передаче речи зрителя отражается с поразительной глубиной, ясностью и художественным правдоподобием его социальное сознание. От этого богатство выразительных красок, близких к живой народной речи, еще более возрастает. В повествовании звучат, то сменяя один другой, то сливаясь, голоса автора, рассказчика и бедного зрителя:

«Зритель пошел домой ни жив, ни мертв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветренности молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила ее крестная мать...

Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их на землю, притоптал каблучком, и пошел... Отошел несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал „пошел“. Зритель за ним не погнался»

Для прозаического языка особенно важны простота, ясность, точность и краткость. Ему не нужны «вялые метафоры», бессодержательные украшения и формальные ухищрения. Пушкин высмеивает писателей, которые не могут выражаться просто, которые «никогда не скажут дружба не прибавя — „сие священное чувство, коего благородный пламень“ и проч.; должно бы сказать „рано поутру“, а они пишут: „едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба“.— Как все это ново и свежо! Разве оно лучше потому, что длиннее» (Начало статьи о русской прозе).

Исправляя записки воспоминаний своего приятеля П. В. Нащокина, Пушкин заменяет описательное выражение «с впадиной

на подбородке» словом «с ямочкой», а вместо отвлеченно-книжной фразы «И страх заставлял меня невольно смыкать глаза, и тем вынуждался столь желанный для нянюшки сон дитяти» употребляет активную, одушевленную, глагольно-повествовательную, живую разговорную конструкцию: «Я от страха закрывал глаза и засыпал к великому удовольствию моей нянюшки» (Рукою Пушкина. стр. 116–122).

В пушкинском прозаическом языке с предмета спадает формальный наряд украшенного слога. Пушкинское слово выступает как обобщенное отражение и обозначение предмета, осмысленного в широкой социально-исторической перспективе. Принцип «нагой простоты» изображения, которому следовал Пушкин, опирался на реалистическую оценку значений слов и предметов, оценку их культурно-исторической выразительности и характерности. Пушкин глубоко осознает связь разных значений слов с тем или иным укладом исторической действительности и свойственным ему своеобразием материальной и духовной культуры. Пушкинское слово сплавлено с бытом — сложным и противоречивым — и начинено взрывчатой силой его социальных, характеристических контрастов. Выдвинутый Пушкиным еще в 20-х годах принцип поэтического воспроизведения обыденных предметов расширяется вскоре до принципа широкого реалистического литературного отражения жизни — простой, неукрашенной, но полной национального колорита и типической выразительности. Идея реалистического соответствия стиля изображаемому миру кладется в основу новой системы литературной стилистики.

В сущности этот метод обобщенного воспроизведения действительности ярко обозначился и в стихотворном языке Пушкина уже с середины 20-х годов. Типично в набросках «Езерского» изображение бедного чиновника:

Как все, он вел себя не строго,
Как все, о деньгах думал много,
И жуковский курил табак,
Как все, носил мундирный фрак.

Язык пушкинской прозы широко вбирает в себя разнообразные элементы живой народной речи. Выразительные значения и оттенки разговорных слов и оборотов служат для Пушкина средством характеристики быта и мировоззрения изображаемой среды. Поэтому при сохранении общей нормы литературного выражения повествовательный стиль Пушкина приобретает существенные социально-речевые отличия в зависимости от социальных своеобразий воспроизводимой действительности и связанных с

ней национальных русских характеров. Жизнь различных кругов общества рисуется в свете особенностей их социально-языкового самоопределения, отобранных и художественно обобщенных великим национальным поэтом.

Вслед за Фонвизинным и Радищевым и одновременно с Крыловым и Грибоедовым Пушкин стремится к тому, чтобы — каждый персонаж его произведений говорил языком, свойственным своему характеру. Так, в «Капитанской дочке» Пушкина нет двух действующих лиц, которые говорили бы одинаковым языком: у каждого есть свои оттенки, хотя Пушкин совсем не гонялся за этнографической и иною безусловной точностью и вообще был далек от приемов прямолинейного натурализма. Так, генерал Рейнсдорп говорит у него ломаным русским языком только в одной, первой, сцене, в других сценах читатель должен сам дополнять своим воображением акцент генерала, но это нимало не мешает цельности впечатления, и каждая фраза Рейнсдорпа и своим духом и своим построением обличает в нем немца.

Особенно тонко воспроизводится стиль эпохи в письменной речи героев. Язык грозного послания Гринева-отца Савельичу; язык, которым написан ответ Савельича; письмо Марии Ивановны Петру Андреевичу; официальные бумаги Рейнсдорпа о появлении самозванца и об исчезновении Гринева из Оренбурга — все это прекрасно обрисовывает и эпоху, и действующих лиц романа, бравшихся за перо. Даже коротенькая записка ротмистра Зурина к обыгранному им Гриневу очень типична. Стиль эпохи отражается и в языке записок самого Гринева, в форме которых написан этот исторический роман. Тонкие оттенки выражений, образ мыслей, оценка явлений, остро выступающие в повествовательной речи, — все это создает колорит дворянских мемуаров, написанных представителем прошлого поколения, поколения дворян конца XVIII в. Вот несколько примеров:

«Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала»; «Наши генералы готовились к дружному содействию» (т. е. к совместному действию); «Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, все потрясало меня каким-то пиитическим ужасом».

Пушкин придавал особенно важное значение развитию стилей прозаического языка. Он прежде всего выделяет два общих типа прозаического языка: его повествовательную и отвлеченно-деловую разновидности. Промежуточное положение между ними у Пушкина занимает стиль истории. В области отвлеченно-

делового или «метафизического» (по терминологии той эпохи) типа речи Пушкин различает, кроме критико-публицистического стиля, еще стили «политики, философии и учености», т. е. разных специальных областей знания. Права прозы расширяются, так как она уже в творчестве Пушкина глубоко внедряется в строй стихотворного языка. Этому сближению поэтического языка с прозаическим, смещению границ прозы и поэзии удивлялись многие современники Пушкина. Вместе с тем Пушкин стоит за разграничение литературных стилей письменной и разговорной речи и за их свободное взаимодействие.

Проф. А. В. Чичерин в своей монографии «Возникновение романа-эпопеи», подвергнув внимательному стилистическому (правда, в гораздо большей степени литературоведческому, чем историко-лингвистическому) анализу пушкинские черновики и наброски романов и повестей, пришел к интересному и, в общем, справедливому выводу о многообразии стилистических вариаций и словесно-творческих модификаций изображения в широких границах основной структуры пушкинского художественно-повествовательного стиля. <...>

Установленная Пушкиным тонкая и семантически дифференцированная система стилей русского литературного языка продолжала с разных сторон углубляться и развиваться в дальнейшей истории русской речевой культуры XIX века.

8

Специфические качества индивидуального пушкинского стиля и вместе с тем характерные черты его понимания экспрессивно-семантических, выразительных качеств национального русского литературного языка ярко выступают в пушкинском способе переработки чужих цитат, столь нередких в его стихах и прозе. Так, в примечании к «Медному всаднику» Пушкин пишет: «Альгаротти где-то сказал: Петербург окно, через которое Россия смотрит в Европу». Этот афоризм принял другую, динамическую, исторически глубокую и в поэтическом плане гораздо более острую образную форму в стихах «Медного всадника»: «Природой здесь нам суждено В Европу прорубить окно».

Известно, что в своих набросках к «Истории Петра», обобщивших и стилистически обработавших огромный и разнообразный исторический материал, Пушкин нередко излагает по-своему сведения, извлеченные из «Деяний Петра Великого» Голикова (М., 1788. Т. I). Как же протекает этот процесс переложения и одновременно преобразования? Под 1698 годом Пушкин пишет: «В начале года Петр отправился в Англию на яхте и на трех

английских военных кораблях, присланных от короля с частью «своего посольства». «А господин Лефорта,— говорит в этом месте Голиков,— Петр оставил в Амстердаме, при раслучении с которым, яко с верным другом, прощался со слезами».

Пушкин же так перефразирует, грамматически и лексически оживляет сухое, канцелярское изложение Голикова: «Лефорта оставил он в Амстердаме и, расставаясь с ним, плакал (вероятно, будучи пьян)».

Вот еще одно место из «Истории Петра», отмеченное И. Фейнбергом в его исследовании «Незавершенные работы Пушкина» (М., 1958); «Рассказывая о пребывании Петра в Голландии, Пушкин говорит о его работе на кораблестроительной верфи. С фактической стороны он здесь следует Голикову, который вспоминает о том, что Петр был «по искусству своему в работе назван Питер-Басом, то есть Петром мастером, которое название было ему приятнее тогда всех титулов величества».

У Пушкина это сообщение приняло такую художественно-выразительную и одушевленную форму: «Корабельные мастера звали его Peter Bas, и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь».

9

Пушкинская реформа стилей русского национального литературного языка разрешила проблему гармонического соответствия мысли и ее словесного выражения, по крайней мере, в области художественного творчества. <...>

Пушкин прекрасно понимал громадное культурно-историческое значение русского языка и видел прочные основы для развития национального русского литературного языка во всестороннем развитии национальной русской культуры. В этом отношении работа Пушкина над русским языком находилась в полном соответствии с теми требованиями и задачами, которые были выдвинуты в области национальной культуры речи декабристами и близкими к ним кругами передовой русской интеллигенции в первой четверти XIX в. <...>

Пушкин, как и декабристы, непосредственно связывает стилистическую реформу русского литературного языка с необходимостью создания новых оборотов слов, новых форм их сочетаемости и способов их осмысления для изъяснения новых понятий, для выражения «важных предметов размышления».

«Просвещение века,— писал он,— требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут удовлетво-

ваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического (т. е. отвлеченного.— В. В.) языка у нас вовсе не существует» («О причинах, замедливших ход нашей словесности»).

Пушкин с особенной настойчивостью и постоянством подчеркивал необходимость идейного обогащения русской литературы, насыщения ее передовыми мыслями современности. Он призывал к углубленной работе над развитием и уточнением системы понятий, значений и их оттенков, свойственных национальному русскому языку. «Все должно творить в этой России и в этом русском языке»,— писал великий поэт еще в 1821 г. «Мысль! Великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек...» Пушкин открыто заявляет, что забвение является «участью, ожидающей писателей, которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова, нежели о мысли, истинной жизни его». Он борется с реакционным пессимистическим взглядом, утверждающим, что нет новых идей, что «все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий». По мнению Пушкина, «разум неистощим в соображении (т. е. сопоставлении.— В. В.) понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности». Итак, «мысль — истинная жизнь» языка.

В вопросе о насыщенности пушкинского языка мыслью следует различать две стороны: 1) общелингвистическую (так сказать),— отсутствие пустословия, бессодержательных украшений речи, глубокую значительность всякого слова при предельном лаконизме речи («Никогда не пожертвую краткостью выражения провинциальной чопорности»,— говорил Пушкин) и 2) литературно-стилистическую — идейную глубину пушкинского творчества, поразительное богатство мыслей, передовых и поучительных, во всех значительных произведениях гениального русского поэта.

«Сгущению мысли» в пушкинском слове сильно содействует своеобразный реалистический тип метафоризации в его поэтическом языке. Пушкинская метафора, реалистически точная и предельно выразительная, ведет к обогащенному чувственным изображением познанию конкретной действительности. Поэтому даже в абстрактных метафорах пушкинского языка очень ясна реалистическая их направленность и оправданность.

Для пушкинского образа типично не только точное выраже-

ние мысли поэта, но прежде всего полное соответствие его объективной действительности, подлинным чертам изображаемого предмета. Разбирая стиль стихотворения Вяземского «Водопад», Пушкин выражает недовольство метафорой: сердитой влаги властелин: «вла-вла – звуки музыкальные, но можно ли, например, сказать о молнии: властительница небесного огня?.. Водопад сам состоит из влаги, как молния – сама огонь». В стиле «Фракийских элегий» В. Г. Теплякова Пушкин также отмечает «фальшивые» и лишённые смысла романтические метафоры:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, как дальний шум победной колесницы!

В изображении тени Овидия:

Белее волн хитон перловый,
Святей их ропота слова...

В описании звуков «золотой лиры» Овидия:

Печально струн ее бряцанье:
В нем сердцу слышится изгнание;
В нем стон о родине звучит,
Как плач души без упования...

Подчеркнув эти метафоры, Пушкин замечает: «Тишина гробницы, громкая как дальний шум колесницы; стон, звучащий как плач души; слова, которые святее ропота волн... все это не точно, фальшиво или просто ничего не значит».

В композиции одного и того же произведения Пушкин объединял очень разнородное идейное содержание – личное, историческое и общественно-политическое. Глубина и сила идейного насыщения слов и сочетаний слов, – путем нового и остроумного сопоставления разных мыслей, – была открытием Пушкина, всегда выдвигавшего тему острую и значительную, связывающую современность со всем богатством человеческой культуры. В смысловой глубине слов у Пушкина переплетаются мотивы личной лирики, философские и исторические идеи. Примером может быть стиль «Евгения Онегина» или «Медного всадника».

Продолжение следует

К 90-летию со дня рождения

Сергей Иванович Ожегов

1900—1964

С. И. Ожегов — выдающийся филолог-русист, крупнейший лексикограф, основатель и организатор важного направления, связанного с изучением культуры речи, предстающей в качестве особой научной дисциплины. Широким кругам общественности Сергей Иванович Ожегов больше известен как замечательный знаток русской речи и автор всемирно прославившегося однотомного «Словаря русского языка».

Крупнейший специалист в области русского литературного языка и его истории, С. И. Ожегов посвятил всю свою жизнь исследованию и пропаганде русской речи.

В 1952 г. по его инициативе в Институте языкознания АН СССР был создан сектор культуры речи. С. И. Ожегов считал, что это должен быть сектор нового типа, «призванный разрабатывать проблематику, которая должна непосредственно удовлетворять запросы советской общественности» (Вопросы языкознания. 1953. № 1). Соображения об основных направлениях работы сектора С. И. Ожегов изложил в докладе, прочитанном на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания в 1955 г. Тезисы этого программного доклада не вошли в известный однотомник работ С. И. Ожегова «Лексикология. Лексикография. Культура речи» (М., 1974) и давно уже стали библиографической редкостью, ныне мы предлагаем их вашему вниманию. Между тем высказанные тогда мысли не потеряли значения: они по-прежнему актуальны, своевременны и важны. Именно в этом докладе была предложена всеобъемлющая программа активной нормализации всех сторон литературной речи. Выдвинув идею планомерной, последовательной работы в области массового развития культуры речи населения, С. И. Ожегов предусмотрел в этой программе разные аспекты нормализаторской деятельности лингвистов. Будучи сторонником глубокого исследования закономерностей развития современного литературного языка, он обосновывал необходимость различного подхода к анализу разных уровней литературного языка [произносительному,

грамматическому, лексико-стилистическому и орфографическому]. Особо подчеркнута ценность исторического подхода к проблеме научной нормализации литературной речи, проблеме, занимавшей значительное место в работах русских языковедов на протяжении последних трех веков. С. И. Ожегов неоднократно повторял мысль о том, что нужны экспериментальные исследования и постоянно действующая служба русского слова. Исследования состояния норм литературного языка, анализ действующих тенденций и прогнозирование наиболее вероятных путей развития — эти стороны, как писал С. И. Ожегов, «разумной и объективной оправданной нормализации» языка составляют важную часть деятельности отдела культуры русской речи и в наши дни.

Вопросы нормализации современного русского литературного языка

С. И. Ожегов,
доктор филологических наук

1. Правильность, ясность, чистота и выразительность литературной речи, ее высокая культура — необходимый элемент культуры социалистического общества. Такая оценка роли литературного языка прочно вошла в сознание нашей общественности. Призывы к стилистическому упорядочению речи и к устранению разнобоя в различных сферах языка стали обычным явлением нашей общественной жизни. Откликнуться на призывы общественности — прямая обязанность языковедов.

2. На заре русского научного языкознания, в эпоху формирования русского национального языка, вопросы нормализации литературной речи занимали значительное место в работах языковедов. Наметились два взаимно связанных критерия нормализации. Критерий исторической целесообразности в упорядочении

норм литературной речи, выдвинутый М. В. Ломоносовым, развивался в трудах его учеников и последователей и в значительной мере отразился на «Словаре Академии Российской». Критерий социальной или эстетической оценки в упорядочении норм литературной речи, главенствовавший в работах и высказываниях Тредиаковского, Сумарокова, школы Карамзина и литературной критики, оказал существенное влияние на развитие принципов нормализации литературной речи. В грамматических трудах до 30-х гг. XIX в. идея нормализации литературной речи нашла яркое выражение.

3. С 30–40-х гг. XIX в. перед русским языкознанием, как и перед западноевропейским того времени, встают новые задачи. В центре научных интересов становится изучение истории языков в сравнительном плане, сопутствуемое изучением народных говоров и постановкой теоретических проблем языкознания. Проблематика сравнительно-исторических, в широком смысле, и теоретико-языковедческих изучений увлекла целые поколения лингвистов. Вопросы нормализации литературной речи как научной проблемы отошли на задний план.

4. Работы Я. Грота, близкие по идее к вопросам научной нормализации литературной речи, не получили дальнейшего развития. Запросы общественности удовлетворялись отдельными работами описательного характера, регистрировавшими случаи неправильностей литературной речи, колебаний в ударении, в произношении и т. п. (Зеленецкий, Долопчев, Огиенко, Чернышев и др.). Научное изучение современного языка велось в описательно-теоретическом или историческом плане (ср. грамматики Богородицкого, Шахматова). Вопросы нормализации литературной речи, по мнению Шахматова, стоят за пределами научного языкознания. Эта точка зрения была господствующей и до сих пор не отвергнута до конца.

5. Советская эпоха вновь выдвинула идею нормализации литературного языка как научную проблему. Эта идея нашла свое отражение в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, в высказываниях академиков Л. В. Щербы и В. В. Виноградова.

6. Традиция пренебрежения к вопросам нормализации литературной речи привела к отсутствию у нас научно обоснованных критериев нормализации, к господству субъективных, вкусовых оценок, к выдвиганию преимущественно генетических критериев в оценке правильности речи.

7. Основой нормализации современной русской литературной речи должно явиться определение понятия нормы языка как ис-

торически изменчивой категории. Языковая норма, хотя бы и неосознающая, свойственна всем этапам и формам развития языков: и языку народности, и общенародному языку, и диалектам. Но о языковой норме в полном смысле этого слова, т. е. категории осознанной и фиксированной в общеобязательных правилах, можно говорить только применительно к эпохе формирования национального языка с сопутствующим этому процессу преобразованием литературно-письменной его формы. Поэтому то состояние, которое принял русский язык в период формирования нации, является главнейшим исходным моментом, определяющим нормы современной литературной речи.

8. Русский литературный язык со времен формирования национального русского языка прошел сложный путь развития. Ему известно на этом пути постоянное сосуществование явлений устойчивых, прошедших через века, с нормами отживающими и нарождающимися в процессе внутреннего развития, с явлениями, пришедшими извне, из-за пределов национально-общественной речи и часто нарушающими чистоту литературного языка. Поэтому не отдельные соображения о генезисе отдельных явлений, выходящих за исторические пределы национального языка, а изученные закономерности и тенденции развития национально-литературного языка, впитавшего, переработавшего в себе и преобразовавшего в новую систему материал предшествовавшего развития, должны лечь в основу современной нормализации.

9. Никакая нормализация не может до конца устранить колебания в литературной речи или обнаруживающиеся в ней неправомерности. Колебания в нормах — обычное явление живого развивающегося языка. Языковеды на основе изученных закономерностей и тенденций развития литературной речи, на основе изучения народно-лингвистических вкусов и народных оценок новых явлений должны указать пути разумной нормализации языка, пути сведения к минимуму всего того, что мешает языку быть совершенным средством общения.

10. Произносительная (орфоэпическая и акцентологическая), грамматическая и лексико-стилистическая сферы современной литературной речи по свойствам своей структуры требуют различного подхода к их нормализации при сохранении вышеуказанного общего принципа. Особо должен быть поставлен вопрос о принципах дальнейшего упорядочения орфографии.

11. Русская произносительная система (так называемое московское произношение), развиваясь, не претерпела никаких коренных изменений с тех пор, как она в основном сложилась в

процессе формирования национального языка. В дальнейшем, в особенности в советское время, ясно наметились взаимно связанные закономерности и тенденции этого развития: стремление к большей универсальности норм и устранению отступлений от них (например, в области безударных гласных); стремление к сближению произношения с написаниями в тех случаях, когда это сближение отражало нормы старого книжного произношения, вариантно существовавшего в литературной речи (например, произношение заднеязычных в исходе основы прилагательных, постепенное ограничение действия закона о смягчении согласных по ассимиляции, увеличение колебаний в произношении долгих согласных в заимствованных словах); стремление к усвоению вариантов, отражающих широкое народно-диалектное произношение (например, распространение долгого твердого *ж* на месте долгого мягкого). Тщательное изучение этих закономерностей и тенденций может дать возможность осуществить разумную нормализацию произношения.

Нормализация произношения даст возможность пересмотреть ряд вопросов, связанных с исторически оправданным сближением произношения и правописания.

12. Колебания в современном русском ударении вызываются, с одной стороны, столкновением в ряде случаев традиций народно-русского (северного и южного) ударения с традициями старого книжно-литературного ударения; с другой стороны, внутренним процессом унификации типов ударения, пересекающимся с процессом переноса ударения на значимую, коренную часть слова или словосочетания (если оно имеет одно ударение). Процесс унификации и процесс переноса ударения на значимую часть в случаях, когда они распространяются неоправданно широко, создают ошибочные (с точки зрения закономерностей акцентологического развития) ударения. Тенденция к упорядочению ударения в производных словах на основе семантико-морфологических ассоциаций значительно усилилась и должна быть уточнена при нормализации, поскольку она не противоречит историческим закономерностям развития русского ударения.

13. Колебания в употреблении грамматических форм — распространенное явление. Нормализация должна опираться на изученные закономерности и тенденции употребления их на протяжении периода существования национального языка. Упорядочение должно распространиться на регламентацию употребления дублетных форм, с уточнением их стилистической дифференциации, связанной иногда с лексико-фразеологическими условиями.

14. Вопрос о нормализации и стилистическом упорядочении

словоупотребления, в том числе правил сочетаемости слов и условий употребления фразеологических единиц, тесно связан с вопросом о лексических границах литературного языка. Историческая изменчивость и характер изменений лексических границ литературного языка определяются структурой словарного состава, включающего в себя два основных круга лексики, которые находятся в состоянии постоянного взаимодействия и перехода из одного круга в другой. Один круг — лексика номинативного значения, связанная с прямым названием явлений действительности. Упорядочение ее зависит от степени устойчивости или неустойчивости самих называемых явлений действительности и связывается с отбором предпочитаемых наименований из числа дублетных при идентичности последних. Второй круг — лексика оценочного, в широком смысле, значения, включающая в свою семантику то более, то менее выраженное социальное или эстетическое отношение общественности к явлениям действительности. В составе литературного языка любого исторического периода лексика этого круга многообразна по времени упрочения в литературном языке, по происхождению и поэтому богата изобразительно-стилистическими возможностями. Нормализация этого круга лексики в основном должна исходить из определения исторических закономерностей развития синонимических функций различных пластов этого круга лексики. Методы нормализации употребления словообразовательных дублетов — явления, распространенного в литературном русском языке, — представляя собою особую проблему, непосредственно связаны с определением принадлежности дублетов к тому или иному основному кругу лексики.

15. Круг вопросов, связанных с нормализацией литературной речи, здесь далеко не исчерпан. Задачи разумной и объективно оправданной нормализации всех сторон литературной речи требуют новых экспериментальных исследований и постоянных исследований состояния современной живой литературной речи.

Великая служба многим поколениям

Сергей Иванович Ожегов, доктор филологических наук, профессор, крупнейший советский филолог, специалист в области лексикологии, лексикографии, культуры речи, социолингвистики и истории русского литературного языка, один из основоположников современной теории лексикографии, впервые в советской рустистике определил тип научного однотомного толкового словаря русского языка и создал такой словарь. Однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова является первым и пока единственным кратким нормативным толковым словарем русского литературного языка, обращенным одновременно как к широким массам читателей, так и к специалистам по русской лексикологии и лексикографии. С выходом в свет этой книги советская лексикографическая теория и практика получила образец собственно научного и в то же время популярного словаря, по самому своему теоретическому основанию и структуре открытого для постоянных пополнений новыми словами и значениями и прочно занявшего свое собственное место в общей системе русских толковых словарей.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова вышел в свет в 1949 году. В составлении первого издания словаря принимали участие проф. Г. О. Винокур и В. А. Петросян. Словарь вышел под общей редакцией академика С. П. Обнорского. При жизни автора словарь выдержал 8 изданий: последнее прижизненное издание вышло в свет в 1964 году; авторская работа С. И. Ожегова над словарем завершилась 4-м изданием (1960 г.), издания 5–8-е были стереотипными. С 1965 г. работа над этим словарем ведется его ответственным редактором, членом-корреспондентом АН СССР Н. Ю. Шведовой, которая одновременно стала и соавтором этой книги, а применительно к вышедшему в конце 1989 г. 21-му изданию этого словаря — автором всего его основного корпуса. Под редакцией Н. Ю. Шведовой в 1972 г. вышло в свет 9-е издание этого словаря, исправленное и пополненное более чем 3000 новых слов и более чем 8000 значений; в 1973–89 гг. вышли в свет 10–20-е издания, отчасти стереотипные, отчасти с исправлениями и дополнениями. Общий тираж этого словаря сейчас превышает четыре миллиона экземпляров.

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова, начиная с его 9-го

издания, практически является эталоном для русской части двуязычных русско-национальных и национально-русских словарей языков народов СССР, а также для одноязычных национальных словарей. Этот словарь широко известен за рубежами нашей страны и обеспечивает потребности тех, кто преподает и изучает русский язык в других странах.

От издания к изданию вносятся в этот однотомный словарь все новые массивы слов, значений, фразеологизмов, грамматических сведений, отражающих живые процессы в современном русском языке, его развитие и обогащение. Так, по сравнению с последним прижизненным изданием в 21-е издание словаря, вышедшее в свет в 1989 г., включено большое количество новых слов. Это в основном или новые слова живой обиходной речи, появившиеся в последние десятилетия и закрепившиеся в широком употреблении, или научные, технические термины, также широко употребляющиеся среди специалистов, или слова общественно-политической сферы. Например, на букву Г в числе других включены слова: *газик, галактика, гандбол, гандболист, гангстеризм, гамма-излучение, гаревый, генетик, геноцид, геолого-разведчик, гены, гербициды, гермошлем, героин, гидропоника, гладиолус, глобальный, гляциология, гляциолог, голевой, гололед, гольф, гоппкомпания, горноспасатель, гравитация, гранула, грейпфрут, грибовар, грибоварня, грибовидный, гречка, грипповать, гуманитарный* и др.— всего 115 слов. На букву М добавлено 127 слов, на П — 545 слов и т. д. В последнее издание включено около 3500 слов, новых по сравнению с прежним составом словника.

Однако, учитывая значительно возросший объем словаря, в целях экономии места были исключены некоторые группы производных слов (типа *директорство, епископство* и др.), явно устаревшие слова (*бурнус, бювар* и под.), узкоспециальные термины (типа *газгольдер, ганглий, диабаз*).

Обновление и «осовременивание» состава словника осуществлялось на протяжении многих лет. Благодаря этому словарь оставался живым и актуальным. Существенно и то, что работа над «Словарем русского языка» ведется в направлении углубления его содержания и развития той лексикографической теории, которая легла в основу этой книги: словарные статьи, сочетающие в своей структуре доступность понимания и точность научного изложения, последовательно совершенствуются, обогащаясь фиксацией новых, зачастую еще ни одним из наших словарей не зафиксированных значений, организованных в соответствии с законами развития семантической структуры слова, его живой истории.

Углубляются сведения о деривационных возможностях слова, о его синтаксической и семантической сочетаемости и о его фразеологическом потенциале и окружении. В результате «Словарь русского языка» С. И. Ожегова постепенно превратился из популярного практического пособия в научный толковый словарь академического типа, по объему заключенной в нем информации о современном состоянии русской литературной лексики и фразеологии часто превышающий большие академические словари.

На основе 9-го – 20-го изданий словаря Н. Ю. Шведовой подготовлено его 21-е издание, исправленное и дополненное. Это практически новая книга: объем словаря вырос на 20 авторских листов, количество слов – на 13.000 (теперь их в словаре – 70.000), количество значений – приблизительно на 10.000, количество фразеологизмов – приблизительно на 2000 единиц. Каждая словарная статья заново обработана и расширена. Намного пополнился в словаре состав научной и научно-технической терминологии, сведения о которой приведены в полное соответствие с современными специальными энциклопедиями и справочниками. Обогащенный материал о русской идиоматике делает соответствующие разделы словаря достаточно полным фразеологическим сводом.

Надо сказать, что иллюстративная часть словаря, хотя и не претерпела принципиальных изменений, тем не менее также была обновлена. Везде, где это было целесообразно, примеры были заменены на более актуальные или на такие, в которых одновременно со значением слова показывается его современная сочетаемость. Новым является то, что стилистически окрашенные слова и значения, принадлежащие к живой, обиходной речи или к просторечию, часто иллюстрируются короткими фразами, а иногда и минимальными диалогическими единствами.

Система стилистических и оценивающих помет, разработанная С. И. Ожеговым, сохранена. Однако характеристики слов были пересмотрены в направлении большей унификации и приближения к современной норме. Так, помета «устарелое» в ряде случаев теперь сопровождается пометой «высокое»: это отражает активную сейчас тенденцию использования устарелой лексики в контекстах с окраской высоты, торжественности. В современной публицистике употребляются, казалось бы, такие архаичные выражения, как *серебряные чертоги*; *оспорить свой рок*, *свою участь*; *врачеватели земли*; *пламень отполыхал*; *морщины на челе времени* и под. За истекшее десятилетие многие просторечные слова вошли в разговорную речь носителей литературного языка; помета «просторечное» в этих случаях заменена пометой

«разговорное». При многих словах устранены пометы «книжное» или «специальное»; это тоже связано с заметными стилистическими перемещениями в лексике. Широко известно, что целые категории слов, еще совсем недавно принадлежавшие только книжной или специальным сферам, вошли в повседневную речь самых широких слоев народа. Принципы введения запретительных характеристик — весьма немногочисленных — сохранен как очень полезный в нормативном словаре.

Работа над «Словарем русского языка» и над многоаспектным научным описанием русского слова подвела Н. Ю. Шведову и возглавляемый ею научный коллектив к составлению «Систематизированного толкового словаря современного русского литературного языка». Этот монументальный коллективный труд, завершаемый в 1990 г., наглядно представляет русскую лексику как сложную иерархически организованную систему, внутреннюю устроенность всех ее подсистем, их взаимодействие и взаимозависимость. Впервые в науке здесь созданы исчерпывающие многоступенчатые лексические классификации, а словарный материал, расположенный по соответствующим классам и подклассам, предстает как сложно организованная целостность.

Выход в свет одностомного словаря С. И. Ожегова в истории советской филологии стал событием исключительной важности. Словарь получил высочайшую оценку современников, представителей самых разных слоев общественности. «Его подвиг никогда не забудется нами, и я верю, — писал К. И. Чуковский в статье „Памяти С. И. Ожегова“ — что созданный чудесный словарь сослужит великую службу многим поколениям советских людей».

Благодаря той активной деятельности по обновлению словаря, которую ведет член-корреспондент АН СССР Н. Ю. Шведова, он и по сей день удовлетворяет запросы читателей. И по сей день Сергей Иванович Ожегов — ученый новой формации, отдавший силы, знания и опыт современной науке, ее пропаганде и совершенствованию, является для каждого из нас советчиком и учителем в овладении русским литературным языком.

*Все материалы к 90-летию со дня
рождения С. И. Ожегова подготовлены
доктором филологических наук Л. К. Граудиной*

К 500-летию юбилею Франциска Скорины

Франциск Скорина и родной язык

Д. Д. Павловец

Начало XVI века в духовной и культурной жизни восточно-славянских народов ознаменовалось тем, что 6 августа 1517 года в чешской Праге «повелением и працею доктора Франциска, Скоринина сына с Полоцка», они получили первую печатную книгу — «Псалтырь». Книгоиздательская деятельность белорусского первопечатника дала мощный импульс развитию и распространению просвещения и науки в Белоруссии, Московской Руси и на Украине, положила начало новому этапу в развитии куль-

туры белорусского народа, его литературного языка, подняла их на новый, более высокий уровень, содействовала интенсивному развитию лингвистической литературы в конце XVI — начале XVII в. Это объясняется тем, что «родной язык в устах человека, особенно выдающегося, наделенного авторитетом учености», каким являлся Скорина, «был и с тех пор остался навсегда символом патриотической верности», любви к той местности, где родился и вырос, к тому языку, который впитал с молоком матери (Калеснік У. Тварэнне легенды. Мінск, 1987).

Такие деятели, как Франциск Скорина, никогда не пребывали в прошлом, они — в настоящем и будущем. Это удел тех немногих, кого Ф. Энгельс в свое время назвал «титанами мысли, гениями человечества». Имя Франциска Скорины, ярко вспыхнув на небосводе восточнославянского Возрождения, не затерялось на извилистых дорогах истории, не померкло в веках. Ныне на расстоянии столетий все явственнее осознается, что он был не просто одаренной личностью, а человеком талантливым, по глубине знаний сравнимым с энциклопедистами мировой величины. Франциск Скорина успешно окончил Краковский университет, блестяще выдержал испытания в Падуанском — в то время это были европейские центры просвещения. Сегодня, когда по решению ЮНЕСКО, отмечается 500-летний юбилей Франциска Скорины, особое значение приобретает всестороннее постижение его духовного наследия. «Это прежде всего вопрос жизнестойчивости на родине первопечатника-просветителя его высоких гуманистических идей, народолюбия, просветительства, преданности Родине, восхищения родным словом, справедливости, доброты, красоты» (Каўко А. Паходня абуджанай памяці // Літаратура і мастацтва, 1987, № 48). Общеизвестно, что деятельность Скорины, его идеи оказали исключительное воздействие на книжников XVI и последующих столетий: Сымона Будного, Ивана Федорова, Петра Мстиславца, Василя Тяпинского, Лаврентия Зизания, Мелетия Смотрицкого, Спиридона Соболя и др.

Поставив перед собой задачу сделать книгу доступной «людям посполитым русского языка», Франциск Скорина приводил на полях своих книг толкование непонятных слов средствами тогдашнего белорусского языка. В этом проявилось блестящее мастерство и тонкая наблюдательность Франциска Скорины-филолога, его умение обобщить и творчески использовать известные ему словарные тексты. Таким образом, он заложил первые кирпичики в фундамент белорусской лексикографии, вызвал интерес к словарной работе, нашедшей последовательное отображение во многих произведенных старобелорусской письменности.

Особенно плодотворно продолжили начинания Франциска Скорины в этой области Сымон Будный и Василь Тяпинский, использовавшие в своих трудах прием объяснения непонятных слов с помощью лексических единиц старобелорусского языка, делая это последовательнее и шире. Так, Сымон Будный пояснял непонятные слова не на полях, а непосредственно в тексте: *Катихисисъ слово есть греческаго языка, сказуется на словенскую речь оглашение или гласом учение; обрусъ, или скатертъ; совесь, или сумненье.*

В «Евангелии» Василя Тяпинского толкования непонятого слова на полях книги представляют переход от первых попыток описания письменных текстов к их лексикографической обработке. Переводчик «Евангелия» не только обеспечивал непонятные слова объяснениями, но и давал им широкие этимологические и текстологические толкования: *до ада снидеши — тоє слово ад еврейское, и тоє ж в греческом, значит нежло; статир, так некоторую монету звали греческую* и т. п. Объяснения Василя Тяпинского свидетельствуют, что он не только усвоил опыт Скорины, но и сам имел высокий уровень филологической подготовленности.

Правильно понимая первородную ценность родного языка, Франциск Скорина в предисловии к книге «Юдишь» восторженно и взволнованно писал о врожденности и наследственности человеческой любви к родному гнезду — Отчизне. Не случайно он подчеркивал, что печатает свои книги «наиболее с тоє причины, иже мя милостивый Бог с того языка на свет пустил». Продолжая мысль великого Просветителя, Сымон Будный в посвящении к «Катехисису» призывал руководителей государства любить и изучать не только польский, но и славный славянский язык, на «котором давные предки и их княжацкие милости панове, отца ваши» законы писали.

Вслед за Франциском Скориной и Сымоном Будным эстетическую ценность родного языка как основополагающего средства самовыражения народа, сохранения его истории, культуры осмыслил Василь Тяпинский. В предисловии к «Евангелию» он открыто, с болью в сердце писал о неуважительном, презрительном отношении к белорусскому языку отдельных представителей белорусской знати и высших слоев Великого княжества Литовского. Он горько сожалел о том, что над нашим некогда славным и ученым языком без всякой необходимости чинится насилие, что по примеру великих князей, панов знатных, и среди простого люда белорусского развивается чувство пренебрежения к нему.

К сожалению, этот крик души выдающегося патриота-просветителя не оказал существенного влияния на судьбу старобелорус-

ского литературного языка, не изменил отношения к нему со стороны правящих кругов феодального государства. Уже тогда польские паны начали приучать белорусов к историческому беспамятству, а потом эту «традицию» продолжали царские власти.

Лексикографический опыт Франциска Скорины, Сымона Будного, Василя Тяпинского стал основанием для создания первых систематизированных словарей в конце XVI века: «Лексисъ с толкованием словенских мов просто» (1581) и «Лексисъ сиречь речения въкратце събранны и из словенскаго на просты русский дыялект истъжкованы» Лаврентия Зизания (Вильно, 1596). Хотя Лаврентий Зизаний ничего не говорит об источниках своей работы, исследователи приходят к выводу, что в своем словаре он использовал и материалы Скорины. То же самое можно сказать и о словаре Памвы Берынды — «Лексиконъ славеноросский и именъ тлъкование». В послесловии к нему указывалось, что автор воспользовался толкованиями Максима Святогорца (Грека), Мануила Ритора, трудами своих предшественников, а также оставленными на полях книг записями. Отдельные из них полностью или с незначительными изменениями совпадают с пояснениями Франциска Скорины, сравним: *врегище — власеница, коноб — горнецъ, хлябим — продухъ водным, юг — ветръ полуденный* (Скорина); *врегище — власяница, конобъ — горнецъ медяный, хляби — продухи водным, ворота, гвалтовная вода, югъ — полудный ветръ, полуденная сторона, или полудне* (Берында). Важно иметь в виду, что Лаврентий Зизаний и Памва Берында не только использовали, но и значительно дополнили основные средства раскрытия значения слова, встречавшиеся у Франциска Скорины, Сымона Будного, Василя Тяпинского, новыми. Все это свидетельствовало о перспективности белорусского просветителя в области лексикографии и организации словарной работы.

Начатое Франциском Скориной книгопечатание, его просветительская деятельность плодотворно воздействовали на развитие грамматической мысли Белоруссии XVI — XVII вв., в значительной степени содействовали замене «текстологического» подхода к нормированию языка новым способом — «грамматическим» (термины Н. И. Толстого), т. е. вместо «книжного исправления» по образцу канонических рукописных текстов начали создаваться грамматики и словари, закреплявшие определенные языковые нормы. Наивысшего развития этот подход достиг с появлением грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого, словарей Лаврентия Зизания и Памвы Берынды.

Какое же содержание вкладывали Франциск Скорина, Лаврентий Зизаний, Мелетий Смотрицкий в понятие «грамматика»?

Франциск Скорина утверждал, что грамматика — это, «по руски говорячы, грамота, еже добре чести и мовити учить»; Лаврентий Зизаний видел в ней «известное вежество, еже благо глаголати и писати» наставляет; Мелетий Смотрицкий утверждал, что это — «известное художество», которое научит «и читати по Славенску, и писати розделне, и чтюмө вырозумевати лацно». Отсюда следует: все трое представляли грамматику как вид искусства и одновременно науку о правильном письме, чтении и речи. Известно, что Франциск Скорина отводил грамматике главное место в изучении «семи свободных наук». Развивая этот тезис, Лаврентий Зизаний подчеркивал то, что грамматика является ключом, открывающим дорогу к разуму, сравнивал ее с лестницей, по ступенькам которой каждый, если захочет, достигнет высот науки. Он недвусмысленно высказывался в поддержку Франциска Скорины, утверждавшего, что ведущая роль среди других «свободных наук» принадлежит грамматике, ибо без помощи грамматики невозможно изучить риторику и словесность, философию и богословие. Таким образом, в общей системе духовных ценностей того времени Лаврентий Зизаний считал филологическую образованность (точнее — знание грамматики) очень важной и подчеркивал тем самым высокий авторитет словесных наук, сочетавшихся с философией и богословием.

Стремясь совместить светское и религиозное образование, белорусский просветитель писал, что в Библии содержится «научение седми наук вызволенных достаточное», поэтому он рекомендовал изучать грамматику по Псалтыри, логику — по Книгам Святого Иовы и Посланиям Святого Апостола Павла, риторику — по Книгам Соломона и т. д. Мелетий Смотрицкий полностью поддерживал идею Франциска Скорины об изучении грамматики по книгам священного писания. Несомненно, они оба были не только хорошо знакомы с произведениями Франциска Скорины, знали его высказывание о роли Библии в изучении «семи свободных наук», в частности грамматики, но и творчески разрабатывали и углубляли этот тезис в соответствии с требованием времени и процессом распространения ренессансной культуры в восточнославянском регионе.

Для историков важно то, что Лаврентий Зизаний и Мелетий Смотрицкий вслед за Франциском Скориной признавали сосуществование в Белоруссии двух языков (церковнославянского и «простого русского» — белорусского), последовательно разграничивали их, ссылаясь на особенности последнего в многочисленных исключениях из правил, и использовали его для более полного описания особенностей церковнославянского. Это сообразуется с

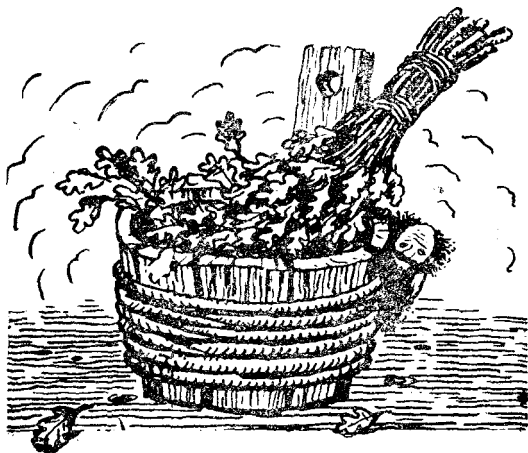
тем, что употребление «простого языка» стало возможным для высоких сфер культуры, науки, религии, и свидетельствует о его авторитете как средства общения в Великом княжестве Литовском. Это было закреплено в Статутах 1566 и 1588 гг., настоятельно рекомендовавших составлять все документы только на «простом языке». Таким образом, признавалось равноправие родного языка как средства создания культуры наравне с языками других народов, подчеркивалась его роль в национальной консолидации белорусов.

Значительный вклад в этот процесс внес Франциск Скорина, чья гуманистическая, культурно-просветительская и книгоиздательская деятельность, лингвистический опыт подготовили условия для создания первых систематических словарей и грамматик, содействовали активному развитию филологической науки у восточных славян. Этому прежде всего требовало широкое распространение книгопечатания, у истоков которого стоял Франциск Скорина и которое нуждалось в нормированном языке, общеобязательных правилах правописания, грамматики, стабильных лексических средствах. Деятельность выдающегося просветителя имела огромное значение в борьбе за сохранение эстетических ценностей родного языка, поднятие его престижа и расширение функциональных возможностей. Отношение к родному языку стало для Франциска Скорины и его последователей мерилом национальной принадлежности человека. Они пробуждали в нем решимость бороться за возрождение родины и народа, содействовали росту национального самосознания.

Избрав подвижническое служение «людям посполитым простого языка», Франциск Скорина стремился к тому, чтобы оставить в «науце и в книгах вечную славу и память свою». И на этом поприще он достиг наибольших успехов. Благодарные потомки не забыли своего выдающегося земляка, свято чтут его память, черпают из его книг вечный огонь мудрости и по праву считают Франциска Скорину воплощением национальной гордости и славы.

Гомель

Из Этнолингвистического
словаря
славянских древностей

БАНЯ

Баня (из лат. *balneum*, греч. *βάλνεϊον* «теплая ванна, баня»), белор. *лазня* — «паровая, русская баня, строение или покой, где моются и парятся, не просто в сухом тепле, а в пару» (Даль). Существенная часть бани — каменная печь, на которую плещут водой для получения пара. В таком виде баня распространена у восточно-финских и балтийских народов, а также у русских и белорусов.

Баня обычно представляет собой деревянное строение; более старой формой является баня-землянка, встречающаяся в Белоруссии (Гродненская обл.), в Псковской обл., а также на средней Волге и в Оренбургской обл. Кроме мытья, баня используется для хозяйственных нужд, для сушки и обработки льна (Белоруссия, рус. север). Обрядовые функции бань многочислен-

ны — баня фигурирует в свадебных, родинных и похоронных обрядах, в народной медицине, в гаданиях.

Для отношения к бане характерна почтительность, повышенное уважение. Входя в баню, просили разрешения «помыться, попариться, на здоровьице поладиться» (Пинега), при выходе благодарили баню: «Лазенька, паренька! Тебе на стаянныя, а мне на здаровья!» (Белоруссия, аналогично на Пинеге) или банного духа: «Спасибо те, байнушко, на парной байнечке!» (Пинега). В бане следовало вести себя тихо: нельзя было громко говорить, ругаться, хвастаться. С другой стороны, баня считалась нечистым местом. В ней не вешали икон, не делали крестов страстной свечкой. В баню нельзя было ходить на праздник. По некоторым сведениям, идя в баню, крест (а иногда и пояс) следовало оставлять дома или в предбаннике; по другим — наоборот, человека, случайно снявшего в бане крест, чуть не забило до смерти венниками (Пензенская губ.), поскольку крест оберегал от банной нечисти. По той же причине, входя в баню, следовало перекреститься снаружи, перед входом.

На месте бани нельзя было строить дом: одолеют клопы, мыши прогрызут одежду, подохнет скот. В бане нельзя есть: «выть (аппетит) потеряш» (Пинега). После бани следовало ополоснуться колодезной или проточной водой. Банные сосуды тоже считались нечистыми.

Демонические существа. В бане могут появляться различные духи. Преимущественно там хозяйничает *банник* (*баенник*, *баенной*, *байнушко*, белор. *лазник*). Банник живет за каменкой или под полком. В д. Будагоща записано поверье, что банник появляется в бане только после того, как там побывает роженица. Банник невидим или показывается в виде старика; голого старика, покрытого грязью и листьями от веников (Вологодская губ.); веника и угля (Пинега). Для банника характерны следующие действия:

1. Моется в бане; ему следует оставлять воду, мыло и веник, иначе он брызжет кипятком, кидает раскаленные камни, выпускает угару. «Хрещеный на полком, нехрещеный с полка», — говорит в Смоленской губ., входя в баню.

2. Пугает проходящих, прикидываясь человеком.

3. Не любит, когда в баню приходят поздно — ночью или после двух (или трех) смен парящихся. Пришедших в это время душит или сдирает с них кожу.

4. Обменивает оставленного ребенка.

Про банника рассказывают также, что тем, кто, гадая, сует руку в окно бани, он может сковать пальцы железными кольца-

ми (Вологодская губ.), что он не любит тех, кто моется не в бане, а в печке, и может напустить туда угару. Чтобы задобрить банника, ему в новую баню приносят хлеб и соль (Владимирская губ.), хоронят под порогом новой бани задушенного черного петуха или курицу.

Те же основные действия характерны для *обдерихи* — банного духа в женском облике. Обдериха встречается вместо банника на Пинеге; выглядит как лохматая, страшная старуха, иногда голая. Она живет также под полком; если ей не оставить воды и мыла, плещет кипятком, душит угаром; подменяет оставленных без присмотра детей; пугает, обернувшись лежащей девкой; но может и защитить, спрятать от мертвецов, злых духов.

В бане встречается также *шишига* — женское демоническое существо. В Саратовской губ. шишига имеет отвратительный вид и может запарить человека до смерти. Во Владимирской губ. шишига принимает образ знакомой или родственницы, показывается тем, кто приходит в баню без молитвы, и зовет с собой париться. Есть свидетельства о появлении в бане домового хозяина и домово́й хозяйки — в Смоленской губ., им в бане оставляли воду и веник, «чтобы коровы были молочны».

Из свадебных обрядов, связанных с баней, известны: баня невесты, баня жениха, свадебная баня.

Баня невесты (девичья, подвенечная баня). Посещение невестой бани происходит в день накануне свадьбы, перед началом девичника. Оно означало прощание невесты со своим девичеством, символами которого служили: коса, называемая также *вольной волюшкой* и разноцветные ленты в косе, а также головная повязка (*красная красага* или *краса*, иногда *воля*). В качестве бани для невесты выбирали баню, далекую от дома, чтобы дорога к ней была длинной (Нижегородская губ.). Накануне мытья баню чистили и украшали ветками. Вечером или утром в день бани девушки приходили к жениху и получали от него банный подарок для невесты: кусок мыла и банный веник. Топили баню подружки невесты. При этом они гадали о характере жениха, свекра и свекрови, опуская в ушат с водой раскаленные камни и слушая, как они шипят. Затем девушки звали невесту в баню. После этого в избе происходило расплетение косы невесты (*отнятые воли*). В некоторых местах косу расплетали только в бане. Прежде чем идти в баню, невеста приглашала туда своих родителей. Отец и мать нигде не принимали этого приглашения. В Кирилловском у. Вологодской губ. мать невесты завязывала в скатерть хлеб-соль и держала узел над головой дочери, пока та

шла к двери. На пороге мать вынимала из узла хлеб-соль и закрывала невесте голову и лицо скатертью.

В баню отправлялись торжественной процессией; брат невесты мог идти впереди с иконой, а за ним шла крестная мать, которая венником «разметала дорожку». По дороге невеста причитала. Поскольку баня считалась опасным местом, перед входом в баню невеста молилась и крестилась, а также кланялась на все четыре стороны. В Кирилловском у. невесте не давали переступить через порог, а вносили ее в баню на спине — «чтобы муж и свекровь были добрые». Если невеста входила сама, она могла убежать в парильню и облить водой входящих девушек. Считалось, что та, на кого попадет вода, первой выйдет замуж.

Перед мытьем происходило расплетение косы.

Во время мытья подруги невесты хлестали ее венником, спрашивая имя и отчество ее суженого (Нижегородская, Тверская губ.). Отвечать слишком скоро считалось неприличным, так как подруги невесты могли разнести по деревне, что она «рада была, что выходила замуж» (Симбирская губ.). Невеста тоже хлестала девушек венником; считалось, что та, кого она ударила первой, выйдет замуж еще в этом году (Череповецкая губ.). На Пивнеге после мытья все венники складываются на печь, и девушки трогают их; та, что прикоснется к веннику невесты, в том же году выйдет замуж.

В Петрозаводском у. Олонецкой губ. девушки умывались водой, которой мылась невеста, чтобы нравиться парням.

После бани невесту обливали холодной ключевой водой из трех разных мест — для защиты от злых сил и для того, чтобы смыть «девическую шалость» (Тверская губ.).

Отправляясь домой, невеста благодарила баню, но чаще проклинала ее за то, что в бане она смыла с себя *волю* и *красоту*.

Дверь в избу обычно оказывалась закрытой; невеста просила находящихся в избе пустить ее; родители открывали дверь и встречали невесту угощением. После этого начинался девичник.

Баня жениха. Наряду с баней невесты развился обряд бани жениха, главным образом на русской территории. Жених мылся вечером накануне венчания (в *парничник*, *парневик*, *мальчишник*, *вечерину жениха*) или только с дружкой, или также с другими приятелями. Скупые сведения об этом обычае в достоверном виде представлены с середины прошлого века, и только в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Тверской и Псковской губ. С баней жениха не было связано особых церемоний. После бани известны обряды со сковородой и символическая стрижка жениха. В Псковской губ. дружка ставил на пол скво-

роду, клал на нее три камня и к ней топор и трижды обходил вокруг нее с заговором. Заговор кончался словами: «Как эти камни рассыпались, так наши злодеи рассыпятся!» При этом дружка разбивал камни обухом. Свадебный обряд со сковородой известен также у белорусов: перед тем, как ехать за невестой, жених встает на сковороду, его спутники встают вокруг него и ставят на сковороду правую ногу; затем они целуют икону, причем дружка говорит: «Ну цалуўця Божае міласердзіе, шчоб стаць друг за друга, брат за брата, за едзіную крoві каплю!» Стрижка жениха заключалась в том, что после бани жениху чесали волосы и срезали с них прядь.

Свадебная баня (княжья или княжеская баня) — мытье молодых в бане утром второго дня свадьбы. Первые письменные известия о свадебной бане относятся к 1495 году (свадьба Елены Ивановны, дочери Ивана III, с вел. кн. Литовским Александром). До начала XVIII века свадебная баня была у всех сословий, в том числе у царей. Последние сведения о свадебной бане относятся к 20-м годам XX века.

В описании царской свадьбы у Котошихина (XVII в.) сообщается, что после брачной ночи для царя и царицы приготовлялись «мыльни разныя». Пока молодые моются в бане, мать царицы, сваха и другие «ближняя жены» осматривают царицыну сорочку и простыни, показывают их матери царя и прячут. Царь возвращается из бани раньше и идет к заутрене. После окончания службы царица встречает царя и его свиту и дарит «мыльные дары» — белье — своему мужу, а также всем, кто ее поздравляет.

О свадебной бане бояр и людей низших сословий сообщает, что «на утрѣе женихъ и невѣста ходять въ особые бани». Котошихин указывает, что посещение церкви рассматривается как грех, если после брачной ночи не ходили в баню или просто не мылись. Это «не токмо царю и царицѣ, но и простымъ людемъ запрещено».

В Домострое (XVI в.) описана баня для новобрачного на 2-й день свадьбы, причем тесть посылает ему богатые дары: «сорочка, порты, поясъ с мошною, в мошнѣ золотые, нижней пояс, ногавицы, ичетыги, башмаки, зипун, шуба нагольная, шапка черевья». Новобрачную «в мыльню не водят», а умывают в сеничке. Новобрачный мылся в бане и на следующее утро, т. е. на 3-й день свадьбы. Тесть снова посылал ему дары, но на этот раз «полегче тѣх».

На русском севере был обычай давать молодым после бани хлеб *банник*. Его пекли накануне свадьбы, утром крестная мать

зашивала банник в скатерть вместе с двумя ложками; мать невесты благословляла банником жениха и невесту, отправляющихся к венцу. Другка брал банник для освящения в церкви, а затем приносил его в новый дом невесты. Банником могли также благословлять невесту, когда она шла в баню накануне свадьбы.

Вместо бани иногда фигурировало умывание молодых. Свадебная баня, видимо, заменила у великорусов распространенный у славян и у других индоевропейских народов обычай ходить к реке или к колодцу и умываться там.

В заключение свадьбы иногда устраивали шуточную баню. Топили ее старыми вениками, стараясь напустить как можно больше дыма; везли туда на бороне сначала свекра и свекровь, потом молодых — с криком «присохло!», чтобы молодые поцеловались. В бане не мылись, только толкали молодых в дым (Пинега).

Гадания в бане связаны с баней невесты, либо приурочены к календарным праздникам — святкам (канун Нового Года или Крещенья), Иванову дню. На святки гадают в основном девушки о женихе. Наиболее распространенное гадание таково: подходят снаружи к двери бани, или к челу каменки, задрав юбки, или суют руку в дымник: если банник прикоснется мохватою рукой — к богатству (жених богатый), голой — к бедности, к несчастью. Сыплют также кучки пепла около печи; делают это, сняв крест. Если наутро на кучке след сапога — жених богатый, лаптя — бедный, кнута — сердитый. Кидают землю из-под девяти колев забора на каменку с приговором: «Байничек девятиугольничек! Скажи, за кем мне быть замужем?» Распространено и такое гадание: девушка ставит в бане на столе два прибора, садится спиной к столу, наводит зеркало на приборы и говорит: «Суженый ряженный! Приди ко мне ужинать».

На Иванов день гадают так: моются в бане с новым венцом, бегут на реку, окунаются и бросают в реку веник; утонет — к смерти, поплывет — еще год проживешь (Пинега).

Е. Э. Вудовская

ОРЕШЕК ИЛИ ШЛИССЕЛЬБУРГ?

Проблемы восстановления исторических названий

Е. М. Поспелов,
доктор географических наук

Невозможно переоценить значение развернувшегося в нашей стране широкого общественного движения за восстановление исторических названий городов. Список таких названий опубликован в «Русской речи» (1989, № 5). Поддерживая идею этого списка, считаю необходимым заметить, что возвращение городам исторических названий не может быть просто административным актом отмены последнего переименования, а в ряде случаев требует предварительного обсуждения с учетом исторических и топонимических данных. Прежде всего это относится к тем городам, которые и в прошлом, до последнего переименования, в разное время имели различные названия. В таких случаях закономерны вопросы: какое из ранее существовавших названий должно быть восстановлено? Чем следует руководствоваться при выборе: возрастом названия, продолжительностью его употребления, известностью или каким-либо другим признаком? Ответы на эти вопросы могут быть разными, но, очевидно, выбираться они должны не путем голосования по принципу «нравится — не нравится».

Примером города, имевшего до последнего переименования два одновременных названия, может служить *Петрокрепость*, которому одни предлагают вернуть *Орешек*, другие *Шлиссельбург*. Которое же из этих наименований следует восстановить? Новгородское название *Орешек* употреблялось в 1323–1611 гг., а петровское *Шлиссельбург* в 1702–1944 гг. (Географический энциклопедический словарь. Географические названия. 1989). По возрасту и продолжительности использования первое место занимает *Орешек*. Но известность этих названий не сравнима, и преимущество явно на стороне *Шлиссельбурга*, который как «ключ-город», а затем как крепость-тюрьма, в которой содержались многие знаменитые узники, получил действительно широкую известность.

Однако главное в этой проблеме — ее мемориальный аспект. Название *Шлиссельбург* присвоено Петром I и служит яркой приметой его эпохи, когда, «прорубая окно в Европу», он от истока Невы до ее устья и далее по берегу Финского залива внедрил ряд названий западноевропейского типа — шведско-немецко-голландские *Шлиссельбург*, *Санкт-Петербург*, *Екатерингоф*, *Дудергоф*, *Петергоф*, *Ораниенбаум*, *Кронштадт*, *Ямбург*.

К нашему времени из этой цепочки названий сохранилось лишь *Кронштадт*. Судьба остальных различна: *Санкт-Петербург*, дважды сменив наименование, стал памятником совсем другой эпохи; *Екатерингоф* и *Дудергоф* поглощены Ленинградом; *Ораниенбаум* и *Ямбург* переименованы ради увековечения памяти о Ломоносове и Кингисеппе, а *Шлиссельбург* и *Петергоф* переименовывались без мотивировки, очевидно, как немецкие. Таким образом, с 1914 по 1948 год топонимическая память об истории России начала XVIII века была практически полностью разрушена. Чтобы в какой-то мере спасти положение, представляется необходимым, прежде всего, восстановить названия городов *Шлиссельбург*, *Петергоф*, *Ораниенбаум*, а во внутригородской топонимии Ленинграда должным образом представить *Екатерингоф* и *Дудергоф*.

Если считать допустимыми некоторые исправления восстанавливаемых названий, то хотелось бы видеть вместо онемеченного *Петергоф* употреблявшееся при жизни Петра *Питергоф*. Ведь и в названии новой петровской столицы именной компонент в течение первых 20 лет ее существования чаще писался *питер*, чем *петер*, что и обусловило широкое распространение неофициального названия города *Питер*. Да и сам Петр I многие письма подписывал именем *Питер*.

В один топонимический ряд с рассмотренными петровскими названиями входит и *Ораниенбург (Чаплыгин)* в Липецкой области. Говоря о восстановлении взамен *Чаплыгин* исторического названия этого города, обычно останавливаются на форме *Раненбург*, утвержденной при образовании уездного города в ходе екатерининской административной реформы. Но ведь этой искаженной форме, официально употреблявшейся почти 170 лет, предшествовало присвоенное Петром I название *Ораниенбург*, бывшее в ходу в 1702–1779 гг. Возникновение этого города, как и *Ораниенбаума*, связано с поместьями А. Д. Меншикова. Их немецкие названия могут быть переведены как «апельсиновый город» и «апельсиновое дерево». В популярной литературе присвоение таких наименований обычно связывают с тем, что в оранжереях этих городов выращивались апельсины. Такое толкование допу-

стимо, хотя своей прямолинейностью оно слишком похоже на «кабинетную этимологию». Следует учитывать, что эти названия могли быть известны Петру и Меншикову по их путешествию в Европу: *Ораниенбург* есть севернее Берлина, а *Ораниенбаум* южнее его, то есть могло быть просто заимствование немецких названий, возможно и связанных с наличием оранжерей. Поэтому, отказываясь от названия *Чаплыгин*, лучше бы принять не искаженное бессмысленное *Раненбург*, а действительно историческое, являющееся памятником петровской эпохи *Ораниенбург*.

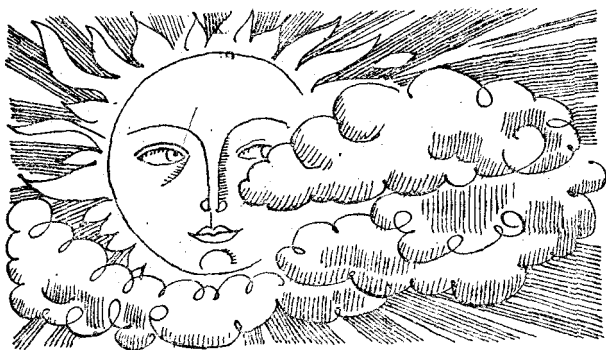
Отказ от *Орешка* в пользу *Шлиссельбурга* не означает пренебрежительного отношения к допетровским русским названиям. С их помощью следует отметить крайние точки продвижения русских. На Карельском перешейке, на берегу Ладожского озера таким форпостом новгородцев была *Корела*. Это название совершенно правильно и предлагается восстановить вместо безликого *Приозерск*. На этом же перешейке, но уже на берегу Финского залива, требует замены и название *Приморск*. Как установлено, еще до XIII века на месте города существовало новгородское поселение *Березовое*. Это название и следовало бы восстановить, тем более, что наименование *Приморск* носят в стране пять городов и поселков городского типа, а городских поселений *Березовое* или *Березовск* (что более обычно для названия города) нет ни одного. К тому же, *Березовое* хорошо бы сочеталось с названием лежащих напротив города *Березовых островов*. Наконец, на южном берегу залива целесообразно восстановить старое русское наименование *Ям* (ныне *Кингисепи*), которое вместе с сохранившимися *Копорье* и *Ивангород* показывало бы цепочку русских крепостей в этом районе.

Внимание общественности привлекает и восстановление исторического названия города *Загорск*, который входит в число городов, имевших в прошлом два официальных наименования, — *Сергиевский посад* и *Сергиев* и неофициальное *Сергиев посад*. Для обоснования выбора названия, которое должно сменить *Загорск*, рассмотрим историю формирования ойконима. Начало городу положено в процессе административной реформы XVIII века, когда был подписан закон от 22 марта 1782 года «Об учреждении для живущих в слободах ведомства Коллегии эконмии близ Свято-Троицкой Сергиевской лавры посада под именем Сергиевского». Таким образом, из подмонастырских слобод учреждался не *город*, а всего лишь *посад*. По административной терминологии, принятой в Российской империи того времени, *посад* — это «торгово-ремесленное поселение» или, по современной терминологии, — «поселок городского типа», то есть кандидат в города.

Претендовать на превращение в *посад* могло любое село, имевшее соответствующее развитие. Так, в 1844 году в Московской губернии из села Вохны и смежных с ним четырех деревень был образован посад под общим названием Павловский; в 1856 году на базе чувашского села Сундырь со смежными деревнями основан *Мариинский посад* и т. д.

Со временем посады превращались в города, а судьба термина оказывалась различной: посады *Каргополь*, *Колпино* стали городами *Каргополь*, *Колпино*; *Павловский посад*, *Мариинский посад*, став городами, получили названия *Павловский Посад*, *Мариинский Посад*. *Сергиевский посад* преобразован в город в 1919 году. Но присваивая новое, «городское» название, очевидно, исходили не из официальной формы, — тогда бы был *Сергиевский Посад*, а из неофициальной, в результате чего термин *посад* был отброшен, и город получил наименование *Сергиев*.

Представляется, что это было наиболее удачное название за всю историю города: короткое и четкое, без ненужных псевдоисторических добавок, причем по форме как бы присвоенное непосредственно в честь Сергия Радонежского (в действительности, как показано выше, наименование города опосредствовано через название монастыря и посада). Связь названия города с именем преподобного Сергия казалась настолько очевидной, что его в 1930 году, наряду с двумя другими «религиозными» наименованиями — *Богородск* и *Воскресенск*, сочли необходимым устранить. Так на карте Подмосковья появились *Ногинск*, *Истра* и *Загорск*. Заменяя это название, конечно, правильное принять форму *Сергиев*, а не *Сергиевский* или *Сергиев Посад*, как это предлагается в упомянутом выше списке городов.

«Ты солнце в выси мне застишь...»

Ж. Ж. Варбот,
доктор филологических наук

Толковые словари современного русского языка включают в свой состав глаголы *застить* «заслонять, загораживать» и *заститься* «заслоняться, загораживаться» (см.: Словарь современного русского языка; Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова; С. И. Ожегов. Словарь русского языка). Но всегда эти слова сопровождаются пометой «просторечное». Действительно, в докладе, в статье обычно говорят и пишут, что какие-то (мелкие, узкие) соображения, факты *заслоняют*, *закрывают* важность, сущность явлений и т. д. И лишь дома, может быть, докладчик скажет: «Не *заст* мне свет». Однако, будучи неуместным в официальной, деловой речи, слово *застить* (ся) имеет свой, особый колорит, оттенок, отличающий его от синонимов *заслонять* (ся), *загораживать* (ся) и не исчерпывающийся просторечностью. Особенно ощутимо это в поэтической речи. Например, *заститься* так естественно и выразительно-просто (действительно просторечно!) в тоскующей речи Цветаевой, вспоминающей о крестьянской России:

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба *заст*ится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...
«Русской ржи от меня поклон...»

Но ведь это же слово звучит и в величальном цикле, посвященном Ахматовой:

Ты солнце в выси мне застишь,
 Все звезды в твоей горсти!
 Ах, если бы — двери настежь —
 Как ветер к тебе войти!

Смысловая и эмоциональная гибкость слова побуждают считать его исконно русским и древним, но вопрос о его происхождении до сих пор не решен однозначно.

Преобладает версия об образовании *застить* от сохранившегося в говорах слова *стень* «тень», однако при таком толковании затруднительно объяснение звуковых изменений; поэтому данное мнение излагается в этимологических словарях с оговорками, как и в отношении соответствующих глаголов в украинском и белорусском языках: укр. *застити* «закрывать, заслонять» и белор. *засціць* то же (см. об этимологии этих глаголов: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка; Этимологічний словник української мови. Т. II. Київ, 1985; Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 3. Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1985).

Судя по родству русского *застить*, украинского *застити*, белорусского *засціць*, этот глагол должен восходить к древнерусскому языку, общему предку трех восточнославянских языков. Но в древнерусских текстах это слово не обнаружено. Есть, однако, и другой путь к истокам старого слова. Это русские говоры. Здесь часто сохраняются древние формы и значения слов, которые очень существенны для выяснения родственных связей слов литературного языка, но утрачены литературным языком. Представляется, что диалектные материалы могут помочь и в решении вопроса о происхождении *застить*.

В вологодских, калужских, рязанских говорах засвидетельствован в значении «загораживать, заслонять» глагол *заста́ть*, например: Мне застали все, я ничего не видел. Застань его, чтобы не заметили (Словарь русских народных говоров, далее — СРНГ). В том же значении употребляются и производные от *заста́ть* глаголы: *застава́ть*, *застава́вить* (там же). Происхождение их очевидно: все это производные от *ста́ть*, ведь *заста́ть* «загородить» — это буквально «встать так, чтобы источник света или что-то другое — объект внимания — оказался за тобою». И в говорах чешского языка глагол *zastavěti*, производный от *stati* (F. Št. Kott. Česko-německý slovník. D. V. Praha., 1886, s. 268) употребляется в значении «закрывать, заслонять». Следовательно, это достаточно обычное развитие значения для глагола *ста́ть*. Представляется,

что русские глаголы *застать*, *заставать* «заслонять, загораживать» и послужили базой для возникновения слова *застить*.

Сопоставление *застить* с *застать* обнаруживает изменение корня: при корне *ста-* в *стать*, мы можем в *застить* отнести к корню лишь *ст-*, корень как будто усечен. Подобные преобразования корней известны в истории языка: они обязаны своим происхождением процессу так называемого морфологического переразложения, когда забвение родственных связей слова приводит к перемещению морфологической границы между корнем и суффиксом, так что корень сокращается в пользу суффикса. Например, в глаголе *зевать* корень *зе-* имел старый звук *ять* — *ѣ*, который и дал потом *е*, никогда не переходившее по законам исторической фонетики в *ѣ*. Поэтому у нас сохранился *зев* (как *лес*, *вес*, хотя мы говорим *нѣс*, *тѣс*). Но в глаголе *позевывать* звук *е* перешел к суффиксу (аналогично другим глаголам с суф. *-ѣвывать*: *поклѣвывать*, *поплѣвывать*), и соответственно стало произноситься *ѣ*: *позѣвывать*, что, собственно, и является доказательством происшедшего переразложения. Такой же процесс морфологического переразложения изменил и осознание структуры глаголов *застать*, *заставать*. Возможно, повлияла многочисленность глаголов с суф. *-ать* и *-авать*, так что граница корня и суффикса стала осознаваться как *заст-ать*, *заст-авать*. Свидетельствами (и последствиями) процесса переразложения являются диалектные воронеж. *зѣста* (в котором *а* — уже окончание) «о том, кто загораживает свет» (СРНГ) и *зѣстовать* «заслонять» (ярослав., волог., олонец., арханг., перм., вят. и т. д., СРНГ). Образованием такого же типа (возможно — и производным от *зѣста*) является глагол *зѣстить*.

Русская лексика дает косвенное подтверждение этого толкования происхождения глагола *застить*: в том же этимологическом гнезде глагола *стать* представлены образования с приставкой *на-*, которые структурно (а некоторые — и семантически) параллельны рассмотренным выше словам с приставкой *за-*. Сравните: *настать* — *наст* «обледеневшая поверхность снега» — курган. *на́стовать на своем* (СРНГ), при литературном *на́стовать на своем*, — и даже тамб. *на́стить* «заслонять свет» (СРНГ).

На каких бобах нас оставляют?

В. М. Мокиенко,
доктор филологических наук

Да разве ты не знаешь, что такое
«оставить на бобах»? Ничего не
дать Машеньке, — вот и вся недолга.

Лесков, *Обойденные*

Как видим, для героя Н. Лескова вопрос о смысле выражения *оставить на бобах* затруднения не составляет. Без всяких сомнений отвечают на него и историки, и популяризаторы русского языка. Обычно его соотносят с оборотами *бобы разводить* и *гадать на бобах*, а тем самым — и с гаданием «на бобах». Суть такого гадания — в бросании бобов на особые таблички с надписями. Если боб падал на слово «счастье», значит дела того, кому гадали, будут благополучны, если же — на надпись «смерть» — надо было готовиться к самому плохому концу. Соотнося выражение *оставить на бобах* с явно «гадательными» оборотами *бобы разводить* и *гадать на бобах*, Э. А. Вартаньян, однако, оговаривает, что оно, «вероятно, связано уже с какой-то старинной азартной игрой, в которой бобы играли роль косточек» (Вартаньян Э. А. Из жизни слов).

Характерно, что при таком толковании интерпретаторы исходят из обобщенного значения фразеологизма как характеристики «неудачи». Действительно, он и означает «оставлять или оставаться без чего-либо, на что очень надеялся или рассчитывал» и в этом отношении семантически смыкается с фразеологизмами *оставлять (оставаться) с носом*, *оставаться при пиковом интересе*, *оставаться ни с чем*. Эти синонимы чаще всего характеризуют не просто оставление кого-либо без чего-либо, а лишение кого-либо чего-либо посредством обмана, надувательства, одурачивания.

В употреблении нашего оборота о бобах есть, действительно, и такой «обманный» оттенок:

«А вот Дубрава и Жаркий прошли... Остался я на бобах. Меня здесь на пристанях хозяйством ворочать назначили» (Ост-

ровский Н. Как закалялась сталь); «— Попытаюсь оставить Карпена и Кибирева на бобах — переманить большую часть дружинников к нам» (Седых К. Даурия); «Лесниковой дочке счастье в руки шло, а Катюшка, самая пышная из всех низинковских девок, осталась „на бобах“. Красноармеец пошел проводить Ксену» (Караваева. Лесозавод).

Большинство употреблений, однако, имеют иной акцент, чем оборот *оставить (остаться) с носом*. Чаще всего наше выражение подчеркивает чисто материальные потери, понесенные кем-либо. Речь идет о лишении чего-то самого необходимого, жизненно важного: «По его словам, в Москву он приехал из Ярославля с матерью; мать умерла, и он остался на бобах» (Чехов. Письмо Л. Н. Трефолеву 14 апреля 1888 г.); «Теперь она на бобах и осталась.., пришла и просит, чтоб ей дали место кастелянши» (Писемский. В водовороте).

Для понимания исходного смысла нашего выражения также очень важны его варианты, которые подчеркивают именно материальный, «продовольственный» план — *сидеть на бобах, сесть на бобы, сесть на бобах*: «Все имевшееся у меня я ухлопал на семью и теперь сижу на бобах» (Чехов. Письмо Д. Т. Савельеву 4 сентября 1884 г.); «— С весны так строили дело, чтобы не сесть на бобы зимой. Потому и совещания свои называли „зимними“,— больше не думали о зиме» (Фурманов. Мятаж).

Такие контексты, как видим, мало дают ассоциаций для стыковки нашего выражения с обычаями гаданий на бобах или с какой-то малоизвестной даже интерпретатору старинной азартной игрой в бобы-косточки. Наоборот,— они позволяют судить скорее о конкретно-вещественном, «продовольственном» содержании образа этого оборота. Не случайно поэтому в классической литературе этот конкретно-вещественный образ иногда нарочито налагается на переносное значение, оживляется писателями. Так, в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» переносное *сесть на бобах* искусно скрещивается с конкретным сочетанием *сидеть с бобами*, что еще больше подчеркивает характеристику крайней бедности, «закодированную» в этом выражении: «— Ну, куда мы теперь потащимся.., денег у нас нет... вот и сели теперь на бобах, среди улицы.— Приятнее сидеть с бобами, чем на бобах,— пробормотал генерал...»

Такая устойчивая привязка нашего выражения к бобам как продуктам питания во многом исходит от народной традиции, где оно употребляется именно в ситуациях, характеризующих материальную нужду, бедность и голод. Характерны, например, фразы, записанные в псковских деревнях: «Паслали денег, чтобы

перекупить, да аста́лись на баба́х»; «А вот ба́бушка тяпе́рь и сиди́ на баба́х». О «продуктовом» образе свидетельствует и новгородское выражение *раскусить бобину* «познать много горя, трудностей в жизни».

Первоначально, следовательно, выражение *остаться на бобах* имело конкретное значение — «у кого-либо не осталось никакой другой пищи, кроме бобов». По такой же модели в русском языке, между прочим, образованы и фразеологизмы *остаться на хлебе и воде*, *остаться на одном хлебе*, *остаться на пище святого Антония*. Ср. также обороты типа *остаться в одной рубашке* или *остаться без штанов*. В народной речи можно отыскать и фразеологические диалектизмы, родственные «бобовым»: арх. *остаться на бубя́х* и *жить на бубя́х*; волог., перм., пенз. *остаться на лы́лах* — «остаться без самого необходимого, без того, на что рассчитывал»; «остаться ни с чем». Архангельские обороты, видимо, являются фонетическими вариантами выражения *остаться на бобах* (ср. арх. *буб* «предмет шарообразной формы», диал. *бу́ба* «ягода, горошина», брян. *бу́ба* «боб или горох», *бу́бка* «зародыш и плод злаковых, бахчевых и некоторых других культур»). Диалектизм же *остаться на лы́лах* можно объяснить на основе диал. *лы́лы* «нижняя часть лица, скулы», «губы» — то есть остаться с одними (пустыми) скулами. Такой же шуточный образ, между прочим, скрыт и в обороте *положить зубы на полку*. Ср. также пск., твер. *жить на лу́лах* «ничего не иметь» и *на лу́лах сидеть* «сидеть на мели, быть в затруднительном положении». Как видим, и в этих случаях ассоциации диалектных синонимов к выражению *остаться на бобах* очень далеки от гаданий и весьма близки к прозаической пищевой тематике.

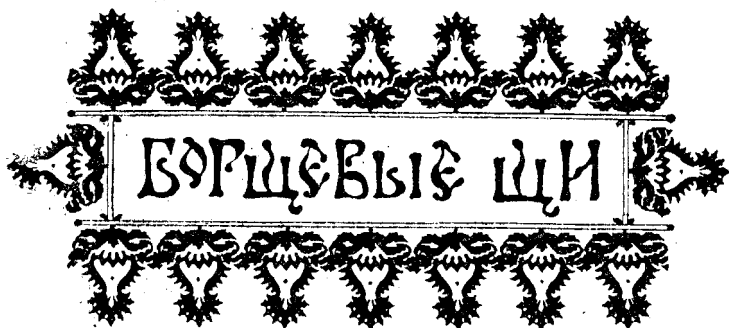
Переносная символика бобов как чего-либо очень распространенного, легко доступного, малоценного, как самого простого и дешевого продукта отразилась как в славянской, так и в неславянской фразеологии: чеш. *nemít ani bobu* (букв. не иметь ни боба) «абсолютно ничего не иметь»; нем. *nicht die Bohne* (ни боба) «абсолютно ничего», *keine Bohne wert* (не стоит и боба) «абсолютно ничего не стоит»; сербохорв. *ne vrijediti ni pišljiva bobá* (не стоять и мизерного боба) «не стоять и гроша медного»; англ. *not have a bean* (не иметь и боба) «сидеть без гроша в кармане»; фр. *rendre fève pour roi* (отдать боб за горошину) «дать немного в надежде получить больше»; итал. *non valere (non stimare) una fava* (не стоять и боба) «ничего не стоит», «не ставить ни в грош» и т. п. Та же символика малоценности, собственно говоря, отразилась и в знаменитом гоголевском сравнении *как бобов на*

тарелке — «о большом количестве народу»: «А в приемной уж народу — как бобов на тарелке» (Мертвые души).

Такая символика, как видим, интернациональна.оборот же *остаться на бобах* — исконно русский, сохраняющий национальную специфику. Об этом свидетельствует и его употребление в наших народных сказках, — например, в сказке о Василисе Поповне — дочери попа Василия, выдававшей себя перед царем Бархатом за поповского сына Василия Васильевича. Хитроумная поповна сумела обмануть царя даже в бане, успев искупаться там прежде, чем тот разделся в предбаннике:

«Царь не мог и в бане ее захватить. Василиса Васильевна, вышед из бани, писала меж тем к царю писульку и велела слугам отдать ему, когда он сам выйдет из бани. А в этой писулке было написано: „Ах ты ворона, ворона, царь Бархат! Не умела ты, ворона, сокола в саду соймаť! А я ведь не Василий Васильевич, а Василиса Васильевна“. Вот наш царь Бархат и остался на бобах: вишь, какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да лепообразная!» (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева).

Показательно, что в одном из вариантов сказки последняя фраза звучит несколько иначе: «Вот наш царь Бархат и остался на бобах — на голубых щеках». Собратель русского фольклора А. Н. Афанасьев посчитал эту прибавку *на голубых щеках*, видимо, и лишней, и не совсем понятной читателю и потому при издании сказки сократил ее. Но для нас эта прибавка (понятная уже из сопоставления с диалектным *остаться на лылах* «на скулах») более чем ценна. Ведь *голубые*, то есть истощенные, побледневшие до голубизны от голода щеки — еще одно народное свидетельство о «продуктовом», а не «гадательном» или «игровом» происхождении нашего оборота *остаться на бобах*. Бобы здесь — символ полуголодного существования, крайней бесхлебицы.

В. И. Невойт,
кандидат филологических наук

Выражение *борщевые щи* для многих звучит сегодня подобно пресловутому *маслу масляному*, ведь хорошо известные всем слова *щи* и *борщ* являются названиями аналогичных первых блюд соответственно, национальной русской и украинской кухни. Ср., например: «Как бы, голубчик, узнать: чего Енюша желает сегодня к обеду, щей или борщу?» (Тургенев. Отцы и дети).

Но словосочетание *борщевые щи* выглядит странным лишь с современной точки зрения. Для людей же, живших в XVI–XVII веках, оно было таким же естественным, как для нас, например, наименование *зеленые щи*. Дело в том, что слово *щи* (более древняя форма *шти*) появилось в русских диалектах в XV–XVI веках именно как обозначение рода нищи и оказалось в одном ряду с такими названиями, как: *варево*, *уха*, *похлёбка*. Этимологи связывают происхождение слова *щи* с существительным *сѣти* «вечто сытное», «корм» (сравните однокоренное прилагательное *сытый*). В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера читаем: «Возм., *щи* восходит к *сѣтъ, мн. *сѣти., др.- русск. *сѣто* «пропитание»... Менее вероятно родство со *щавель*, а также сближение с *сок* с реконструкцией не засвидетельствованного нигде *сѣкъ...»

Словосочетание же *кислые щи* называет определенный род шипучего кваса, который еще в прошлом веке был довольно распространенным прохладительным напитком. Ср.: один из дней жизни Павла Ивановича Чичикова «был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном...». А вот Иван Евдокимович из произведения Герцена «Былое и

думы» запивал этим напитком отнюдь не телятину. Он мог толковать о «гексаметре», «по обыкновению запивая кислыми щами всякое предложение». Эту реалию русского быта не обошел вниманием и А. С. Пушкин, который писал: «— А кто виноват,— сказал Гаврила Афанасьевич, напена кружку кислых щей» (Арап Петра Великого). Особым видом напитка были и *суточные щи* — это те же кислые щи, которые в течение суток держали в русской печи. О них упоминает А. Н. Толстой: «...Леон Манташев закатил ужин на сто персон... Трактир Тестова поставил растегаи. Трактир Бубнова на Варварке — знаменитые суточные щи и гречневую кашу для опохмеления на рассвете» (Эмигранты).

Но в наше время эти напитки уже не употребляются, устарели и их названия. Однако жидкое кушанье, называемое *щами*, по-прежнему остается характерным блюдом русской кухни. С течением времени изменялся способ его приготовления, состав компонентов, а значит, появлялись разные виды этого кушанья, как общеизвестные, так и характерные только для определенного района. Это, например, так называемые *пустые щи*, которые варятся без мяса, без жиров, или *ленивые щи*, приготовляемые более быстрым способом из нерубленой капусты. Существуют даже *мороженые щи*, которые берут в дорогу, рубят их и греют. В Рязанской области, к примеру, готовят *мягкие щи* — «щи, сваренные с обязательным добавлением картофеля», а сибиряки предпочитают *толстые щи*, то есть «густые».

Для приготовления щей использовалась свежая капуста, а также другие овощи и зелень. Поэтому появились такие названия, как: *свежие щи* из свежей капусты, *серые щи* — «щи, сваренные из верхних зеленых листьев капусты», *крапивные щи* — «щи из крапивы (по первовесенью)», *зеленые щи* из листьев шпината, щавеля или молодой крапивы. К такого рода наименованиям относится и словосочетание *борщевые щи*, потому что слово *борщ* исконно являлось обозначением растения борщевика, которое было издавна известно славянам и активно использовалось ими для различных нужд, в частности как лечебное средство, ср.: «Морковь, редька, свекла на расолы на ставленные, *борщъ* и всякой то прикладываем...» (Травник Никиты Любчанина). По свидетельству «Домостроя», это растение заготавливали также впрок, ср.: «А в ту пору и до осени борщ режучи сушити и в пленици плести...»

Но определяющую роль в истории слова *борщ* сыграло то, что называемое им растение употреблялось в пищу. А. Подвысоцкий, например, отмечает, что «зыряне употребляли борщ в пищу вместо капусты» (Словарь областного Архангельского наре-

чия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885), в других областях его использовали как лакомство. В исторических толковых словарях русского языка указанное слово так и объясняется: «Вид съедобного растения» (Словарь русского языка XI–XVII вв.), «Трава со съедобным сладким стеблем» (Словарь русского языка XVIII в.). Эти стебли (*борщевые пучки*) очищали от коры и ели в сыром виде. Из них также варили похлебки и готовили напитки. Отсюда и название *борщевые щи*. В говорах Вологодчины и Карелии *борщевыми щами* называется «отвар [из борща.— В. Н.], который охлаждают и пьют вместо кваса» (Словарь русских народных говоров).

Со временем наименование растения было перенесено на название похлебки, которую готовили из него. Так слово *борщ* превратилось в обозначение первого блюда. Это произошло не ранее XVII века и только в украинском языке и в смежных с ним русских диалектах.

Впоследствии состав продуктов, из которых готовился борщ, изменился. Его стали варить в основном из свеклы с капустой (без борщевика), но название *борщ* закрепилось и за этим варевом. Вот так и оказалось, что похожие блюда в близкородственных языках получили разные названия — *щи* и *борщ*. В русский литературный язык слово *борщ* вошло позднее уже как обозначение специфически украинского национального кушанья. Так, в первом томе, выпуск первый, «Словаря русского языка», изданном Академией Наук в 1895 году, *борщ* объясняется как «...похлебка, приготовляемая из свеклы с говядиной и свиным салом, первоначально малороссийское кушанье».

Вхождению слова *борщ* в русский язык способствовало и то, что блюдо, обозначаемое им, было воспринято русским народом, органично вошло в его быт и стало не менее популярным, чем *щи*. При этом оба блюда, хотя и были похожи, все же существенно отличались. Борщ варили и варят из свеклы, капусты, картофеля с приправами, *щи* же представляют собой жидкое кушанье, которое обычно готовят только из капусты. Аналогичное блюдо в украинской кухне носит название отнюдь не *борщ*, а *капусняк*.

Правда, в среде простых людей название *борщ* стало восприниматься как то же, что и *щи*. Это подметил Л. Толстой и изложил соответствующую ситуацию так: «— Кто борщу требовал? — провозгласила... хозяйка.., с миской щей входя в комнату» (Севастопольские рассказы).

Для современного русского человека в слове *борщ* нет уже ничего экзотического, хотя оно и не утратило на русской почве

свой национальный колорит. Оно настолько «прижилось» в русском языке, что стало восприниматься как свое собственное и использоваться не только при описании быта, но и для создания образности высказывания, выражения иронии и в других целях. В одном из современных произведений русской прозы автор, рассказывая о рыбе, завезенной из Китая, где она считалась травоядной, а на самом деле оказалась хищной, прибег к такому образу: «Где-то там, за кордоном, на скудных речных пастбищах Китая, он, может быть, и вкушал борщ из тины и жаркое из осоки, но в Акдарье, к несчастью, еще водилась рыба» (Шорохов. Володька-ОСВОД). Сравните это описание со скороговоркой «Щука в речке жила, щеткой воду мела, щи варила для гостей, угощала пескарей», где в аналогичной ситуации выступает название собственно русского блюда.

Привычно русским стало и слово *борщить* «лить без толку много, через край ...» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка), а затем и *переборщить* «превысить меру в чем-либо», которые по значению уже и не соотносятся с названием национального украинского блюда.

Однако, хотя борщ и стал популярным блюдом у русского народа, он все же не заменил собою щи, которые, по выражению А. Н. Радищева, составляют «...основание ежедневной пицци Русского народа...» (Описание моего владения). И неслучайно, что название этого блюда превратилось в символ русской кухни. Недаром Манилов, приглашая П. И. Чичикова к столу, говорил: «...у нас просто, по русскому обычаю, *щи*, но от чистого сердца». Но при этом никаких щей на столе не было. Да и в поговорке *ото щей добрые люди не уходят под щами* подразумевается обед, угощение, стол.

Как и многие другие слова, называющие неотъемлемые атрибуты русского быта, наименование *щи* широко представлено в многочисленных пословицах, поговорках, крылатых выражениях. Например: *лаптем щи хлебать* «о чьей-либо некультурности, отсталости»; *налить щей на ложку* «насолить, отомстить», *тех же щей, да пожирже влей*; *подогретые щи* «старые вести»; *и рада бы время делить, да пора щи варить*; *кабы голодному щец — всем бы молодец*; *щи да каша — пища наша, хоть со щами хлебай, хоть с кашей ешь!* «делай, что хочешь с чем-, кем-либо». Значения многих из них уже не связаны непосредственно с едой, имеют переносный, обобщенный смысл. В них отразились особенности жизни народа, его житейская мудрость, юмор. Они до сих пор сохраняют свою актуальность.

Название широко распространенного типичного блюда способ-

но вызвать у русского человека разнообразнейшие ассоциации. Вот и слово *щи* могло связываться в представлении людей с простотой и скромностью быта, могло служить приметой образа жизни человека, его положения в обществе. С. Аксаков, к примеру, вспоминает: «Япил воду, ел щи да кашу, но одевался щегольски» (Воспоминания). Щи связывались в сознании людей с самым необходимым, элементарным. А горшок щей превращался в своеобразный символ достатка, ср.: «У меня будет свой горшок щей», — заявляет Любим Торцов, персонаж пьесы А. Н. Островского «Бедность не порок». Евгений Онегин, устав от жизни, также мечтает о хозяйке, о покое да о горшке щей: «Мой идеал теперь — хозяйна, Мои желания — покой, Да щей горшок, да сам большой». Это перекликается с народными представлениями о благополучии: *Добрая жена, да жирны щи — другого добра не ищи.*

НАГНЕТАТЬ ОБСТАНОВКУ

Эр. Хан-Пира,
кандидат филологических наук

Уже более десяти лет мы читаем, слышим да и сами произносим *нагнетать обстановку*, *нагнетание обстановки*. Вот лишь несколько свежих примеров: «Равнодушие к национальному своеобразию, нерешенность многих социальных проблем болезненно отражались в национальном сознании, порождая чувства обиды, что нередко использовалось для нагнетания обстановки, создавало питательную среду для национального экстремизма» (Правда, 17 авг., 1989); «И вообще, товарищи, знаете, какое-то ненужное нагнетание обстановки — это мешает нормальной работе нашего съезда» (Известия, 27 мая 1989); «Любой другой путь, прежде всего военный, неизбежно вел в тупик, к еще большему нагнетанию обстановки» (Огонек, 1989, № 22).

Теперь можно встретить *нагнетать* и рядом со словом *ситуация* (так сказать, по праву синонимического родства): «...до сих пор не забыли ту тревожную ситуацию, которая наблюдалась в воинских частях в 30-е годы. С одной стороны, она (т. е. ситуация.— Э. Х.) нагнеталась арестами командиров, с другой — многочисленными известиями, которые поступали от родителей и знакомых к военнослужащим...» (Московские новости, 1989, № 19).

Значение, в котором употребляется *обстановка* в занимающем нас словосочетании, давным-давно известно языку и отражено во всех толковых словарях.

То, что называется словом *обстановка* (в этом его значении), можно изучать, наблюдать, оценивать, создавать, улучшать или ухудшать, менять, даже накалять, но нельзя усиливать, ослаблять, увеличивать или уменьшать, сжимать, суживать, расширять, сделать гуще или жиже, мягче или тверже. И нельзя ее перемещать.

Но тогда как же рядом со словом *обстановка* появилось *нагнетать*? Ведь все толковые словари современного русского языка регистрируют только такое значение этого глагола, которое никак

не позволяет ему управлять существительным *обстановка*: «Нагнести... (*несов.* нагнетать). Давлением переместить и сосредоточить в замкнутом пространстве (жидкость, газ и т. п.). *Нагнести воду. Нагнести воздух*» (Словарь русского языка в четырех томах).

Что же произошло и с чем? Если управляемое слово не изменило своего смысла, то, стало быть, что-то произошло в управляющем, позволившее ему преодолеть смысловой барьер, ранее не допускавший никакой связи между этими словами.

Давно уже существует устойчивое словосочетание *нагнетать давление*. Его фиксируют «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка», поясняя: «Увеличивать давление». Видимо, *нагнетать* здесь выступает во фразеологически связанном значении (если воспользоваться терминологией академика В. В. Виноградова), то есть в таком, которое есть у слова лишь в соединении именно с данным словом. В сочетании *нагнетать давление* совершилась актуализация семы (одного из слагаемых смысла) «сила» в *нагнетать*. Это обстоятельство, а также (и главным образом) явное содействие глагола *разрядить*, сыгравшего роль антонима (в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова находим: «Разрядить... 3. *перен.* Ослабить и уничтожить напряженность чего-н. (книжн.). *Его заявление разрядило атмосферу*»), привели к тому, что *нагнетать* получило переносное значение «усиливать». Именно в данном смысле оно стоит в широко известном и употребительном уже много лет выражении *нагнетать напряженность (нагнетать напряженность обстановки, нагнетать напряженность в регионе)*. В этом же смысле *нагнетать* употребляется в сочетании и со словами *страх, недоверие*. Приходится удивляться, что такой эволюции в семантике *нагнетать*, появления у слова переносного значения, не отметил ни один из выпусков словаря-справочника «Новые слова и значения», не говоря уже о менее мобильных толковых словарях.

От *нагнетать напряженность обстановки* до *нагнетать обстановку* один шаг, «провоцируемый» уже существующим антонимическим сочетанием *разрядить обстановку*. (Ср. также *разрядка международной напряженности* → *разрядка напряженности* → *разрядка*). Если рассматривать здесь эллипсис (опущение) как действие принципа языковой экономии, то, экономя на знаке и упрощая конструкцию, носители языка усложняют смысловую структуру глагола, который тут поглощает, вбирает в себя смысл опущенного слова (ср. сходное явление в словообразовании, именуемое «усечением с включением»), благодаря которому в язык

недавно вошли слова, омонимичные терминам фотододела: *негатив* и *позитив*, возникшие из сочетаний *негативные факты, явления, позитивные факты, явления*).

Видимо, в толковых словарях статья «Нагнетать» нуждается в обновлении: кроме прямого значения, в ней пора представить и переносное: «усиливать», а как фразеологически связанное показать то, которое существует только в сочетании *нагнетать обстановку* — «усиливать напряженность обстановки».

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Если Вас не затруднит, прошу объяснить значение слова *фронда*. Вот как оно употреблено у В. Конецкого в статье «Париж без праздника» («Нева», № 1, 1989 г.): «А если бы оказался в Переделкине, то зашел бы попрощаться хотя бы из любимой мной фронды...».

А. Н. Попель, Пенза

Слово *фронда* (фр. *Fronde* < *fronde* праща) имеет два значения: первое из них — социально-политическое движение во Франции (1648–1653), направленное против укрепившегося в середине 17-го века абсолютизма. Второе, переносное, значение, в котором и употреблено слово *фронда* у Конецкого — это неприципиальная, несерьезная оппозиция, главным образом, по личным мотивам. Однокоренное слово *фрондировать* (фр. *fronder*) означает — выражать недовольство, главным образом из духа противоречия, по личным мотивам. И, наконец, *фрондёр* — это недовольный, неуживчивый человек (см. Словарь иностранных слов, М., 1983).

О ВОЗМОЖНЫХ МОТИВАХ ИЗЪЯТИЯ ГЛАВЫ «У ТИХОНА» ИЗ РОМАНА «БЕСЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

О. И. Владимирская

В декабре 1871 года одна из глав романа Ф. М. Достоевского «Бесы», уже набранная, в корректуре, была забракована М. Н. Катковым, главным редактором журнала «Русский вестник». Она так и не появилась ни в журнальной публикации, ни в единственном вышедшем при жизни писателя отдельном издании романа. Речь идет о главе «У Тихона», известной также под названием «Исповедь Ставрогина». Оставив в стороне вопрос о внехудожественных причинах исключения текста (целомудренность ли редакции была покороблена аналитическим описанием психопатологической выходки Ставрогина или сам Достоевский отказался от включения главы в роман), попытаемся решить: пострадала ли целостность образа Ставрогина от изъятия главы «У Тихона».

Обратимся к тексту. Образ Ставрогина — с момента вступления в романное действие — оказывается погруженным в разноликое, многопластовое символическое поле, в котором постепенно формируются смысловые полюса красоты и уродства, света и тьмы, Христа и Антихриста.

Образы Ставрогина (Ставрогин от греч. σταυρός — «крест») и Иисуса Христа объединяются общими синонимами. Ставрогин — «учитель, вещавший огромные слова» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 196; в дальнейшем это издание цитируется без указания стр.; курсив здесь и далее наш — О. В.). Как учитель мыслится и Христос: «(...) один у вас Учитель — Христос (...)» — читаем в Евангелии от Матфея (гл. 23, ст. 8). Примеряются к Ставрогину и другие постоянные синонимы мессии: он и «знамя», и «солнце», и «свет», и «звезда», и «талисман», и «предводитель». И слово Ставрогина приравнивается в романе к слову Христа, как «совершенно новое слово, последнее слово, единственное слово обновления и воскресения». И как Иисус Искупитель, ищет Ставрогин «бремени» («...вы сами ищете бремени», — говорит ему Кириллов), и как Иисус, он должен «снести битье по лицу» — прямая реминисценция со знаменитым евангельским: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую (...)»

Напомним также, что Ставрогин в романе не приходит, не приезжает, не прибывает — он является («явился (...) как бы в виде новой надежды и даже в виде какой-то новой мечты»). «Пылкое» воображение Петра Верховенского рисует «второе» явление Ставрогина как второе явление мессии: «...начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... (...) Ивана-Царевича (...) Мы скажем, что он *«скрывается»* (...) Но он *явится, явится*. В учении о мессии также чрезвычайно важно представление, по которому *Он* явится раскрыть свою «тайну».

Подобно *Сыну Человеческому*, Ставрогин вызывает у людей «безумный восторг», доводит их до «умоисступленной мечты», имеет «высокое сострадание», побеждает «одним появлением», может «бог знает что». Перед Ставрогиным, как перед *Ним*, складывают, «как бы умоляя его, пред собою руки», говорят «стремительным полупшепотом, задыхаясь», каются. Ставрогина, как и *Его*, должно «молить», в него надо «верить во веки веков», целовать следы его ног и т. д. Казалось бы, Достоевский дает все основания отождествить образ Ставрогина с образом мессии. Однако...

...Ставрогин, — «казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен», «говорили, что лицо его напоминает *маску*». Эта маска должна насторожить читателя: ведь и бесы — «ангелы сатаны» могут принять любой выбранный ими образ, являясь даже в лике светлого ангела или самого Иисуса Христа. Но поскольку сущность бытия бесов — ложь, химера, то и образ этот — фальшивая видимость, мнимость, маска. Соскользнет маска... и предстанет Ставрогин в ином, жутком своем облике: «(...) должно быть, что-то странное произошло и с гостем (со Ставрогиным — *О. В.*): он продолжал стоять на том же месте у дверей; неподвижно и пронзительным взглядом, безмолвно и упорно всматривался в ее (Марьи Тимофеевны Лебядкиной — *О. В.*) лицо. Может быть, этот взгляд был излишне суров, может быть, в нем выразилось отвращение, даже злорадное наслаждение ее испугом — если только не померещилось так со сна Марье Тимофеевне; но только вдруг, после минутного почти выжидания, в лице бедной женщины выразился совершенный ужас; по нем пробежали судороги, она подняла, сотрясая их, руки и вдруг заплакала, точь-в-точь как испугавшийся ребенок; еще мгновение, и она бы закричала. Но гость опомнился; *в один миг изменилось его лицо* (...)»

Будучи созданием самого Бога, неверными слугами его, бесы

унаследовали из ангельского прошлого возможность тонкого проникновения в ход человеческих мыслей, в чужие сны, способность к внушению нужных им идей. «Мошенник, мне только пришлось, а уж он и сон отгадал! Точно сам подталкивает ехать», — это внутренняя речь капитана Лебядкина, ему Ставрогин внушил мысль донести на «тайное» общество. Вкрался Ставрогин и в сны Хромоножки: «А вы почему узнали, что я про это сон видела?..»

Наши «догадки» подтверждает и подозрение в «шпионстве», преследующее Ставрогина на протяжении всего романа:

«— Знаете, они считают вас, кажется, за шпиона? Я поддакиваю, вы не сердитесь?»

— Ничего.» Это из разговора Петра Верховенского (очевидно го шпиона) и Ставрогина. Шпионство и бесовство неотделимы: ведь бесы — «шпионы дьявола».

Принадлежность Ставрогина к силам зла изобличает его сатанинский смех. Вспомним эпизод, когда Ставрогин дает Федьке Каторжному деньги, прекрасно понимая, что тот примет их как задаток за убийство Хромоножки: «Николай Всеволодович громко захохотал и, вынув из кармана портмоне, в котором было рублей до пятидесяти мелкими кредитками, выбросил ему одну бумажку из пачки, затем другую, третью, четвертую. <...> Николай Всеволодович кинул в него, наконец, всю пачку и, продолжая хохотать, пустился по переулку <...>». «Знаете, — скажет потом Ставрогин Даше, вспоминая случай с Федькой Каторжным, — мне со вчерашней ночи ужасно хочется смеяться, все смеяться, непрерывно, долго, много. Я точно заряжен смехом...»

Ставрогин смеется сам и боится смеха над собой, вновь давая нам повод провести аналогию с нечистым духом, ведь «осмеяние сатаны — победа над ним Христа». Это его свойство чутко уловила Лиза: «Я вам должна признаться, у меня тогда, еще с самой Швейцарии, укрепились мысль, что у вас что-то есть на душе ужасное, грязное и кровавое, и... и в то же время такое, что ставит вас в ужасно смешном виде».

Роман дает все основания видеть в Ставрогине оборотня. В способности Ставрогина надевать личину, носить разные маски уличает его и Хромоножка: «А кто тебя знает, кто ты таков и откуда ты выскочил! <...> А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слепая подъехала? <...> Похож-то ты очень похож, может, и родственник ему будешь, — хитрый народ! Только мой — ясный сокол и князь, а ты — сын и купчишка! <...> Как увидела я твое низкое лицо, когда упала, а ты меня подхватил, — точно червь ко мне в сердце заполз: не он, думаю, не он! <...> Говори, самозва-

нец, много ли взял? За большие ли деньги согласился? (...) Прочь, самозванец! (...) Я моего князя жена, не боюсь твоего ножа! (...) Гришка *От-репъ-ев а-на-фе-ма!*»

И, наконец, другое, скрываемое именование образа, — табуируется: «Иваном, Иваном (...), неужели вы могли предположить, что каким-нибудь другим *ужасным* именем?» — так отвечает Мария Шатова на вопрос мужа, как назвать ее ребенка, родившегося от Ставрогина. Здесь вновь подчеркивается несомненная связь главного героя с тем, «черекрести-которого-и-запахнет-пальной-шерстью».

Противоположности неотделимы друг от друга: если есть белое — ищи рядом черное, если есть день — будет и ночь. Так и символический образ Ставрогина, оборотня к самому себе, предстает перед нами как уникальный (доселе беспрецедентный в литературе) случай равномерного колебания между двумя предельными точками развития человека и мира. Принадлежа то свету, то тьме, Ставрогин каждым персонажем воспринимается одновременно в обоих полюсах: вот Хромоножка складывает перед ним, «как бы умоляя его, пред собою руки», а вот она уже «отшатнулась назад, подымая пред собою, как бы в защиту, руку и приготавливаясь опять заплакать», вот Шатов говорит, что Ставрогин, «может быть, в те же самые дни», когда насаждал в его сердце «бога и родину», отравил «сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом», утверждал в нем «ложь и клевету» и довел «разум его до иступления», и знаменательное завершение Ставрогина: «Повторяю, я вас, ни того, ни другого, не обманывал». Подобных примеров — множество: на каждый аргумент в пользу принадлежности Ставрогина к «светлому царству» существует не менее весомый контраргумент, на каждый тезис — антитезис. Лик Ставрогина одинаково соблазнителен для наполнения его силами добра или силами зла, он не знает «различия в красоте между какою-нибудь сладострастною, зверскою штукой и каким угодно подвигом».

Любая попытка установить знак хотя бы приблизительного равенства между Ставрогиным и каким-либо из «прилагаемых» к нему в романе символов оказывается напрасной. Ставрогин появляется в романе в ореоле тайны и уходит неразгаданным. Тайна — вот единственный определяющий принцип в характеристике этого образа. Тайне противостоит всеобщее стремление найти ей толкование. Стремление сильное, но безуспешное, ибо сюжет дает лишь ложные ходы для разрешения загадки, лжеразгадку. Таково, например, заблуждение, сводящее тайну Ставрогина к его отношениям с Хромоножкой, или Лизой, или с Шатовым

и т. д. Эти «тайны» постепенно раскрываются, но образ Ставрогина продолжает оставаться неразгаданным.

Каждый последовательно вводимый символ (принц Гарри, Гамлет, премудрый змий и т. д.) — очередная предлагаемая разгадка, очередная версия, не получающая подтверждения. Ставрогин умирает и уносит с собой свою великую тайну, и по сей день не дающую покоя читателям и исследователям.

Всё так, если оставить «незамеченной» главу «У Тихона», несущую в себе «разгадку». Ничтожную разгадку великой тайны, разгадку, сводящую феномен Ставрогина к «еще одному» исповедальному образу.

Блестяще отделанная с стилистической точки зрения глава, становясь структурным звеном композиции, превращает образ Ставрогина из единственного в «один из», то есть по сути дела уничтожает его. Намеки на великую ужасную тайну становятся «следами» от главы «У Тихона», виртуозно работающий художественный механизм «пробуксовывания» сюжетного хода — карнавальной мишурой, ненужным «украшательством», а сама тайна — такая великая, что любая разгадка умалила бы ее, — сводится к пошлости.

Глава «У Тихона» уничтожает, убивает Ставрогина. После ее включения в структуру романа нет смысла продолжать повествование о гражданине кантона Ури. Глава пригвождает, приговаривает образ к однозначному толкованию его как «раскаивавшегося грешника, не могущего раскаяться до конца» и превращает дальнейшее одновременное углубление взаимоотрицающих смысловых полюсов в назойливую сказку про белого бычка. Разгадка несет образу Ставрогина художественную смерть, что позволяет нам «таинственное» исчезновение из романа главы «У Тихона» считать счастливой случайностью. Благодаря этому обстоятельству неразгаданный притягательный образ, скрывающийся под масками Христа и антихриста, воплотивший в себе суть трагического в романе, превратил его из злободневного политического памфлета в неиссякаемое творение Ф. М. Достоевского.

С. Ю. Дубровина

Среди разнообразных диалектных названий растений типа «конское копыто», «медвежье ухо», «гусиная лапка» особенно привлекает внимание наименование «кукушкины слезки». В работах известного русского ботаника прошлого века Н. И. Анненкова мы находим несколько названий со словом *слезки* (*слезы*): «вороньи слезки», «коровьи слезы», «заячьи слезы», «Матери Божией слезы», «Богородицыны слезы», правда, встречаются они в тексте всего один раз. В то же время название «кукушечьи (кукушья, зезюлины) слезки» входит в определение более чем двадцати видов растений в различных говорах русского, украинского и белорусского языков.

Распространение названия на столь обширной территории не может быть случайным. Почему «слезки»? И почему именно «кукушкины»? Нет ли здесь связи с забытыми ныне культурными представлениями?

Ответ на этот вопрос можно получить, если исследовать чисто видовые особенности растений с этим наименованием, а также попытаться проникнуть в древний мир традиционных этнических и фольклорных мотивов восточных славян.

Обращение к справочной ботанической литературе позволяет нам сделать вывод о том, что название «кукушкины слезки» принадлежит травам семейства орхидных (*Orchidee*) или рядом

стоящих семейств, например, касатиковых — известный всем *и́рис* (*Iris*). Но народное название «кукушкины слезки» особенно характерно для растения *Ятрышник пятнистый*. Это многолетнее растение с *прямостоячим*, не ветвистым стеблем, с длинными, тянущимися вверх листьями и лилово-розовыми цветками в густом соцветии. Из внутренних листочков околоцветника нижний — более крупный и образует губу со шпоркой у основания. В научной ботанике такая форма цветка названа *неправильной*, но именно эта неправильность придает всему растению особую прелесть. Народная молва и закрепила причудливость конфигурации растения, относящегося к одному из видов орхидей, в названии «кукушкины сапожки».

Растения семейства орхидных интересны своей окраской. Листья усыпаны желтыми или бурыми неровными пятнами, рассыпанными в беспорядке по зеленому полю. Такая неровность окраски вызвала к жизни названия «рябые зезюльки» (черниг.), «кукушечье точиво» (новг.) и научное обозначение — *Ятрышник пятнистый*.

Мелкие многочисленные предметы могли ассоциироваться в народном представлении со слезами. Так, в пензенских говорах «кукушкиными слезками» называются зародыши мотыльков, отложенные кольцом на ветках растений, а в задонских и воронежских — куколки бабочки-шелкопряда.

А. Н. Афанасьев сообщает, что «когда кукушка кукует, то из глаз ее капают на древесную ветку слезы; за эти слезы принимают зародыши насекомых, облипающих древесную ветку и называемых у немцев *kukus — spiechel*, у сербов — *кукавичја суза*, у нас — кукушкины слезки».

Известно, что в различных снотолкователях мелкие предметы толкуются как знак несчастья, беды, слез: деньги медные, виденные во сне, предвещают печаль и сопротивление; монета — бедность и досаду; красные ягоды — к печали, а жемчужное зерно — к ссоре. В контексте этих предметных связей можно допустить, что и мелкие пятнышки на листьях растения напоминают слезы.

С другой стороны, пестрота, неоднородность окраски зеленых листьев соотносилась с особой окраской перьев кукушки, недаром прозванной в народе «рябой»: «Ты кукушка-ряба! Ты кому же кума?»

Существовал на Руси и обряд «Крещения кукушки», который подробно описан замечательными русскими этнографами прошлого века А. Н. Афанасьевым, И. Е. Мандельштамом, а также

Д. И. Зелениным, Е. Г. Кагаровым и другими. Совершался он обычно спустя три-четыре недели после Пасхи и являлся чисто женским обрядом кумовства. Средством, при помощи которого эти отношения устанавливались, и являлась травка «кукушкины слезки». На чучело кукушки, сделанное из корня растения, надевали сорочку, покрывали «голову» птицы платком и вешали шейный крестик (для свершения обряда могло использоваться и чучело настоящей птицы). Желаящие «кумились» между собой: проходя под березкой, на которую была посажена «кукушка», целовались через венки и менялись дарами — крестами, лентами. При этом участницы обряда пели особую обрядовую песню — «Кукушка», содержание которой впрочем почти не сохранилось. Уже в конце XIX века под «Кукушку» не только пели, а и «скакали», по описанию старожилов, то есть исполняли частушки и пляски.

Имеется одно очень ценное фактическое наблюдение, воспроизводящее текст хороводной песни с целостной, неразрушенной семантикой обряда:

Кума с кумой покумились,
 Чтобы нам весь год не браниться.
 Побранимся, грешны будем,
 Кукушечке тошно станет...

В этнографических сообщениях начала века дается прямое указание на то, что при «крещении и похоронах кукушки» использовалась именно трава «кукушкины слезки», обычно «одетая» в сарафан и рубашку (часто красного цвета), повязанная платком, с шейным крестиком.

В городе Болхове Орловской губернии для «крещения кукушки» употребляли траву «заря». «Кукушку» изготовляли с вечера. Знали, у кого в саду растет хорошая заря, спрашивали, например: хорошая у вас заря? и шли выбирать в одном ли в саду или в нескольких... За изготовление бралась девушка, умеющая это делать. «Кукушка» изготовлялась так: срезали зарю и обрезали верхушку и корень так, чтобы получить ствол вышиной в пол-аршина... Листья срезали так, что из них выходили ножки и ручки. Листья-ножки оттягивались книзу, потом срезали листья так, что оставался почти один только стебель листа... Головки не оказывалось и за нее принимали верхний конец стебля. ... «кукушку» девушки оставляли на ночь под прессом, чтобы она приняла надлежащий вид с оттянутыми книзу ножками и чтобы не скоробились ручки...» (из сообщения В. Харузиной «Обряд крестить кукушку в Орловской губернии» в ж. «Этнографическое обозрение» за 1912 год).

Связь «зари» и «кукушкиных слезок» не случайна. Оба растения употреблялись в магических целях. В интересной статье Н. И. Толстого «Плакать на цветы» (Русская речь, 1976, № 4) описано использование травы «зари» в древнем дохристианском обряде вызывания дождя и плодородия, который совершался в Троицын день, когда жители деревень несли к обедне траву и затем плакали над ней. «Троицкое проливание слез», «оплакивание цветов» нашло отражение в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин», в творчестве С. Есенина.

Представление о кукушке как умершей душе отражено в народных песнях: кукушкой прилетает домой несчастная дочь, отданная замуж далеко от родной семьи, в свадебной русской песне невеста-сирота посылает кукушку за своими умершими родственниками, чтобы они «пришли» благословить ее на новое житье. В русской и литовской похоронной причети одиночество осиротевшей после смерти брата сестры передается через обобщенный общефольклорный образ кукушки. У сербов и литовцев есть предание о превращении в кукушку неутешной сестры, которая долго и горько оплакивала смерть своего брата. На деревянных могильных крестах в Сербии изображается столько кукушек, сколько родственников и особенно сестер грустят по усопшему.

Итак, кукушка — вестница печали и горя, скорби по умершим — является как бы посредницей между двумя мирами. Свидетельство этому — обращение к кукушке в похоронных причитаниях якобы для того, чтобы узнать у нее об умерших родственниках. В южных районах Псковской области, а также в Витебской, Смоленской областях до сего времени сохранилась традиция необридовых «голошений», когда женщины уходят подалее в лес, в поле и там, наедине с собой и природой, голосят, то есть выплакивают свою боль, обращаясь к «серой подружке-кукушке».

По мнению современного исследователя балто-славянских традиций Л. Г. Невской, пестрота птицы является не только орнитологической реальной ее характеристикой, но и тем «признаком, который относит ее в разряд славянских реалий с негативным смыслом. Литовское *Sūnelis raibos paukštėlis* «пестрая птичка» — образ, заключающий в себе идею близости к миру мрака, тьмы, смерти. Через родовое название птицы передавали образ умершего сына или брата, любого члена семьи, так кукушка становилась постоянным элементом погребального обряда и символическим обозначением вестника смерти. Пестрая птица в представлении человека — посредник между нижним миром мрака и тьмы и живым верхним миром: «По утрышку по раннему нале-

тела птичка вещая, Птичка вещая, подземельная. Она крылышки расправила, по окошечку ударила» (В кн.: Балканское и славянское языкознание. М., 1984. С. 133).

Представление о кукушке устойчиво связывалось русским народом с семантикой горя и несчастья. По В. И. Далю, *куковать*, т. е. «кричать кукушкой», обозначает «предсказывать злое». «Хорошо кукуешь, да на свою б голову!» — предостерегает пословица.

Отвечают пословицы и на вопрос, почему же кукует кукушка? «О том кукушка и кукует, что своего гнезда нет», «Оттого кукушка по чужим гнездам бедует, что своего нет», «За то кукушка без гнезда, что в Благовещенье его завила», «Не кукушка кукует, а жена горюет», «Кукушка кукует, горе вещует».

Таким образом, в названии растения и народной характеристике птицы имеются общие смысловые мотивы, связующие их: пестрота, использование в женском обряде кумовства, значение мрака и тьмы, вестника загробного мира, печали.

Рассмотренные смысловые представления находят соответствия и развиваются в других славянских языках. В чешском и словенском словаре ботанических названий В. Махека приводятся такие лексемы, как *kukašci*, *kukaška*, *zezulka*, *kukašku*, *kukašćina leviti*, относящиеся к различным видам растений, в том числе к орхидеям. Тут же приводится объяснение названия: «цветет, когда поют кукушки». Сходное толкование о времени созревания ржи, ячменя существует в Восточной Сибири, Беломорье, Архангельской области, где говорят «кукушка колосом (ячменем) подавилась», что буквально значит «когда кукушка перестает куковать».

В различных славянских зонах прослеживается в представлении людей символическая связь этого растения с семейным благополучием. В Сербии его корень носят под поясом, чтобы дети не умирали (так у Веселина Чайкановича отмечено в «Речнике сербских народных верований о растениях». 1985). Русские верили, что беременные женщины могут угадать по этой траве пол ребенка: если на корне будет два отростка, то родится девочка, а если три, то мальчик (А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1969). Считалось, что корень имеет особую магическую силу: «если жена с мужем живут не в ладу, мужа следует напоить настоем этого растения. Черный корень означает мужа, белый — жену (Р. Кедрина. — Этнографическое обозрение. 1912, № 1–2). На русской территории широко известно и другое название этого растения — «любка» (научное ботаническое «любка двулистная») и даже «люби меня не покинь» (малорос.).

Еще два значения слова *кукуша* диссоциируют с уже названными, так как имеют довольно экспрессивную отрицательную окраску. *Кукуша*, *кукушка* — не только помощница страдающих и несчастных, она же и беззаботная мать, бросающая на произвол судьбы свое дитя: «беспамятлив, что кукушка». Словом *кукуша* обозначается и нечто пустое, глупое, например, неуместное, брошенное на ветер слово, болтовня: «За кукушку бьют в макушку».

Это представление могло трансформироваться и в названиях растений. Например, у чехов существует обозначение *zezulčí*, *kukačbí* к *Cuscuta*: в народе считалось, что это растение питается от других точно так же, как кукушка, подбрасывающая своих птенцов.

В настоящее время превалируют более материальные представления о кукушке, связанные с зоологическими особенностями обитания этой птицы. Мифологическая обрядовая символика исчезает, уступив место конкретным и более доступным современному сознанию реалиям. Скромная роль травки «кукушкины слезки» и ее участие в столь распространенном некогда обряде — забыты. Тем дороже для нас свидетельства старых текстов и словарей, открывающие тайну значений знакомых с детства слов родного языка.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В повестях и рассказах о деревне иногда встречается слово *пуня*. Ясно, что это какое-то сооружение. Какое? И для чего?»

В. П. Кочетков, Москва

В 17-томном Словаре современного русского литературного языка мы прочтем, что *пуня* — это сарай для хранения мякины, сена; кладовка, клеть для хозяйственных надобностей, что слово это употребляется лишь в некоторых областях.

У В. И. Даля в его толковом словаре найдем эти области: Новгородская, Тверская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Калужская, Смоленская. И, конечно, нельзя удержаться от удовольствия процитировать разъяснение В. И. Даля: «*Пуня*, *пунья*... — половня, пелевня, мякинница; поветь, сеновал; сарай, отдельный чулан, плетневая клеть, где складывают всячину и летом спит хояин».

ФАБРИКА, ЗАВОД, ИНДУСТРИЯ

Т. Ю. Тамерьян .

«Хотелось бы знать, как и когда в нашем языке появились такие привычные слова, как *фабрика, завод, индустрия*. Расскажите, по возможности»

В. В. Волошин, *Донецк*

Западное влияние на развитие промышленности в России в XVIII–XIX вв. вызвало большой приток в русский язык иноязычных терминов. Это явление часто сопровождалось поиском пояснений и толкований, подбором соответствий, первоначально эквивалентных или синонимичных. Так, в русском языке появились слова *мануфактура* и *фабрика* (начало XVIII в.), *индустрия* (XIX в.), исторически восходящие к латинскому языку.

Крупное капиталистическое производство того времени существовало в двух формах (мануфактура и фабрика), которые нередко объединялись под общим названием «фабрики». Основное технологическое отличие мануфактуры от фабрики состояло в том, что на мануфактуре часть процесса производства выполнялась вручную. И тем не менее, слово *мануфактура* иногда применялось для обозначения любого промышленного предприятия фабричного характера.

В XVIII в. *мануфактурами* называли преимущественно ремесленные заведения, чаще фабрики, главным образом, текстильные. Мануфактура как форма производства создала предпосылки для перехода к капиталистической фабрике. Р. А. Будагов отме-

чает, что слово *фабрика*, многозначное в классической латыни, в поздний период подверглось переосмыслению в сторону значения «сооружение, устройство». А с XVIII в. в Западной Европе *фабриками* стали называть «промышленные предприятия по переработке сырья при помощи машин» (Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971. С. 85–86).

Словари XVIII века дают следующие толкования слов *мануфактура* и *фабрика*: *мануфактура* — «рукоделье, рукодельный завод; именованье, почти исключительно присвоенное заведениям, на которых приготовляются ткани, отличные узорами своими и пряжами» (Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. И. Нордстетом. Ч. I, СПб., 1780); *фабрика* — «завод, заведение, где приготовляются разные материалы в большом количестве для употребления в общежитии без дальнего искусства и только помощью известных приемов, чем фабрика разнится от мануфактуры, где работают искусники и нарочно обученные своему ремеслу люди, которыми искусство, приобретенное достаточною опытностью, руководствует в произведениях их, но впрочем мануфактуру и фабрику можно подразумевать под словом завод» (Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все российские слова по порядку российского алфавита. Сост. И. Ф. Лихтен. СПб., 1762).

Как видим, сам текст словарной статьи указывает на то, что в синонимическом ряду *мануфактура* — *фабрика* присутствует еще одно слово — русское новообразование *завод*. Иноязычные заимствования, находя соответствия среди исконных слов, вступали с ними в дуплетные отношения. И только в результате продолжительного употребления в качестве эквивалентов осуществилось размежевание смысловых оттенков этих слов.

Довольно продолжительное время не различали не только понятия *мануфактура* и *фабрика*, но также значений слов *фабрика* и *завод*.

Несмотря на широкое распространение терминов *мануфактура*, *фабрика* и *завод*, становление их смыслов завершилось только в начале XX столетия. Осуществившаяся дифференциация значений этих слов закрепила за фабрикой статус предприятия легкой промышленности. К этому времени уже почти вышел из употребления термин *мануфактура*, смысл которого по сути дела вобрало в себя слово *фабрика*. Впрочем, слово *мануфактура* не исчезло совсем — до 70-х годов XX в. оно иногда применялось в собирательном значении «текстильные изделия» (Словарь иностранных слов. М., 1979). Что же касается термина *завод*, то это исконно русское название стали употреблять только по отноше-

нию к промышленным предприятиям с механической обработкой сырья.

По-иному складывались отношения другой синонимической пары: *индустрия* — *промышленность*. К моменту заимствования слова *индустрия* — «фабрично-заводская промышленность» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 2), в русском языке уже существовало слово *промышленность*. Первоначально термин *промышленность* применялся для обозначения всей хозяйственной деятельности человека. Появление иноязычного термина *индустрия* сразу же повлекло за собой формирование нового, более узкого смысла слова *промышленность* — «обрабатывающая промышленность». Именно в этом значении употреблялось и заимствованное слово *индустрия*.

По мере дальнейшего развития всех отраслей экономики слово *индустрия* стало олицетворять не только обрабатывающую промышленность, но и промышленность, переведенную на машинную технику, производящую, в первую очередь, орудия и средства производства. К 60-м годам XX в. как следствие того, что вся промышленность прошла путь индустриализации, значения слов *индустрия* и *промышленность* сблизились.

Рассмотренные примеры промышленных терминов позволяют судить о сложности процесса становления их смыслов в системе русского языка, функционирования промышленной терминологии в русском языке, связанного с определенными этапами социально-экономического развития общества.

О СПРЯЖЕНИИ ГЛАГОЛА

Н. А. Каламова,

доцент Московского государственного университета

В школьных учебниках при изложении спряжения глаголов не все вопросы получили освещение: в них не названы некоторые глаголы, относящиеся к I спряжению, некоторые разноспрягаемые глаголы; ничего не говорится о недостаточных и избыточных глаголах. Поскольку знание этого материала необходимо поступающим в вуз, постольку этот пробел должен быть восполнен.

В русском языке принято различать два спряжения — I и II, которые отличаются друг от друга гласными звуками в окончаниях 2 и 3 лица ед. ч. и 1 и 2 лица множ. ч. (*несешь, поёшь, несет, поёт, несем, поём, несете, поёте* с *е* для I спряжения и *молчишь, говоришь, молчит, говорит, молчим, говорим, молчите, говорите* с *и* для II спряжения), а также гласными *у* (*ю*) для I спряжения и *а* (*я*) для II спряжения в окончаниях 3 лица множ. ч.: *несут, поют* и *молчат, говорят*. В 1 лице ед. ч. для I и II спряжения окончания одинаковые: *-у* (*-ю*) (*несу, пою, и молчу, говорю*). Этих примет достаточно, если окончание глагола находится под ударением (*беру́т, ве́зут, шумя́т, гудя́т*).

Но большинство глаголов при спряжении не имеет ударения на личных окончаниях: оно у них на основе. Как же тогда определять спряжение? В таких случаях спряжение определяется по тому гласному, какой стоит перед суффиксом инфинитива.

К I спряжению относятся глаголы, у которых:

1) инфинитив оканчивается на *-и-ть* (*вози́ть, пи́лить, трати́ть* и др.), кроме глаголов *бри́ть, стели́ть* (это разговорная форма глагола *стла́ть*, поэтому и спрягается как *стла́ть*), редко встречающихся глаголов *зиди́ться* «основываться, строиться» и *зыби́ться* «колебаться, качаться, покрываться вы́бью»: *Наша дисциплина зиде́тся на сознании народа; Решения суда зиду́тся на законе; Тихо зыбле́тся тростник (II); Листья на воде от легкого ветерка чуть зыблю́тся* (Глаголы *зиди́ться* и *зыби́ться* употребляются только в форме 3 лица ед. и множ. числа, остальные формы не употребляются);

2) инфинитив оканчивается на *-е-ть*, и суффикс *-е-* при спряжении выпадает (таких глаголов семь: *виде́ть, верте́ть, зависе́ть, ненави́деть, оби́деть, смотре́ть, терпе́ть*: *терплю—терпишь—тер-*

нит); если суффикс *-е-* при спряжении не выпадает, то глагол относится к I спряжению: *бледнеть—бледнею—бледнеешь—бледнеет*;

3) инфинитив оканчивается на *-а-ть* после шипящих (три глагола: *дышать, держать, слышать*), у которых суффикс *-а-* при спряжении выпадает: *дышу—дышишь—дышит*. Если суффикс *-а-* не выпадает при спряжении, то глагол относится к I спряжению: *уезжать—уезжаю—уезжаешь—уезжает*;

4) глагол *гонать*: *гоню—гонишь—гонит*.

Все остальные глаголы с неударяемой флексией (в том числе глаголы на *-о-ть, -е-ть, -ну-ть, -а-ть*) относятся к I спряжению.

Глаголы приставочные, образованные от бесприставочных, относятся к тому типу спряжения, что и бесприставочный глагол (*задержать—держать* (II), *присмотреть—смотреть* (II), *уколоть—колоть* (I)).

Есть в русском языке и разноспрягаемые глаголы, у которых одни формы образуются по I спряжению, а другие — по II. К ним относятся: а) *бежать*, который имеет все формы как у глаголов II спряжения, кроме 3 лица множ. ч. — *бегут* (по I спряжению); б) *хотеть* — в ед. ч. изменяется по I спряжению (*хочу—хочешь—хочет*), а во множ. ч. — по II (*хотим—хотите—хотят*); в) *читать* — изменяется по II спряжению, кроме 3 лица множ. ч. (*чтут*), хотя есть форма и *чтят*, которая сейчас употребляется реже, чем *чтут*; г) *брезжить* «рассветать, чуть светиться» — употребляется только в форме 3 лица ед. ч. (*брезжит* — II спряжение) и множ. ч. (*брезжут* — I спряжение): *Чуть брезжит рассвет; Слабо брезжут звезды в небе.*

Нехарактерную для глаголов I и II спряжений систему окончаний (архаическую) имеют глаголы *есть, надоесть, дать, создать* (и их приставочные производные: *переесть, заесть, сдать, отдать, задать, придать, воссоздать* и др.).

ед. ч.	е-м	надое-м	да-м	сзда-м
	е-шь	надое-шь	да-шь	сзда-шь
	е-ст	надое-ст	да-ст	сзда-ст
мн. ч.	ед-им	надоед-им	дад-им	сздад-им
	ед-ите	надоед-ите	дад-ите	сздад-ите
	ед-ят	надоед-ят	дад-ут	сздад-ут

Глагол *быть* также своеобразен. От него в современном русском языке сохранились редко употребительные формы 3-го лица ед. и множ. ч. настоящего времени — *есть* и *суть* (с окончанием *-ть*): Глазность *есть* принцип советского судопроизводства; Самые обыкновенные, принимаемые почти всеми историками общие от-

влечения *суть*: свобода, равенство, просвещение, прогресс, цивилизация, культура. Л. Толстой. Война и мир), а будущее время образуется от другого корня: *буду, будешь, будет, будем, будете, будут*.

Еще следует сказать о так называемых недостаточных и избыточных (избыточных) глаголах.

Недостаточные глаголы не имеют полного набора форм лица по тем или иным причинам. Некоторые глаголы не имеют формы 1-го лица ед. ч. потому, что они затруднительны для произношения: *победить, убедить, (перубедить, разубедить), чудить, очутиться, ощутить, затмить, разговорные шкбодить, галдеть, ерундить* и др. Но когда все-таки необходимо употребить форму 1-го лица этих глаголов, прибегают к описательному способу: *должен победить, хочу убедить, могу очутиться*.

У ряда глаголов не употребляются формы 1-го и 2-го лица ед. и мн. ч. по смысловым причинам — называют процессы, происходящие в природе или в мире животных: *телиться, жеребиться, котиться, щениться, ржаветь, брезжить, зыбиться, белеться, чернеться, желтеться, светлеться, зеленеться, темнеться, раздаться (о звуке), разгореться* и т. п. Многие глаголы имеют такие значения, которые указывают на действия, не совместимые с лицом, поэтому у них тоже нет форм 1-го и 2-го лица ед. и мн. ч.: *расплющиться, распространиться, завариться, ветвиться, бродить (о тесте), обезлесеть* и др.

Наконец, у некоторых глаголов 1-е лицо ед. ч. не употребляется потому, что от иных глаголов образуются омонимичные им формы (ср.: *дерзить—держу, бузить—бужу* и *держать—держу, будить—бужу* и т. п.).

Имеет место в современном русском языке и обратное явление, когда у некоторых глаголов образование форм лица настоящего (или простого будущего) времени идет двумя разными способами: *метать—мечет / метает, брызгать—брызжет / брызгает, капать—каплет / капает, плескать(ся) — плещет(ся) / плескает(ся), полоскать—полощет / полоскает, махать—машет / махает, кудачтать—кудахчет / кудачтает, хлестать—хлещет / хлестает, рыскать—рыщет / рыскает, глодать—гложет / глодает, тыкать—тычет / тыкает, щипать—щиплет / щипает* и др.

Причем, в одних случаях эти двойные формы разошлись по значению: *каплет* — самопроизвольное действие — «протекать» (Яд каплет сквозь его кору.), *капает* — действие, производимое кем-то, — «ронять капли» (Врач *капает* больному капли); *мечет* — «бросает»: *мечет* копьё, гранату, *метает* — «сбивает крупными стежками, обшивает петли, швы»: *метает* петли; *брызжет* (грязь,

слуюной), *брызгает* (водой); *движет* — «руководит»: Мною *движет* сознание долга, *двигает* — «перемещает»: Мы *двигаем* стулья. В других случаях эти формы разошлись стилистически: более старая форма с чередованием согласного относится к нейтральному стилю (*машет, полощет, плещет, брешет*), а без такого чередования выступает либо как разговорная (*махаем, полоскаем*), либо как просторечная (*плескаем, брехаем*). В ряде случаев устаревшие формы получают стилистический оттенок книжности или высоты, торжественности: *испытует, обязует, связует, страждет, указывает* в отличие от нейтральных *испытывает, обязывает, связывает, страдает, указывает*. Печать архаичности и книжности несут на себе такие выражения, как *указующий перст, наказуемое деяние, испытующий взгляд, неописуемый восторг, связующее звено* с производными от этих устаревших глаголов.

Есть еще и безличные глаголы, которые не входят в систему спряжения, так как они выражают действия или состояния, происходящие как бы сами по себе, без участия субъекта; у этих глаголов нет форм лица — они не изменяются по лицам и не относятся ни к I, ни ко II спряжению (*знобить, светать, рассветать, нездоровиться, холодать, вечереть, тошнить, смеркаться* и др.) Эти глаголы употребляются в безличных предложениях, и подлежащее при них невозможно.

Группа безличных глаголов пополняется за счет личных глаголов путем присоединения к ним аффикса *-ся*: *не читается, не работает, не спится, хорошо живется, не верится, не ложится, (не) хочется, легко дышится* и т. д.

Довольно часто личные глаголы употребляются в значении безличных (Ср.: Сирень *пахнет* хорошо и *Пахнет* сеном над лугами; Колокольчик *звонит* на перемену и *Звонит* в ушах; Ветер *клонит* деревья к земле и Меня *клонит* ко сну; Что-то *вдали темнеет* и Зимой рано *темнеет*).

Следует отметить, что глаголы спрягаются (изменяются по лицам и числам) только в настоящем и простом будущем времени. Если форма будущего сложная (у глаголов несовершенного вида), то спрягается только вспомогательный глагол *быть*, а основной глагол берется в инфинитиве. Глаголы в прошедшем времени не спрягаются — не изменяются по лицам.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый Валентин Павлович,

обращаюсь к Вам как главному редактору журнала «Русская речь» с просьбой опубликовать на его страницах нижеследующий текст. Это — проект преамбулы к Закону СССР о языковой политике, разработанный мною как членом коллектива ученых при комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР по вопросам развития культуры, языка, национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия. Имелось в виду предложение ряда народных депутатов СССР принять на сессии Верховного Совета не детализированный Закон СССР о языках народов СССР, а краткую Декларацию.

Выполняя поручение Комиссии, автор и попытался нетривиально определить и изложить в рамках сжатой преамбулы основные языковые права и принципы языковой политики. 30 октября 1989 года я передал свой текст в Комиссию. Ниже он и предлагается вниманию читателей «Русской речи».

Насколько могу судить, идея Декларации тем временем отпала. Как бы то ни было, 15 ноября 1989 года Чингиз Айтматов, председатель Комиссии, на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей, представляя законопроект, позволил себе включить в свое выступление важные идеи, формулировки и целые абзацы из моего текста. Реальный их автор не был назван или хотя бы спрошен. Между тем мне они дороги не просто как интеллектуальная собственность; после этого заседания, транслировавшегося по ТВ, мой текст автоматически приобрел статус документа. К тому же 22 ноября 1989 г. «Литературная газета» опубликовала указанное выступление Ч. Айтматова под несколько двусмысленным, на мой взгляд, в этом контексте заглавием «Живи сам и дай жить другим» с подзаголовком «По поводу проекта Закона о языках народов СССР». Сопоставление исходного текста и этого выступления, мне кажется, представляет интерес для историка наших

дней с разных точек зрения — текстологической, лингво-поэтической, культурноречевой, этической и эстетической.

Я обращаюсь с этим письмом в «Русскую речь», а не в Комиссию по депутатской этике потому, что культура языка имеет в виду язык и в дефицитном качестве «инструмента самопроверки». На это обратил внимание С. С. Аверинцев в ходе дискуссии о «Плахе». И трудно не согласиться с ним, что «у языка — своя этика, у слов — своя совесть» (см.: Лит. газета, 1986, 15 окт.).

29 марта 1990 г.

В. Григорьев

Закон СССР о языковой политике

Полноценное развитие многонационального советского общества невозможно без последовательного осуществления политики наибольшего благоприятствования в отношении культуры каждого из народов Союза ССР. Важнейшей частью общей и национальной культуры является культура языка и языкового общения — главный предмет заботы государственной языковой политики. Языковая политика не может рассчитывать на успех, если она недооценивается государством, строится на ненаучных основаниях, остается недостаточно проясненной, оказывается тайной, теневой или чисто декларативной. Чтобы быть действенной, языковая политика должна быть открытой, целостной, сильной и последовательной. Невыполнение этих условий влечет за собой подмену подлинной языковой политики ее суррогатами. Естественная для любой части мира, в силу разных причин социально-исторического характера, неравномерность языкового развития отдельных народов осложнилась в нашей стране процессами, которые и были следствием произвольных суррогатов языковой политики, действовавших в течение многих десятилетий и глубоко искаживших реальные достижения культурной революции и языкового строительства Страны Советов. Эти суррогаты представляли собой лингвополитический эквивалент постепенного отхода от гармонизации межнациональных отношений и последующих ад-

министративных перекосов и беззаконий. В сфере идеологии такие суррогаты подкреплялись бездоказательной «теорией слияния наций и языков», полуофициальной идеей навязать русскому языку месснианскую роль «мирового языка социализма», а также великодержавными пропагандистскими клише типа «руководящая нация», «старший брат», «первый среди равных». На практике этому отвечали волюнтаристские попытки форсированного «перемешивания» и слияния наций. Ведомственные проекты, связанные с неконтролируемым ввозом рабочей силы, угрожали деформацией социального и культурноязыкового развития республик, краев и областей, депопуляцией коренного и языковой деградацией перемещаемого населения. В самих языках закреплялось унижительное «пулификаторское» переименование природных и культурных объектов, а также «русификаторское» смешение слов «русские» и «советские» наряду с противопоставлением слов «русские» и «национальные». Искусственно сдерживалось развитие стилистического богатства языков, ограничивались сферы их использования, унифицировались средства языкового выражения в школе, средствах массовой информации, публичной речи, художественной литературе. Все это приводило к двусмысленному статусу полупринудительного и однонаправленного «двуязычия» и самого русского языка как «второго родного языка», провоцировало национальную замкнутость и вспышки национализма, вплоть до «русофобии», но угрожало всем без исключения: народам СССР — «разъязычиванием», а их языкам — стилистическим вырождением. Тем самым нарушались права граждан и целых народов на удовлетворение основных языковых потребностей, в том числе такие права и общеправовые принципы, как

— равенство прав всех народов на свое языковое прошлое, включая литературу, фольклор, топонимы и антропонимы;

— равенство прав на языковое будущее независимо от количества говорящих на том или ином языке;

— равенство прав на беспрепятственное развитие родного языка, на письменность и ее смену независимо от административного статуса национально-языковой общности и наличия или отсутствия такого статуса вообще;

— право граждан некоренной национальности («диаспоры») в местах компактного проживания на всестороннее языковое развитие;

— право обучения на родном языке;

— право на языковое и культурное самоопределение, вплоть до добровольно осознанного, а не насильственно навязываемого отказа от родного языка, и нераздельно связанное с этим;

– право на полноразвитие, т. е. на полноценное владение языком и его использование как средства не только бытового общения, но и творческого развития культуры, без чего человек обрекается на «полужизнь» и «полукультуру»;

– право на многообразие стилей языка художественной литературы и индивидуальных стилей;

– право на свой государственный язык в пределах государственной автономии;

– право на свободу общественных объединений по языковым интересам, в том числе на свободное изучение, пропаганду и научное исследование иностранных языков и вспомогательных международных языков типа эсперанто, а также на независимое обсуждение альтернативных прогнозов ближайшего и отдаленного языкового будущего Союза ССР и всего человечества.

Языковая политика должна исходить из перечисленных прав и общеправовых принципов. Никто не имеет исключительного права собственности ни на один из тех языков, которые используются народами СССР как средства самовыражения. Любые высказывания о благе для того или иного языка поверяются общественной практикой как проявления постоянно развивающегося диалога индивидуальных стилей и стилей мышления в их закономерном многообразии. Вместе с тем новое политическое мышление предполагает переход всего советского общества на более высокий уровень языкового и стилового самосознания. Уважение к любому языку и пользующемуся им даже самому немногочисленному сообществу людей или многомиллионному народу – неременное условие гармонии между патриотизмом и интернационализмом, этими важнейшими общечеловеческими ценностями. Такой гармонии отвечают следующие принципы языковой политики СССР:

1) принцип наибольшего благоприятствования каждому из языков народов СССР;

2) принцип максимального удовлетворения языковых потребностей всех народов и граждан СССР;

3) принцип обеспечения полноразвития каждому гражданину СССР;

4) принцип запрета на любую дискриминацию языков национальных меньшинств;

5) принцип всемерного поощрения граждан СССР, стремящихся к высокой культуре двуязычия и многоязычия, и специалистов, способствующих достижению такой культуры.

При соблюдении принципов 1–5

6) каждый народ, имеющий статус автономии, вправе объявить свой язык государственным в ее пределах;

7) русскому языку как одному из официальных и рабочих языков ООН и как традиционному для нашей страны средству межнационального общения может быть придан статус федеративного языка Союза ССР.

Настоящий Закон определяет общие принципы языковой политики Союза ССР, а также неотъемлемые права граждан СССР как языковых личностей. Он обеспечивает лишь самые основные условия для свободного языкового и культурного развития каждого гражданина страны и общегосударственных сфер общения. Обязанности удовлетворения конкретных языковых потребностей народов, в том числе народов, не имеющих территориальной автономии, Закон возлагает на органы управления соответствующих союзных республик под постоянным контролем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Специфические особенности отдельных регионов и практические задачи языкового строительства и наиболее полного удовлетворения языковых потребностей общества учитываются в законодательстве союзных республик, а также в повседневной деятельности местных Советов народных депутатов, обязанных содействовать культурно-языковым инициативам граждан.

Подготовил В. П. Григорьев
29 октября 1989 года

Редакция журнала «Русская речь» принимает для публикации рекламные объявления на договорных началах от советских и зарубежных учреждений, предприятий, организаций и кооперативов.

Мы можем помещать рекламу по следующим направлениям:
учебные наглядные пособия, компьютерная и другая техника по обучению языкам, навыкам чтения, развитию речи, переводу, редактированию текстов и т. п.;

различные учебные заведения, курсы, кружки и т. п. гуманитарного профиля;

книжно-издательская продукция гуманитарного характера;
музеи, памятники культуры, архитектуры, произведения литературы и искусства;
печать; полиграфия.

Культура русской речи

Так называлась Всесоюзная научная конференция, которая состоялась в марте этого года в Звенигороде. Она проводилась отделом культуры русской речи Института русского языка АН СССР. Это была первая такая конференция всесоюзного значения. В работе ее участвовали ученые, преподаватели вузов, аспиранты, работники средств массовой информации из Москвы, Ленинграда, Волгограда, Свердловска, Красноярска, Челябинска, Казани, Саратова, а также из Латвии, Украины, Молдавии и других городов и республик страны.

Экономические и политические преобразования, происходящие в последние годы в нашем обществе, выявили чрезвычайно низкий уровень культуры народа, в том числе и языковой. Поэтому пропаганда правильной русской речи, владение родным языком сейчас становится вопросом государственной важности.

Лингвисты всегда уделяли основное внимание нормативному аспекту языка: орфоэпии, грамматике, стилистике. Практика жизни выделяет на сегодняшний день и такие весьма важные разделы культуры речи, как владение функциональными разновидностями языка в различных коммуникативных системах. Это культура речи комментатора на телевидении и радио, народного депутата, лектора, учителя, врача, продавца, работника сферы обслуживания, культура общения граждан между собой в транспорте, на улице и других общественных местах.

Поэтому ученые стали большое внимание уделять устным формам речи. Не случайно возродился интерес к риторике как к искусству хорошей, правильной публичной речи.

Открывая конференцию, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка АН СССР, доктор филологических наук Е. Н. Ширяев предложил такое определение культуры речи: культура владения языком — правильный выбор и организация языковых средств, которые в определенной ситуации при соблюдении языковых и этических норм дают наибольший эффект достижения коммуникативных задач.

В повышении культуры речи населения большую практическую роль должны играть ученые-языковеды. Об этом говорил

доктор филологических наук И. Г. Милославский. «90 процентов людей не умеют мыслить. И задача отечественной лингвистики,— сказал он,— так поставить школьное образование, чтобы учащиеся с первых лет обучения приобретали навыки правильной речи, умели мыслить». Выступающий привел наставление профессорам Царскосельского лицей, звучащего и сейчас очень современно: «...И никогда не терпеть, чтобы они (ученики) употребляли слова без ясных идей».

Проблемам совершенствования преподавания русского языка было посвящено одно из заседаний круглого стола. Оно прошло под председательством доктора филологических наук Т. А. Ладыженской. В выступлениях учителей школ и преподавателей вузов были высказаны мысли «о несовременной тональности общения учителя и ученика в наших школах сегодня». А это ведет к большим потерям в обучении подрастающего поколения. Выступавшие предлагали проекты программ, пособий по культуре речи для вузов, говорили о необходимости внедрить их в практику широких слоев населения.

О необходимости разработки разнообразных по форме, содержанию, жанру культурноречевых изданий говорила в своем выступлении профессор из Свердловска Н. А. Купина. По ее мнению, до настоящего времени не осуществлена систематизация тех подходов к культуре речи, которые выработаны наукой и используются в школе, вузе, специализированной и массовой аудитории.

Много проблем и в преподавании культуры речи современным актерам. Этому были посвящены выступления профессора школы-студии МХАТ А. Н. Петровой и преподавателя Волгоградского университета Г. И. Стрепетовой.

Вместе с тем само понятие культура речи нельзя рассматривать как что-то раз и навсегда определенное. Это подчеркнул в своем выступлении доктор филологических наук В. П. Григорьев: «Вправе ли мы утверждать, что располагаем целостной концепцией культуры речи? Последовательны ли мы в осуществлении задач ее построения? Искренний ответ на эти вопросы предполагает постановку множества промежуточных контрольных проблем более конкретного плана». По его мнению, понятия *культура языка* и *культура речи* сегодня можно дополнить еще одной компонентой — человеческое достоинство, являющееся едва ли не главной. У слов своя совесть, у языка своя этика.

«Сегодня необходимо говорить о лингвистической экологии, и этот аспект учитывать в преподавании языка в вузах», — отметил профессор А. П. Сковородников из Красноярска. Ученый считает, что сегодня большое внимание следует уделять преподаванию в вузах риторики.

Надо отметить, что все сообщения, посвященные этой науке, привлекли внимание участников конференции. Так, доктор филологических наук Л. К. Граудина остановилась на проблемах парламентской и митинговой речи. «На митинге, как правило, спор используется как средство сильного психологического воздействия, открытой словесной дуэли с оппонентом. В парламенте же ставится задача совместного уяснения какого-либо дискуссионного вопроса. Ораторы должны придерживаться избранных высоких принципов и широкого взгляда на обсуждаемый предмет, допускающий возможность иного подхода и другой оценки. Депутат не имеет права опускаться до выпадов или каких-то личных, мелких, придирчивых возражений. Даже форма обращений друг к другу в парламенте приобретает особое значение, так же, впрочем, как и вопрос о «парламентских» и «непарламентских» выражениях».

Преподаватель Л. Г. Смирнова из Смоленска в своем сообщении подняла проблему языковой организации публичного выступления как условия эффективности его восприятия.

Разным аспектам культуры речи были посвящены выступления ученых. Так, преподаватель из Риги Л. И. Игнатьева рассказала об «особенностях вариантности словосочетаний в сложносокращенных словах в условиях латышско-русского двуязычия». В. А. Дризуле и И. П. Друвиете остановились на проблемах культуры речи в условиях многоязычия и влияния традиции на нормализацию современного литературного языка.

Доктор филологических наук А. С. Герд (г. Ленинград) остановился на проблеме профессиональных коммуникаций. О речевой культуре профессионального общения юристов рассказала кандидат филологических наук Т. В. Губаева из Казани. Понятие культура речи имеет значение не только в приложении к литературному языку. Диалект и культура речи — этой теме было посвящено сообщение доктора филологических наук В. Е. Гольдина (Саратов).

Вызвало большой интерес выступление доктора филологических наук Е. М. Верещагина, рассказавшего о писателе А. И. Солженицыне как о лингвисте. «Писатель отчетливо и недвусмысленно сформулировал самобытную теорию, которую в разное время называл по-разному, постоянно сохраняя, однако, единый стержень. Такова теория словарного, или лексического, или, еще иначе, языкового расширения», — отметил выступающий.

В небольшом обзоре, конечно, невозможно даже перечислить темы всех выступлений на конференции. Но хотелось бы отметить, что благодаря четкой организации работы, строгому регла-

менту удалось выступить практически всем. А всего в работе этого форума участвовали 83 человека. Заседания проходили в дискуссионной атмосфере. Все выступления в настоящее время обобщаются и систематизируются. По материалам конференции будет издан сборник.

В заключительный день работы мы обратились к Е. Н. Ширяеву с просьбой поделиться своими впечатлениями о конференции. «Ценность такой конференции в том, — сказал он, — что на ней были определены основные направления в развитии культуры речи. Участники ее поставили актуальные современные лингвистические проблемы. Теперь дело за тем, чтобы реализовать, претворить их в жизнь, так как всякая теория оценивается практикой».

Т. И. Абрамова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Очень часто в телевизионных передачах употребляется слово *обеспечение*. Причем говорят и *обеспечение* и *обеспечение*. Как же все-таки правильно?»

В. В. Гайнова,
Мытищи, Московской обл.

Это существительное имеет ударение на третьем слоге — *обеспечение*. Так и следует его произносить. К сожалению, грубая речевая ошибка в этом слове (*обеспечение*) чрезвычайно распространена. Проверьте себя ещё раз: правильно ли вы говорите.

КРОССВОРД

Юмористический рассказ на актуальную тему

Наталья Воскресенская

Не успела еще Марья Васильевна убрать после ужина со стола, как супруг ее, Петр Егорыч, принялся за любимейшее свое занятие — отгадывание кроссворда. Он выложил перед собой вчетверо сложенную газету и в предвкушении удовольствия аккуратно разгладил ее рукой:

— Так-с, что тут нам преподнесли на этот раз? Небось такое напридумывали...

— Чем дурью маяться, — ворчала Марья Васильевна, — взял бы хоть дров наколод, ни полешка не осталось.

— Успеется, — выставил на нее ладонь Петр Егорыч. — Мозги тоже тренировки требуют.

Марья Васильевна безнадежно вздохнула и ушла на кухню.

— И то верно, пананя, обязательно требуют. А то и вовсе усохнут, — поддержала отца Аксютка, уютно расположившаяся на печке с книжкой в руке. — Как натренируешь, обязательно в Академию наук сообщи, может, из трактористов в ученые переведут, — аппетитно хрумкнула она яблоком.

Петр Егорыч не стал отвлекаться на глупые слова дочери, а весь сосредоточился на кроссворде. Заполнив почти все клеточки игры эрудитов, он вдруг неожиданно споткнулся. Сколько Петр Егорыч ни закатывал глаза вверх, сколько ни сводил их у переносицы — ничего не получалось, не мог он отыскать в умственных своих запасах нужного слова.

— Марья! — наконец позвал он громыхавшую на кухне посудой жену. — Поди сюда!

Вытирая руки полотенцем, Марья Васильевна появилась в дверях:

— Ну чего кричишь?

— Да слово не могу отгадать.

— Слово он не может отгадать, оказия какая, — скорчила она

издательскую физиономию.— Ну говори, какое. Скорей только.

— Вот смотри, как тут заверчено: во Франции, значить, все женщины — мадамы, в Германии — фрау, в Польше — пани. А у нас-то как они называются?

— Как это «как у нас?» — удивилась Марья Васильевна.— А то не знаешь: по именам у нас баб кличут.

— Эх ты, «по именам». Это в деревне нашей по именам, потому как знают все друг дружку наперечет. А как, положим, в городе быть, где народу уйма? Нешто запомнишь всех по именам? Как ты, к примеру, будешь обращаться к незнакомой женщине? Не скажешь же ей «фрау»?

— Ах ты, черт окаянный! — подозрительно глянула на мужа Марья Васильевна.— Ты уже и к незнакомым примериваешься?! Как обращаться к ним не знаешь?! Мало мне было Дашки твоей Розеткиной! — голос ее задрожал.— Ух ты, ирод! — замахнулась она полотенцем.— Теперь из города мечтаешь притащить?!

— Да не мечтаю я,— увернулся от удара Петр Егорыч.— Чего ты взбеленилась? Говорю же — кроссворд такой.

Но Марья Васильевна уже сидела рядом за столом и выливала в полотенце слезы всплывших воспоминаний. Аксютка, привыкшая к подобным сценам, казалось, не реагировала, только чаще заработала по яблоку ее зубы.

— Ну и глупая же ты баба,— разволновался и Петр Егорыч.— Ей про кроссворд, а она... Ну чего ты...

Наконец, вскрикнув в последний раз, Марья Васильевна встряхнула полотенце, словно вытряхивая из него глупые свои сомнения, и, прихватив со стола забытую чашку, ушла на кухню.

— Что же делать? — проводив ее взглядом, думал Петр Егорыч.— Обидно, однако, почти все отгадал...

Он стал усиленно вспоминать, как выходил из положения, когда гостил в городе у сына Федора. Ведь приходилось же ему обращаться к прохожим. Как там-то он их называл?..

Вспомнилось, как окликнул он однажды идущую впереди него, в три погубели согнувшуюся под тяжестью огромной сумки, женщину:

— Гражданочка, постойте, пожалуйста!

Как вкопанная застыла она на месте. Сумка вырвалась из руки и тяжелой гирей хлопнулась на асфальт.

— Не подскажите, к универмагу я правильно иду? — обошел Петр Егорыч женщину кругом и удивился, увидев ее испуганно бегающие по сторонам глаза.

— Фу ты, черт. Напугал,— выдохнула женщина.— Думала —

милиционер. Кто же так говорит «гражданочка», — передразнила она его и, схватив сумку, поплыла дальше.

Нет, «гражданочка» явно не вписывается, — сосчитал Петр Егорыч, потоптавшись за ней, как бы шутя поинтересовался:

Как-то раз собрался он купить апельсинов. Не зная, как обратиться к широченной спине в самом конце очереди, Петр Егорыч, потоптавшись за ней, как бы шутя поинтересовался:

— Сударыня, вы последняя?

Некоторое время спина не оборачивалась, словно обмозговывая, как бы это повежливее всадить за издевательство. Наконец, медленно развернулась и пара маленьких свинячьих глазок воплилась в Петра Егорыча.

— Пить меньше надо, сударь, — обласкали они его. — Ишь умник какой нашелся.

Не подходит «сударыня», оскорбительно звучит, — решил Петр Егорыч. — Да и клеток не хватает. Что ж за слово такое диковинное? — ломал он голову.

Припомнился еще один случай, в городском автобусе. Потребовалось Петру Егорычу передать деньги за проезд. Чтобы привлечь внимание стоящей рядом женщины, он постучал монеткой по ее плечу. Увлечшись разговором со своим спутником, она не реагировала.

«Женщиной назвать — еще обидится, — рассуждал Петр Егорыч, — со спины вроде молодая. Девушкой — тоже рискованно: обернется, а там старая каракатица. Вот незадача. Может дамочкой назвать?.. Вроде бы ничего, что-то средне-неопределенное, и звучит приятно».

Делать было нечего и, ударив посильнее монеткой по плечу, он ласково промолвил:

— Дамочка, передайте за проезд.

— Кто это меня там колотит все время?! — обернулось молодое и очень симпатичное личико.

Петр Егорыч оторопел от неожиданности и, вдруг забыв нужное слово, пролепетал:

— За проезд передайте, мадамочка.

— Все мадамы — в Париже, — грозно глянул на Петра Егорыча спутник девушки.

— А у нас кто же? — уж и не зная, как себя вести, промямлил Петр Егорыч.

— У нас друзья и товарищи, — проинструментировал его парень.

— ...Передай за проезд, друг, — неловко сунул Петр Егорыч парню монету, думая лишь об одном: поскорее бы выбраться из автобуса.

Парень взял деньги и тут же, переключив внимание на очаровательную свою спутницу, стал молча, как бы между прочим, тарабанить по плечу следующего пассажира...

Перебрав в памяти все варианты своего взаимоотношения с городскими женщинами, так и не поняв Петр Егорыч, как нужно к ним обращаться в общественных местах. Как привлечь их внимание, не трогая руками.

Так и не отгадал он загадочного слова в кроссворде...

Номер оформили художники: *Н. Беланов, С. Жагин, В. Троицков, М. Мордвинцева, Е. Чуканова.* ©

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), **Л. К. ГРАУДИНА**,
В. П. ГРЕБЕНЮК, **В. П. ГРИГОРЬЕВ**, **А. Ф. ЖУРАВЛЕВ**,
Ю. Н. КАРАУЛОВ, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **Л. Ю. МАКСИМОВ**,
И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, **Л. А. НОВИКОВ** (зам. главного редактора),
Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора), **Н. И. ТОЛСТОЙ**,
В. Ю. ТРОИЦКИЙ, **А. П. ЧУДАКОВ**, **Е. Н. ШИРЯЕВ**, **Д. Н. ШМЕЛЕВ**

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова
Художественный редактор
В. А. Леонов
Корректоры
В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.04.90
Подписано к печати 06.06.90
Формат бумаги 84×108/32
Бумага типографская № 2.
Печать высокая. Усл. печ. л. 9,6
Усл. кр.-отт. 471 тыс.
Уч.-изд. л. 9,8. Бум. л. 2,5.
Тираж 54700
Заказ 4377. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25.
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6